

Администрация Брянской области

Распоряжение

_____ января 2001 года № _____
г.Брянск

**О проведении конкурса на лучший проект
памятника Ф.И.Тютчеву в городе Брянске**

Во исполнение Постановления Администрации области от 12 мая 2001года №221 «О мерах по подготовке к празднованию 200-летия со дня рождения Ф.И. Тютчева» управлениям архитектуры и градостроительства, культуры Администрации области совместно с Администрацией города Брянска провести в марте месяце 2001 года творческий конкурс на лучший проект памятника Ф.И. Тютчеву в городе Брянске.

Утвердить положение о конкурсе и состав жюри, приложения 1,2.

Контроль за исполнением распоряжения возложить на Копырнова Б.М., Первого заместителя главы Администрации области, заместителя председателя организационного комитета по подготовке и проведению юбилейных мероприятий в связи с 200-летием со дня рождения Ф.И. Тютчева.

Текст данного распоряжения опубликовать в газете Брянский рабочий.

Глава
Ю.Е.Лодкин

Администрации

Президенту
Российской Федерации
В.В. Путину

Уважаемый Владимир Владимирович!

В 2003 году исполняется 200 лет со дня рождения выдающегося русского поэта и дипломата Ф.И. Тютчева, внесшего достойный вклад в отечественную и мировую культуру.

Министерство культуры России, Союз писателей, руководство Брянской области, где в селе Овстуг в 1803 году родился поэт, уже несколько лет ведут подготовку к этому знаменательному событию. Реставрируется и развивается усадьба, обустраиваются исторические места, с которыми связаны детские и творческие годы жизни поэта, учреждена литературная премия имени Ф.И. Тютчева, проводятся ежегодные Тютчевские праздники поэзии.

В настоящее время назрела необходимость создания Государственной комиссии, с целью координации действий всех заинтересованных ведомств по подготовке и празднованию 200-летия Ф.И. Тютчева и принятия соответствующего Плана мероприятий на федеральном уровне.

Учитывая значимость имени поэта, предлагаем отметить день 200-летнего юбилея Ф.И. Тютчева - 5 декабря 2003 года, как общенародный праздник России.

ДЕНИСЬЕВСКИЙ ЦИКЛ: НАЧАЛО И КОНЕЦ

Г.В. ЧАГИН

В жемчужных россыпях тютчевской поэзии, в его любовной лирике большинство литературоведов в первую очередь выделяли Денисьевский цикл, как цикл, построенный на движении «романного» сюжета, как «автобиографическую повесть о любви», «по глубине психологического раскрытия любовной темы, не имеющей себе равных в его лирике заграничного периода»¹.

Первым «строителем, архитектором» Денисьевского цикла можно по праву считать Ф.Ф. Тютчева, сына поэта и Е.А. Денисьевой, который бережно сохранял стихотворения отца, посвященные его матери и впервые опубликовал ранее неизвестную часть их в год столетнего юбилея Ф.И. Тютчева² (в то время о Денисьевском цикле, как таковом, разговора еще не было). К тому же, Федор Федорович не только опубликовал стихи, но и своей статьей громогласно раскрыл тайну «последней любви» поэта³, тем самым как бы заявив и свое право на отцовский талант и тютчевскую фамилию. Таким образом, он примерно на четверть века опередил Г.И. Чулкова в правах создателя Денисьевского цикла⁴. После Чулкова наиболее плодотворно в этом направлении работал К. В.

---

¹ Пигарев К. Жизнь и творчество Тютчева. - М., 1962. - С. 145.

² Тютчев Ф.Ф. Федор Иванович Тютчев. (Материалы к его биографии)// Исторический вестник», - 1903. - Т. ХСIII. - Июль. - С. 199 - 201.

³ Надо заметить, что даже десятилетие спустя после выхода статьи Ф.Ф. Тютчева, В.Я. Брюсов во вступительной статье к Полн. собр. соч. Тютчева (Изд. А.Ф. Маркс, 1912 г.) лишь мельком упомянул о некоей г-же Д., «бывшей классной дамой в Екатерининском институте...», внушившей поэту лучшие его лирические произведения.

⁴ Чулков Г. Любовь в жизни и в лирике Ф.И. Тютчева// Тютчевский сборник. -Пгд, 1923. - С. 5-32; Чулков Г. Последняя любовь Тютчева (Елена Александровна Денисьева). - М., 1928.

Пигарев, а затем исследования по Денисьевскому циклу продолжила ученица правнука поэта И. В. Петрова⁵. Справедливости ради необходимо сказать, что в той или иной мере Денисьевскому циклу уделяли внимание в своих трудах Г. А. Гуковский⁶, В. Н. Касаткина⁷, К. Г. Лейбов⁸ и некоторые другие. Статья последнего, спорная на наш взгляд, имеющая определенные фактические неточности и вызвала желание еще раз подробнее осветить историю этого вопроса.

Лейбов, в частности, в выражении «Денисьевский цикл» слово цикл посчитал «не более чем литературной метафорой», добавив что «цикл этот создан не Тютчевым, а его биографами и исследователями, прежде всего Г. Чулковым», и что в нем «отсутствует главный признак цикла в современном понимании термина» (? - Г.Ч.).

Ф.Ф. Тютчев, вполне вероятно, и мечтал о собирании воедино всех стихотворений своего отца, посвященных его матери, мог сделать это лучше кого-либо из последующих биографов поэта, но понимал всю трудность этого выполнения. Он был любящим сыном, обожал свою мать и бережно хранил память о ней, в основном поэтическими свидетельствами отца и письмами матери к своей сестре М.А. Георгиевской. В семье Георгиевских, принимавших впоследствии непосредственное участие в воспитании единственного оставшегося в живых племянника, Федор Иванович зачастую и оставлял свои поэтические обращения к Лёле, встречая в доме её родной сестры самый радушный приём. Этим, кстати, и объясняется, что стихотворения Денисьевского цикла опубликовывались после смерти поэта не без их участия.

---

⁵ Петрова И.В. Творчество Ф.И. Тютчева 1850-х - начала 1870-х годов: Автореферат на соискание учёной степени к. ф. н. - М., 1963. - (Моск. обл. пед. институт).

⁶ Гуковский Г.А. Некрасов и Тютчев: к постановке вопроса//Научн. бюллетень ЛГУ. - 1947. - № 16 - 17. - С. 51 - 54.

⁷ Касаткина В. Н. Поэзия Ф. И. Тютчева. - М., 1978.

⁸ Лейбов Р.Г. Незамеченный цикл Тютчева//Лотмановский сборник. - М., 1995. - С. 516.

Хорошо известно, что, не желая выставлять свои сердечные раны напоказ, поэт далеко не всегда хотел обнародования своих стихов, касающихся Денисьевой, или обращенных непосредственно к ней. Именно поэтому все биографы и издатели тютчевских стихотворений, если и имели на руках отдельные автографы их, то, зачастую, не имели точных дат их написания. При жизни Фёдора Ивановича никто и не пытался уточнить имени его «тайной страсти», хотя, вероятно, многие и догадывались. Никто, ни при жизни поэта, ни тридцатилетие спустя после его смерти и не пытался говорить в открытую ни о «последней любви» поэта, ни, тем более о каком-то цикле, ей посвящённом.

Посыл к печатанию любовного цикла поэта, по существу, сделал Ф.Ф. Тютчев, еще в 1885 году передав Я.П. Полонскому для публикации стихотворения «Пламя рдеет, пламя пышет...» и «Так в жизни есть мгновения...», а затем, опубликовав в материалах к биографии Ф.И. Тютчева ещё пять его стихотворений, четыре из них впервые: «Июнь 1868 г.» («Опять стою я над Невой...»), «15-го июля 1865 г.» («Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...»), «23-го ноября 1865 г.» («Нет дня, чтобы душа не ныла...»), «Накануне годовщины 4-го августа 1864 г.» и дополненное и исправленное публикатором «По возвращении из Ниццы в 1865 г.» («Есть и в моем страдальческом застое...»). (В скобках даны современные названия стихотворений). Но не видеть, что эти семь стихотворений, вместе с теми тремя из письма Тютчева к Георгиевскому⁹, да ещё «Как хорошо ты, о море ночное...» уже составляют определенный цикл, было нельзя. Поэтому, Чулкову оставалось только прибавить к ним те семь, опубликованных в «Современнике» пьес, посвященных Денисьевой (Тютчев пошел на это, зная, что тайная их любовь была раскрыта ещё в конце

---

⁹ Георгиевский Александр Иванович (1830-1911), профессор-историк, публицист, был мужем Марии Александровны Георгиевской (урожд. Денисьевой), сводной сестры Е. А. Денисьевой. Дружба их семьи с поэтом, начавшаяся в 1862 г., продолжалась вплоть до кончины Тютчева. (Подробнее: Из воспоминаний А. И. Георгиевского. Тютчев в 1862-1866 гг. ЛН, Федор Иванович Тютчев, кн. 2. С. 104-163.) Речь идет о письме, присланном поэтом Георгиевскому из Ниццы 13/25 декабря 1864 г. (В статье 128-131).

1851 г.) и опубликовать их в 1928 году единым Денисьевским циклом. К тому времени Лев Александрович Георгиевский¹⁰ оставался практически единственным хранителем переписки своих родителей с поэтом и его «последней любовью». Он-то и предоставил часть их Чулкову для написания книги о «последней любви поэта».

Окончательно раскрыл для читателя душевные чувства поэта через двадцать лет после его сына замечательный литературовед, писатель и поэт Г.И. Чулков, автор первого «советского» Полного собрания сочинений Ф.И. Тютчева (1933), посвятивший более тридцати лет изучению его жизни и творчества. Свою статью «Любовь в жизни и в лирике Ф.И. Тютчева» (1923) он через пять лет дополнил книгой-очерком «Последняя любовь Тютчева», в которой поместил уже восемнадцать стихотворений поэта, вошедших с тех пор в историю русской литературы под общим заглавием «Денисьевский цикл». В него под номерами вошли (примем нумерацию Чулкова) 10, 12 и 11 (пьесы из письма Георгиевскому) и 18,14,17,15 и 16 (из публикации Ф.Ф. Тютчева), и те, которые были опубликованы в «Современнике».

На примере составительской работы Чулкова видно, с какими трудностями он встретился, располагая стихотворения во временном порядке. Уже из этого списка ясно, что автор стихотворений, кажется, приложил все усилия, чтобы подобного любовного цикла, такого, как мы ныне представляем себе, никогда бы не существовало в природе. В большинстве своем стихотворения, впервые вышедшие из под пера автора не имели ни явного адресата, ни заглавия, ни даты написания. Но поэта можно было понять - в то время, когда его душа и сердце буквально изнывали в любви к одному единственному существу на свете и не могли не выливаться реальным - стихами, их автор,

---

¹⁰ Георгиевский Лев Александрович, второй сын А. И. Георгиевского, был директором лицея цесаревича Николая в Москве. Переписка Тютчева с Георгиевскими//Дружба народов. - 1999. - №4. - С. 203-221. Публикация Чагина Г.В.).

вынужден был скрывать от всех, и, прежде всего от близких, эти, облакаемые в поэзию, выражения его чувств. В лучшем случае эти клочки бумаги с нацарапанными на них стихами попадали в руки Денисьевой или близких друзей и прятались ими до лучших времен - чаще всего они просто пропадали. Отсюда, как мы увидим, и сплошные временные лакуны между стихотворениями и такое малое их общее количество (ведь никто не поверит, что за четырнадцать лет этой огромной любви поэт писал своей Лёле лишь по одному стихотворению в год!).

В подкрепление нашей мысли приведем высказывание Ю.Н. Тынянова об особенностях поэзии великого лирика: «При незнании хронологии можно говорить лишь очень условно об известном приурочении произведений к действительности... Несомненно, в стихах Тютчева - самая надежная поэтическая летопись его интимной жизни». Поэтому так важен тщательный анализ и самого цикла и каждого стихотворения, приведенного в нем.

Для выяснения общей картины, состава цикла, сведем его полностью в таблицу «по Чулкову»: (автограф, дата написания, дата и место опубликования):

1. Чему молилась ты с любовью... Автогр. неизв.¹¹. 1852; Ш. 1854-«Современник».
2. О, не тревожь меня укорой справедливой... Неизв. 1852; Ш. 1854-«Соврем.»
3. Не говори: меня он как и прежде любит... РГАЛИ, 505/29, л.6, 1852, Ш, 1854. «Соврем.»
4. О, как убийственно мы любим... Неизв. 1852; Ш. 1854. «Соврем.»
5. Предопределение РГАЛИ, 505/29. л.4. 1852. Ш. 1854. «Соврем.»
6. Я очи знал - о, эти очи... Неизв. 1853; Ш. 1854. «Соврем.»

---

¹¹ Сведения об автографах берутся нами по: Тютчев Ф.И. Лирика. Т. 1, 2. - М., 1965. Изд. подготовлено Пигаревым К.В. (Далее: Лирика -1, 2.)

Денисьевского цикла, что подтверждает предположение в нежелании, прежде всего автора, хранить их. 7 из 18 при жизни автора вошли в первый сборник его стихотворений (вероятно, тогда же и пропало сразу пять автографов). А вот затем с публикацией пьес, посвященных Денисьевой, оказалось сложнее и так же по «вине» самого Тютчева. Только четыре стихотворения, посвященных Денисьевой и в её память поэт благословил на публикацию (о трёх из них мы уже говорили!). С тех пор ни одно из них при жизни поэта не появилось в печати! Это ли не подтверждение его нежелания выставлять «напоказ своих язв сердечных»?

Пятилетие, прошедшее со дня выхода книги, Чулков был занят составлением и комментариями Полного собрания стихотворений Ф.И. Тютчева¹². Его комментарии были обширными, обстоятельными, что относилось и к стихам, посвященным Денисьевой. Но на этот раз составитель несколько поменял порядок стихотворений, выведенный им ранее. Вот как он теперь шёл: 6,5,4,1,2,3,7-18. Начав список пьесой «О, как убийственно мы любим...», Чулков потом значительно уточнил и конкретизировал даты написания стихотворений.

Еще четверть века прошло до выхода в свет нового собрания стихотворений Ф.И. Тютчева¹³, которое подготовил уже новый блестящий составитель и комментатор. Вот в каком порядке К.В. Пигарев расположил стихотворения Денисьевского цикла:

1. «Как ни дышит полдень знойный...» РГАЛИ
VII.1850 III. 1854. «Соврем.»
2. «Не раз ты слышала признание...» ПД
V.1851 1932. «Звенья».

---

¹² Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений Г. Т. 1-2/Ред. и комм. Чулкова - М.- Л., 1933.

¹³ Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. БПБС. Подг. текста и примеч. К. В. Пигарева. - Л., 1957.

Аксаков¹⁶, две (11-12) - в 1885 г. с ведома сына поэта Ф.Ф. Тютчева в «Русской старине» и еще четыре (18-21) - им же в «Историческом вестнике» в 1903 г. Только последнее стихотворение (2) обнаружила уже в наше время Е. П. Казанович в архиве ПД, где как раз наиболее полно хранятся бумаги Ф.Ф. Тютчева.

Подведем предварительные итоги расследования. Из 21 стихотворения цикла двенадцать не имеют автографов: из «Современника» - 5: «О, как убийственно мы любим...»; «О, не тревожь меня укорой справедливой...»; «Чему молилась ты с любовью...»; «Я очи знал, - о эти очи...»¹⁷ и Последняя любовь. Все шесть стихотворений, посвященных его матери, Ф.Ф. Тютчев также предоставил в копиях: «Пламя рдеет, пламя пышет...»; «Так в жизни есть мгновенья...»; «Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...»; «Накануне годовщины 4 августа 1864»; «Нет дня, чтобы душа не ныла...» и «Опять стою я над Невой...». Наконец, нет автографа у стихотворения «Есть и в моем страдальческом застое...», опубликованного Аксаковым.

Согласитесь, что как раз эти стихотворения и можно было бы назвать костяком Денисьевского цикла. Но ведь есть же в нем еще, по крайней мере, девять стихотворений и список этот, думается, еще возможно продолжить.

Понять исчезновение пяти автографов стихотворений, опубликованных в «Современнике», нетрудно. Они, скорее всего исчезли безвозвратно - кому бы тогда из ближайших родственников поэта пришла в голову мысль хранить, например, листок со стихотворением «О, как убийственно мы любим...» или Последняя любовь? Надо только вспомнить отношения в ту пору между Федором Ивановичем и его женой. Денисьева же,

---

¹⁶ Аксаков И.С. Федор Иванович Тютчев. (Биографический очерк). РА, Вып.10, 1874.

¹⁷ В принадлежности этого стихотворения памяти Е.А. Денисьевой сомневались оба исследователя. Но, за неимением других доказательств, оставляем его в списке.

как известно, «в грошь не ставила стихов», даже тех, которые ей посвящал Тютчев.

Гораздо сложнее, но не так безнадежно, обстоит дело с нахождением автографов стихов, опубликованных Ф.Ф. Тютчевым. Первых два он опубликовал с помощью давнего друга своего отца поэта Я.П. Полонского. Думается, скорее всего копии с них, а также с последующих четырех сын поэта получил именно от Георгиевских, с которыми никогда не терял связей и которые свято хранили память обо всем, что было связано с Лёлей Денисьевой. Стихотворения потом могли храниться у их сына Л.А. Георгиевского, а через него найти себе место, если не в архиве ПД, то где-то в другом известном хранилище. Ведь как раз в конце 1920-х годов в ПД один из автографов был найден Е.П. Казанович.

А теперь о начале и конце Денисьевского цикла. Ставя в его начало стихотворение «Чему молилась ты с любовью...», а потом «О, как убийственно мы любим...», Чулков, скорее всего, как мы уже упоминали, придерживался временного порядка, т.е. даты написания стихов. Но не мог же он не думать, что та и другая дата под пьесами - 1852 г. - нелогична в данном случае: не мог же Тютчев, полюбив Лёлю Денисьеву, сойдясь с ней, начать писать ей стихи только два года спустя?! Но, не имея перед собой стихотворений с более ранней датой написания, он так и оставил все как есть.

А вот Пигарев, естественно, не мог повторить своего предшественника, не проведя еще более тщательного исследования. Установив дату сближения поэта и Денисьевой по стиху «Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...», он продолжил свои изыскания среди пьес, написанных в середине 1850 года, или чуть позже. И такое стихотворение нашлось – «Как ни дышит полдень знойный...» встало, как будто бы, на свое место. А там уже правнук поэта, уточняя по смыслу стихотворений даты их написания, ещё более сузил временные интервалы, предложив свой порядок расстановки их в цикле.

Казалось, на этом и можно было бы закончить рассуждения об основных «параметрах» Денисьевского цикла и продолжении возможных исследований в дальнейшем в этом направлении. Но, оказывается, нельзя так рано заканчивать научную полемику.

Параллельно с Пигаревым работавшая над проблемами любовной лирики Тютчева 1850-1860-х годов его талантливая ученица и последовательница И.В. Петрова в статье о Денисьевском цикле¹⁸ справедливо говорит про этот «роман в стихах», что он «имеет свое начало, свою кульминацию и развязку..», ставя во главе его пьесу «Не раз ты слышала признание...», а в завершение – «Две силы есть - две роковые силы...»¹⁹. И если по поводу начала цикла у нее практически нет расхождения с мнением Пигарева, то в конце его она ставит «Две силы есть - две роковые силы...». Этого стихотворения нет в списках Чулкова и Пигарева. И в то же время, хотя она практически ничем не мотивирует свой посыл, с ней нельзя не согласиться, настолько точно эта пьеса ложится в общий цикл. Здесь и дата - март 1869 - значительно расширяет границы цикла, говоря о незаживающих душевных ранах поэта, делает спорным утверждение о увлечении его Е. К. Богдановой²⁰.

В этом случае перед исследователями - тютчеведами неизбежно встает вопрос, - какие же еще стихотворения в дальнейшем могут быть причислены к Денисьевскому циклу, насколько он может быть ещё расширен и будут ли ему действительно определены начало и конец?

Известно, что стихотворный лирический цикл, как правило, составляет группа произведений, сознательно объединенных автором (или составителем) по жанровому, тематическому или идейному принципу, а также общностью

---

¹⁸ Петрова И.В. Любовная лирика Тютчева 1850-1860 гг.//Ученые записки Магнитогорского пед. ин-та, Вып. XV (11), 1963. - С. 72-109.

¹⁹ Там же. С. 95.

²⁰ Казанович Е.П. Ф.И. Тютчев в своих письмах к Е.К. Богдановой и С.П. Фролову. - Л. 1926.

персонажей. Он допускает многообразие принципов построения²¹. В Денисьевском цикле за основу берется посвящение или обращение автора к одному лицу - Е.А. Денисьевой. Ну а как быть с теми стихотворениями, которые не обращены непосредственно к ней, но рождены, тем не менее, её присутствием? Естественно, что когда поэт любит, он пишет не только одни стихи, посвященные своей любимой. Есть немало пьес, только иллюстрирующих их любовь. Например, он может описывать клочок неба, под которым они стояли, какую-либо картинку природы, которая разворачивалась перед глазами влюбленных (особенно если тому мы имеем какое-то документальное подтверждение!). Наконец, это может быть стихотворное описание каких-либо событий, проливающих свет на их отношения. Вот с таких позиций, думается, и надо рассматривать весь Денисьевский цикл, и только тогда он сможет стать подлинным «романом в стихах».

В этом случае мы сможем привести немало характерных примеров, ярко иллюстрирующих общую картину любви Федора Тютчева и Елены Денисьевой. Стихотворение «Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...» открыло не только год, но и месяц, и число сближения поэта со своей любимой. Не письмо, не устное или письменное свидетельство какого-либо постороннего лица или даже одного из двух влюбленных - а именно стихотворение. Это так логично. Архитектор создавал во имя своей любви памятники архитектуры, художник - писал картины, композитор сочинял великолепную симфонию, романс, арию; поэт же выплёскивал свои чувства стихами. И чем ярче и продолжительнее была любовь, тем памятнее она знаменовалась творениями поэта. Он не мог не делать этого постоянно, когда искренно любил.

И вот здесь возникает законный вопрос: почему, вспыхнув в июле 1850 года (а может быть и раньше), любовь поэта получила отражение в его стихах, по крайней мере, год спустя (так об этом можно судить по датам на сохранившихся

---

²¹ Подробнее: Краткая лит. энциклопедия. - Т. 8, М., 1975. - С. 398-399.

автографах-стихотворениях), когда она уже начала принимать трагические нотки? Значит были, были эти первые стихи о любви, адресованные Елене Денисьевой, она, возможно, даже перебирала их, читая, эти бесценные автографы, стихотворения, посвященные ей её «Божинькой» именно в первые месяцы их интенсивных встреч. Но у нас-то их сейчас нет и, может быть, еще можно надеяться на счастливую встречу с ними? Ведь для того, чтобы «найти», (определить его принадлежность) стихотворение (а оно никуда и не исчезало!), которое ныне стоит первым в Денисьевском цикле, исследователям творчества Тютчева понадобилось целых сто лет!

Вторым в этом списке пунктуальный и скрупулёзный исследователь К. В. Пигарев поставил стих «Не раз ты слышала признание...», написанный по всем предположениям в мае 1851 года. Безусловно, правнук поэта понимал, что не могло пройти примерно года времени любви Тютчева без его единого стихотворного посвящения своей любимой. Но что было делать, если у Кирилла Васильевича просто не было тогда другого стихотворения с более ранней датой написания, а идти поперек прямых свидетельств он не решился.

Теперь известно тютчеведам, а Пигареву много раньше, что примерно в ноябре-декабре 1850 года произошло «случайное открытие» тайного «гнездышка» влюблённых, где близ Смольного института они встречались²². И вскоре после этого «Толпа вошла, толпа вломилась//в святилище души» Лёли Денисьевой. Из того же источника мы знаем, какие последствия ожидали Елену и её тётку А.Д. Денисьеву с марта 1851 года. Так почему же до сих пор стихотворение «Чему молилась ты с любовью...» стоит в «пигаревском» списке цикла, помеченное 1851 - началом 1852 г., на седьмом месте? Вскоре потом начались и «укоры справедливые», и сомнения в искренности любви одного к другой и т.д. Никогда не ведя дневников, редко помечая датами свои творения, Тютчев, тем не менее, наполнял

---

²² Георгиевский А.И. Тютчев в 1862-1866 гг.// Литературное наследство. Кн.2. - 1991. - С. 110.

их глубоким смыслом и чаще всего намёками зашифровывал время события в содержании стиха. И уж конечно, для него-то они никогда не были безликими, безымянными и безвременными. Но он был поэтом для немногих, и этим всё сказано. Но ещё немногие из немногих могли найти действительный смысл в стихах величайшего лирика России. Трудно сказать, кто при жизни поэта был таким «счастливчиком», но спустя много лет после его смерти одним из немногих был его правнук Кирилл Пигарев.

Теперь уже можно вплотную подойти к анализу времени «последней» любви поэта, с непременным наложением на него имеющихся ныне в наличии стихотворений Денисьевского цикла, с привлечением пьес, также написанных в те дни.

Итак, Петербург июля 1850 года, «полдень знойный», в который «тайной страстью занята//...влюбленного поэта//веет лёгкая мечта...». Обратите внимание, что здесь уже присутствует «тайная страсть» уже «влюблённого поэта». Но может быть одну-две недели назад «две блаженные тени» ещё бродили «вдоль Невы», вверяя ей «свой челн» начинающейся любви? И поэтому, не логичнее ли было именно стихотворением «На Неве», в котором – «два призрака... тратят здесь досуг ночной...», еще стыдливо прося у реки приютить в её водах «тайну скромного челна» их любви, - как раз и открыть Денисьевский цикл? В связи с этим как не вспомнить, что именно на Неву убитый горем поэт раз за разом будет приходить один постоять, подумать и поглядеть «на что при этой же луне//С тобой живые мы глядели?». Ведь это как раз конец той картины, которую Тютчев нарисовал в своем стихотворении «На Неве».

А теперь, в виде отвлечения от темы, попробуем представить себе «Записки охотника» без описания картин природы или «Войну и Мир» без авторских отступлений и размышлений. Тогда это уже не будут величайшие шедевры литературы, - скажет даже не особенно просвещённый читатель. Но почему же мы тогда, привлекая в помощь одно из

достоинейших свидетельств очевидца начального периода любви Федора Ивановича и Денисьевой - письмо Анны, старшей дочери поэта, описывающее их совместное путешествие на Валаам, лишаем места в Денисьевском цикле стихотворение «Под дыханьем непогоды», имеющего официальную дату 12 августа 1850 года, а фактически сложившегося в наэлектризованной душе поэта под воздействием грозы и близости любимой в ночь с 5 на 6 августа? А ведь это та же неотъемлемая картина природы тютчевского «романа в стихах», как и в произведениях двух упомянутых его великих друзей-литераторов. И не справедливо ли в этом случае поставить пьесу «Под дыханьем непогоды...» на третье место в цикле?!

Как мы уже говорили, практически не сохранилось безоблачных, радостных стихотворений, написанных Тютчевым Лёле в период его нежной влюблённости в нее, т.е. примерно в августе-ноябре 1850 года. И мы пока вправе хотя бы мысленно оставить им место в Денисьевском цикле именно вслед за пьесой «Под дыханьем непогоды...», как раз до времени публичного разоблачения связи влюбленных, их тайных встреч в меблированной квартирке на тихой Кирочной улочке Петербурга.

А вот как бы в пару стихотворению «Чему молилась ты с любовью...», может быть даже и поставив перед ним в цикле, хотелось бы предложить другое, очень похожее на него стихотворение «Как ни бесилося злоречье...». Только спустя четверть века после кончины поэта его дети Дарья Федоровна и Иван Федорович, составители собрания сочинений Тютчева 1900 года вместе с А. Флоридовым, включив это стихотворение в том, решили указать в комментарии, что в этом стихотворении речь идет о Н. С. Акинфиевой, внучатой племяннице князя А. М. Горчакова и вызвано, по-видимому, светскими пересудами об её разводе с мужем и предполагавшимся браке с канцлером. Уж не много ли стихотворений Тютчева, нередко с прозрачными намёками, относят составители сборников на счет этой кокетки, внутреннюю сущность которой поэт хорошо понимал? Да, это,

думается, действительно было удобно для близких Федору Ивановичу людей – слишком щепетильна и неприятна была для них, даже после его смерти, память о незаконной, безнравственной с их точки зрения, «последней» любви поэта. После этой любви как раз и осталось немало безадресных стихотворений Тютчева, которые все-таки надо было как-то комментировать.

К Акинфиевой относят четыре стихотворения: «Как летней иногда порою...» (1863 г.), «Велели вы - хоть, может быть, и в шутку...» (1865), «Как ни бесилося злоречье...» и «Проходя свой путь по своду...» (1860-е гг.). Даже непросвещенному в поэзии видна прелесть третьего из них и явное написание «на случай» трёх других. И не случайно Пигарев так и отнёс их к этой категории, специально выделив только «Как ни бесилося злоречье...». Так вот, до 1900 года оно просто не имело официального адресата и только тогда, вместо обращения к NN было отнесено к Акинфиевой.

Хотелось бы на наши предположения иметь конкретные доказательства, но пока их нет, попробуем найти их в хотя бы кратком анализе стихотворения.

Ещё в первом из четырех «акинфиевых» стихотворений автор рисует запоминающийся портрет Надежды Сергеевны Акинфиевой:

*Радушный смех и звучный голос,
Полулукавый свет очей
И этот длинный, тонкий волос
Едва доступный пальцам фей.*

Выделим здесь строчки: «Полулукавый свет очей//И этот длинный, тонкий волос...». В стихотворении же «Как ни бесилося злоречье...» также мазками дан портрет адресатки, её «глаз чистосердечье...», «...воздушный шелк её кудрей». Согласитесь, что чистосердечие и лукавость - понятия разные, а Тютчев был большой мастер именно на точные сравнения и определения, что в нем особенно ценил Лев Толстой. Кроме того, в первом стихотворении автор описывает «длинный,

тонкий волос» Акинфиевой, а в другом – «воздушный шёлк её кудрей...». И это тоже обращено к Надежде Сергеевне? Кроме того, у Тютчева в начале 1860-х годов перед глазами всегда были женщины, одна из которых «вертела, как хотела, дипломатическим клубком», и которой цену поэт, очень хорошо разбиравшийся в женщинах, знал превосходно, и другая, «перед любовью» которой ему было даже «больно вспоминать о себе». И одной он писал стихи «на случай», а другой - от сердца. В этом, согласитесь, большая разница. А у Денисьевой, кстати, на немногих сохранившихся фотографиях как раз хорошо заметны кудри, а не «длинный, тонкий волос»!

Денисьевский цикл, при всей его явной направленности к одному-единственному обожаемому человеку, содержит в себе стихи, в принадлежности которых к Елене Александровне можно, кажется, быть уверенным лишь в том случае, если эта принадлежность подтверждена самим автором. А если нет такого подтверждения? Если утверждения, к кому они относятся - лишь плод воображения исследователя или читателя?

При всей явной принадлежности к Денисьевскому циклу пьесы «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» нет ли в ней обращения к женщине собирательного образа, т.е. это может быть не Елена Денисьева или Эрнестина Тютчева, а обе вместе? Ни строчкой, ни даже одним словом автор не выдаёт предмета своего обращения. «Меня он как и прежде любит, // Мной, как и прежде, дорожит...» могла бы, конечно, сказать в 1851 году Лёля Денисьева, у которой ещё «не истёк» год взаимной с поэтом любви, но ведь ещё с большим основанием могла бы сказать это и Эрнестина Федоровна - у неё было за плечами двадцать лет любви к ней Федора Ивановича! И дорожил-то он ей не меньше, а пожалуй, больше, чем другой женщиной - женщин у него было немало, а вот такого друга, собеседника, советчика, с которым у него было огромное духовное родство - Эрнестина была единственной! И её судьбу он бесчеловечно губил, полюбив Денисьеву, и она была страшно «в душе уязвлена», тосковала, негодовала, но продолжала жить им одним. Думается, что это

всё же одна из не столь уж редких загадок жизни, любви, творчества поэта, который мог страстно обожать не только одну женщину за другой, но и обоих одновременно.

Только что сказанное выше вполне подтверждает и включение в цикл Пигаревым стихотворения «Сияет солнце, воды блещут...», которое «пропустил» Чулков и в котором его последователь не только «выловил» последнюю строфу, обращенную к Денисьевой, но сделал это как умнейший литературовед, хорошо знавший, насколько у Тютчева было наполненным любовью время с начала июля, когда он, проскачав несколько дней в Овстуге, вернулся в Петербург, до конца сентября 1852 года поселившись на даче Каменного острова.

Как два брата-близнеца стоят стихотворения «Пламя рдеет, пламя пышет...» и «Так в жизни есть мгновенья...», их можно даже поменять местами, что и делали иногда предыдущие составители сборников поэта. Оба написаны в июле 1855 года и были сообщены одним из самых близких друзей Тютчева поэтом Я.П. Полонским в редакцию журнала «Русская старина», а он, в свою очередь, получил их от сына поэта Ф.Ф. Тютчева.

Эти стихотворения интересны ещё и тем, что стали лишь отдельными «осколками» от ненайденного нами пока, вероятно значительного пласта стихотворений поэта 1853-1863 годов. Трудно поверить (как мы уже говорили), чтобы он за десятилетие не написал хотя бы десятка стихов своей любимой. Тогда где же они сейчас? Значит, надо опять искать. Нашлись же стихи 1855 года через 30 лет после их написания. Так может что-то ещё можно найти через 130 лет? Подобные вопросы можно задавать сколько угодно, но ведь и не только нам на них предстоит ответить. Искать ли стихи в архивах современников поэта, или разгадывать давно опубликованные в его собраниях сочинений?

Может быть и кощунственно так говорить, но, думается, останься в живых Денисьева - мы бы не имели сегодня по крайней мере девяти стихотворений финала Денисьевского

цикла (он мог бы иметь право на существование и с другим финалом - на то он и «роман в стихах»). Но, как ни странно, не с точки зрения, были бы или нет, написаны подобные стихотворения, а с точки зрения, что они также, как и стихи предыдущего десятилетия были бы, скорее всего, потеряны.

«Что имеем - не храним», - говорит пословица. И действительно, Тютчев после кончины Лёли весь отдался памяти о ней, начал вспоминать и беречь любую частичку их общего прошлого. Вот откуда его старания в напечатании пьес «Утихла биза... легче дышит...», «О, этот Юг, о эта Ницца!..» и «Весь день она лежала в забытии...», а также и «Как хорошо ты, о море ночное...». Он как бы стряхнул с себя вериги этой страшной тайны потаённой, «последней» любви своей, которые нёс не столько для себя, сколько спасая Лёлю от наветов и сплетен толпы. И это временное раскрепощение конца 1864 и почти всего 1865 годов, которые ему, сочувствуя его горю, «прощали» свет и, главным образом семья, Эрнестина Федоровна - позволило ему полностью отдаться своему страданию и стихам о Лёле, чем он, возможно, и спас себя от умопомешательства.

А дальше опять началось непонимание окружающими того, как можно так долго хранить в душе память о любви к Денисьевой, внешне как будто бы уже увлекаясь другими женщинами? Вот почему вновь начали исчезать автографы новых стихотворений, посвященных памяти Елены Александровны - Федор Иванович опять вынужден был скрывать непонятную свету и домашним нестихающую в душе боль по ушедшему. Вот почему он перестал «афишировать», делиться с другими своими поэтическими стонами души, хотя и выплескивал их на бумагу, и если не дарил их Георгиевским или Полонскому - то просто терял или уничтожал.

И разве не доказательство тому чудом дошедшее до нас стихотворение «Опять стою я над Невой...», написанное четыре года спустя после его огромной потери? И ведь ему тогда еще, в конце 1865 года как будто бы удалось обмануть в своих якобы прошедших чувствах скорби даже самую близкую по духу

старшую дочь Анну: «С тех пор, как папа вновь водворился в милом его сердцу петербургском обществе, он распростился со своей великой печалью и снова доволен жизнью», - писала она сестре в октябре²³. А он, оказывается, совсем не распростился. Так как же он мог позволить себе довериться потом, и в 1866, и в 1867 годах даже самым дорогим людям хранение отголосков так и не прошедшей своей любви? И разве одно такое признание-воспоминание написал он за эти четыре года своего мучительного молчания, которое он вновь должен был соблюдать, ну, хотя бы, ради приличия? Вот почему и здесь, в самом конце, казалось бы, Денисьевского цикла вряд ли мы вправе думать об его полном закрытии для исследований. Поиск, мыслится, далеко еще не закончен.

И еще несколько слов о двух стихотворениях. Где, на каком месте должно стоять одно из самых трагических стихотворений цикла – «Весь день она лежала в забытьи...»? За стихотворениями «Утихла биза... легче дышит...» и «О, этот Юг, о эта Ницца!...» или впереди них? Да конечно впереди! Аксаков, помечая его 7 июля 1864 года, был недалёк от истины и Чулков с ним согласился²⁴. И хотя Елена Александровна была ещё жива тогда, как можно было обмануть в трагическом конце поэта, когда он уже видел, как его любимую «...уж тени покрывали...»? И эти строки уже родились в его душе тогда, хотя, может быть, и записал он их чуть позже, во всяком случае, не в самом конце года. Такому поэту-провидцу, как Тютчев, достаточно было только увидеть что-то...

А чем же мы завершим (пока?) Денисьевский цикл? «Пигаревским – «Опять стою я над Невой...» или вариантом Петровой – «Две силы есть, - две роковые силы...»? Думается, что всё говорит в пользу последнего.

Итак, берем на себя смелость предложить теперь свой вариант Денисьевского цикла:

---

²³ (Царское Село.) 2/14 октября 1865 г. ЛН-2. С. 379.

²⁴ Тютчев Ф.И. ПСС, Т. II, 1934. Прим. на С. 393.

1. На Неве	РГАЛИ	7.1850.
3.1854. «Совр».		
2. «Как ни дышит полдень знойный...»	РГАЛИ	7.1850
3.1854. «Совр».		
3. «Поддыханьем непогоды...»	РГАЛИ	8. 1850
3.1854. «Совр».		
4. «Чему молилась ты с любовью...»	Неизв.	12.1850
3.1854. «Совр».		
5. «Как ни бесилося злоречье...»	Неизв.	12.1850
7. 1874. Аксаков		
6. «О, как убийственно мы любим...»	Неизв.	4-6.1851
3.1854. «Совр».		
7. «Не раз ты слышала признание...»	ПД	5.1851
4.1932. «Звенья».		
8. Предопределение.	РГАЛИ	6-12.1851
3.1854. «Совр».		
9. «Не говори: меня он как и прежде любит...»	РГАЛИ.	–
51 3.1854. «Совр».		
10. «О, не тревожь меня укорой справедливой...»	Неизв.-	
51. 3.1854. «Совр».		
11. «Я очи знал, - о, эти очи...»	Неизв.	до 1852
3.1854. «Совр».		
12. Последняя любовь	Неизв.	с 6.1852
3.1854. «Совр».		
13. «Пламя рдеет, пламя пышет...»		Неизв.
10.7.1855 2.1885. РС		
14. «Так в жизни есть мгновенья...»	Неизв..	7.
1855. 2.1885. РС.		
15. «Весь день она лежала в забытьи...»	РГБ	8-
10.1864. 2. 1865. РВ.		
16. «Утихла биза... легче дышит...»	ПД, РГБ.	
11.10.1864. 2.1865. РВ.		
17. «О, этот Юг, о эта Ницца!...»		РГБ
21.11.1864 2.1865. РВ.		

18. «Как хорошо ты, о море ночное...» РГАЛИ, РГБ.
2.1.1865. 23.1.1865. «Д.».
19. «Есть и в моем страдальческом застое...»²⁵ Неизв.
3.1865 7.1903. ИВ.
20. «Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...» Неизв.
15.7.1865. 7.1903.ИВ.
21. «Накануне годовщины 4 августа 1864» Неизв.
3.8.1865. 7.1903.ИВ.
22. «Нет дня, чтобы душа не ныла...» Неизв.
23.11.1865. 7.1903. ИВ.
23. «Опять стою я над Невой...» Неизв.
6.1868. 7.1903.ИВ.
24. «Две силы есть - две роковые силы...» РГАЛИ 3.
1869. Изд. 1886. С.321.

В подтверждение того, что Денисьевский цикл еще может быть дополнен новыми исследователями, можно сказать с благодарностью о работе «Письма о Тютчеве» видного физика, члена-корреспондента АН СССР Б.М. Козырева, любимым поэтом которого всю жизнь был великий лирик. Так вот Борис Михайлович совершенно справедливо считает, что стихотворение «Ты, волна моя морская...» (Написано в апреле 1852 г., впервые опубликовано в «Современнике», в марте 1854 г.) также посвященным Лёле Денисьевой. По поводу строк -

«Не кольцо, как дар заветный,

В зыбь твою я опустил...» - ученый замечал: «...по отношению к Денисьевой рассматриваемая фраза звучит простым и честным признанием печальной истины: ведь ей-то он подарить обручальное кольцо действительно не мог!». И ещё о последней строфе этого же стихотворения:

*Нет - в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне моем.*

---

²⁵ Дается полностью. Частично: РА, Т. 10, 1874.

он добавил: «Можно очень любить море, можно даже желать «потопить всю свою душу» в его обаянии. Но невозможно говорить о любви к нему, вспыхнувшей *вдруг*, в какую-то «роковую минуту». Это - психологическая бессмыслица, тогда как любовь к живому человеку часто, как известно, начинается внезапно; и нет сомнения, что *эта* любовь Тютчева была поистине роковой, и так он её и называл не раз сам...»²⁶ Вот и достойный эпилог нашему закончившемуся разговору.

---

²⁶ ЛН - 1. С. 112-114.

РУССКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПЕТЕРБУРГСКИХ СТИХАХ Ф.И. ТЮТЧЕВА

С.И. ВИДЮЩЕНКО

Творческое наследие Ф.И. Тютчева включает в себя ряд небольших стихотворений, раскрывающих особенности восприятия поэтом облика северной столицы в историко-культурологическом и мифологическом аспектах. Поэтому Петербург будет рассматриваться в качестве феномена особого исторического писка культуры, своеобразного микрокосма, являющегося отражением главных особенностей развития макрокосма.

В образе северной столицы поэты всегда пытались запечатлеть свои представления о действительности, во многом опираясь на древние этико-культурные и литературные рассуждения о ней.

Тютчевская лира воплотила в себе основные моменты творческой трагедии Пушкина, Гоголя, одновременно приобретая только ей присущие черты. От Пушкина к Тютчеву перешло чувство восхищения красотой, благородным спокойствием царскосельского пейзажа, его величавостью и памятью о былом. Как и у Пушкина, любимым опорным словом Тютчева, определяющим суть авторского отношения к предмету изображения, становится глагол «люблю»:

*Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою
Как бы дремотою объят.*

*И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров...*

(«Осенней поздней порою...») (1858 г.)

Вместе с тем, тютчевское видение темы отличается самобытностью. Если у Пушкина эстетически организованный облик Царского Села воплощал общую для творчества поэта универсальность красоты и гармонии жизни, то у Тютчева понимание категории прекрасного сочетает в себе и приятие «славного былого» (например, красоту дворцов, белокрылых статуй), и сомнение в прелести настоящего. Поэтому и появляется в его стихах «тусклые озера», коснеющие статуи, сумрачные тени, отражающие мысль о том, что красота, по сути дела, осталась достоянием исторического прошлого. Не случайно дневному пейзажу Пушкина Тютчев противопоставляет свои ночные зарисовки. А ночь, как известно, всегда была для него символом откровения.

В духе пушкинской традиции Тютчев анализирует многие детали и самого Петербурга. Довольно часто в поэтическом искусстве культура города соотносилась с его природой, что и восходит к истокам пушкинского мировоззрения, в частности, к его антитезе воды и камня. Причем материальная духовность всегда дана в вертикальной плоскости, как символ неустанного стремления к выси и совершенству (купола, шпили, столпы, дворцы), а природа - в горизонтальной (река, пруды, острова). В своих произведениях Пушкин неоднократно говорил о возможностях слияния естественной и искусственной среды, особенно в поэме «Медный всадник», где он попытался объединить культуру и природные стихии в единое целое, во взаимодополняющее друг друга начало:

*Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный...*

(«Медный всадник»).

Каменное (гранитное) обрамление Невы оттеняется плавным течением её вод, тяжеловесность чугунных оград –

тончайшими узорами на них, в результате объемность и суровость внешнего облика столицы приобретает более мягкие и нежные черты. Подобный синтез природы и культуры был характерен для тютчевского мировосприятия, к примеру, в стихотворении «Глядел я, стоя над Невой...» мы находим такие строки:

*Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой».*

Купол собора и игра на нем солнечных лучей рожают в воображении единый образ «светящегося купола», являющегося ярким примером соединения природной и культурной среды.

И все же послепушкинская традиция более склонна подчеркивать их полярность между собой, что обусловило контрастную композицию большинства произведений.

Посмотрим с этой точки зрения на уже упомянутое стихотворение Тютчева «Глядел я, стоя над Невой...»:

*Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой,*

***

*Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.*

(1844 г.)

Первой строфе сразу противостоит вторая: с одной стороны, мощь Исаакиевского собора, его величие и царственность, что, в свою очередь подчеркивается избранной цветовой гаммой – золотой краской, переливающейся в солнечных лучах, с другой – неживая природа; закованная льдом Нева, находящаяся в состоянии мертвенной неподвижности. В результате тютчевский герой весьма активно стремится покинуть этот город.

Большую роль в открытии петербургского пейзажа имеют специфические для этого города климатические условия: дождь,

мокрый снег, холодная вода, частые наводнения и туманы. В итоге Петербург практически всегда предстает в водном ореоле как постоянное упоминание о том, что вырос он из водной бездны. Так возникает тема наводнения, злобного нашествия воды на воздвигнутый у ее берегов город, обостряющая давний поединок порядка и стихии, культуры и истории, космоса и хаоса. Обстоятельно раскрытая в «Медном всаднике» Пушкина, она прошла практически через всю литературу XIX века. Давний страх воды, восходящий к ветхозаветному сказанию о всемирном потопе (Бытие, гл. 7) и к вещим изречения Иова («вода стирает камни» (Книга Иова, гл. 14, п. 19)), насыщает миф о Петербурге эсхатологическими мотивами.

После ледохода город подстерегает неминуемое бедствие: наводнение. Так, тютчевское стихотворение «Уж третий год беснуются языки...» (1850 г.) включает в себя следующие строки:

*«Вдруг, одурев, полна грозы и мрака,
Стремглав на нас рванулась глубина...».*

Здесь прослеживается явная аллюзия с «Медным всадником» Пушкина, утверждающая мощь и приоритет человеческого разума перед стихией:

*«Да не будет тако! -
Ты рек, - и вспять отхлынула волна».*

Аллегорическое изображение революционных событий, заполонивших Европу в конце 40-х годов XIX столетия (в частности, в этом произведении Тютчев использует слова из манифеста Николая I, написанного по поводу революционных действий в Австрии и Пруссии), дано в форме реалий петербургской действительности (вышедшая из берегов Нева, «ветер свирипел»), а слова Николая I весьма напоминали речь Петра I – покорителя стихии из пушкинской поэмы («Здесь будет город заложен»), названного в тексте «Мощным властелином судьбы», сумевшим «над самой бездной» поднять «Россию ... на дыбы».

Вообще мифологема Невы в русской литературе имеет несколько проявлений, хотя суть их сводится к одному – утверждения ее враждебного отношения к человеку. Поэтому в описании Тютчева она нередко приобретает облик «мертвенной» реки. Атрибуты города-мертвеца, холодного и покинутого, сквозной нитью проходят через все творчество поэта:

*«Белела в мертвенном покое
Оледенелая река».*

(«Глядел я, стоя над Невой»),

Петербург – это «вечный полюс» («14 декабря 1825 года»), в центре которого находится «груда мертвых льдов» («Безвременная ночь восходит безнадежно...» (1848 г.)).

Холодность и бездушие Петербурга доказывается путем частого введения в тексты произведения образы камня и каменного начала города, отражающего, в свою очередь, каменную «душу» столицы, ее безразличие к проблемам и заботам своих обитателей. Говоря о сложности жизни человека в России вообще, Тютчев не раз заострял внимание на гнетущем давлении на героя окружающих стихий петербургской реальности («низкое небо», «весь мир исчез в тумане этом», «нет искр в небесной синеве», «призрак гробовой» месяца, оберегающий груду «мертвых льдов» и «мертвенный покой» Невы). Драматизм ситуации усиливается за счет введение в повествование мотива обреченности большинства жить в подобных условиях, ибо герой оказывается как бы запертым в тесном городском пространстве, что у Тютчева подчеркивается описанием «низкого неба» вверху и «берегового гранита» внизу, создающим на какое-то время впечатление безвыходной ситуации, о чём и сообщает его лирический герой: *«Нет выхода! Весь мир исчез...»* (Безвременная ночь восходит безнадежно...) – перевод с французского В. Брюсова).

Уже в XIX столетии зародилась мысль об отсутствии у Петербурга национального характера, истинно русских корней, что позволяло говорить о невозможности существования прошлого и будущего у северной столицы. Петербургское

начало утверждалось в качестве особого, не сводимого и не исчерпывающего никакими существующими традициями. Причиной тому стал специфический архитектурный ансамбль города, напоминающий собой отдельные уголки самых разных частей света.

Чаще его любили сопоставлять с Римом, ибо, действительно, стиль итальянской культуры присутствует в городе, большинство памятников которого построено итальянскими зодчими. Рядом их впервые поставил Н.В. Гоголь, но в его концепции характер каждого сопоставляется не путем сопоставления, а, напротив, противопоставления. Говоря о призрачности и иллюзорности северной столицы, Гоголь подчеркивал мощь и устойчивость итальянской: *«Италия! Она моя! Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра – все это мне снилось. Я проснулся опять на Родине...»*.

В духе противопоставления Петербурга и Италии решал данный вопрос и Ф.И. Тютчев, исходя, прежде всего из контрастного описания севера и юга, холода и тепла («роскошный залив» Генуи и «мертвенная» Нева, «теплый юг» и «зимний Петербург»). Довольно часто понятие Севера и Петербурга в тютчевских стихах сливаются воедино, в результате, говоря о своеобразии северной столицы, поэт нередко заменяет ее наименование обобщенным словом-термином «север». Причем Тютчев склонен изображать не архитектурный и не бытовой план, а пейзажные зарисовки, природный колорит.

В то же время, в тютчевском творчестве наблюдается тенденция отождествления Петербурга и Рима как внешне величавых, державных городов, но отживших свой век, а потому обреченных на исчезновение. Так, в стихотворении «Рим ночью» поэт рисует современную ему столицу Италии городом «волшебным, но уже отжившим», «почившим», умершим. Так и Петербург, в облике «вековой громады льдов», где «все пусто и темно», неизбежно устремляется к своей гибели: *«О, полюс! – город твой влечется вновь к тебе!»* («Безвременная ночь

восходит безнадежно...» – стихотворение, написанное Тютчевым на французском языке, перевод В.Я. Брюсова).

Важным аспектом раскрытия сущности Петербурга является его призрачный характер. Эта традиция известна литературе еще с гоголевских времен. Впервые появившись в «Петербургских новостях» («Невский проспект», «Портрет»), более полное и глубокое развитие она получила в творчестве Ф.М. Достоевского, в его изображении «самого отвлеченного и самого умышленного города на всем земном шаре» («Записки из подполья»), наглядно проявившегося в романах «Преступление и наказание», «Подросток». Однако все эти произведения появились гораздо позднее стихов Тютчева, поэтому говорить о непосредственном влиянии Достоевского на Тютчева не приходится. Но в ряде Тютчевских произведений о Петербурге можно уловить отголоски гоголевских настроений. Это те стихи, где лирический герой зачастую отождествляет себя с «призраком», «тенью», т.е. понятиями из неживого, фантастического мира:

*«И меж зыбью и звездюю
... два призрака с собою
Вдаль уносит по волне»
(«На Неве»)*

или

*«Во сне ль все это снится мне,
Или гляжу я в самом деле».*

(«Опять стою я над Невой...»).

Представление о Петербурге, как о мареве, наваждении, то исчезающим, то появляющемся, подчеркивается использованием образов тумана и мглы – характернейшей особенностью климатических условий этого города («Во мгле морозного тумана» («Глядел я, стоя над Невой...»)). Таково обрамление и тютчевского стихотворения «Безвременная ночь восходит безнадежно...», где из «нити пыли снежной» рождается сплошной «туман», в котором «исчезает весь мир»

Столь сильное влияние Петербурга на жизнь человека обуславливает и обратную тенденцию: зависимость личности от своего города. Будучи тесно связанным с местом своего существования, лирический герой Тютчева, несмотря на понимание многих несправедливостей, осознает, что он незримыми узами связан со своим городом, оттого по-своему любит его, до конца дней остается «околдованным» Петербургом, неведомым ему способом «прикованным» к нему. Возможно, это происходит из-за понимания того, что это город, построенный на краю. Крайнее положение Петербурга рождает у его обитателя обостренное чувство пограничности между жизнью и смертью, острое ощущение предела. Живя в этом городе, человек настолько срастается с ним, что отдает ему частичку самого себя или очень дорогого сердцу существа. Поэтому образ Петербурга вводится в художественную ткань стихотворений и как фон для описания наиболее памятных и важных событий. Среди картин петербургского быта и петербургской природы происходит история и тютчевских героев. Посмотрим с этих позиций и на стихотворение поэта «На Неве», в котором вид Петербурга воскрешает в памяти лирических персонажей прошлые события личной жизни, в результате их участь оказывается неразрывно связанной с судьбой города.

И меж зыбью и звездою

Он скользит как бы во сне

И два призрака с собою

Вдаль уносит по волне.

Как видно из этих строк, встреча влюбленных, состоявшаяся в Петербурге, навсегда осталась в памятном коде этого города, стала составляющей частью его реальности, растворившись в течении невских вод. На то, что это было действительно значимое событие в их жизни, указывают и знамения природы: появление «пышноструйной волны», света на ночном пейзаже (света от звезд).

Вместе с тем тютчевский герой наделен неодолимым желанием, и реальной возможностью разорвать узы, связывающие его с городом, выйти за его пределы. И эти действия становятся для него целительными и спасительными. Тютчев постоянно предоставляет своему герою какой-либо выход, что превосходно вписывается в центральную антитезу его творчества: противопоставление Севера и Юга. Поэт признает собственную причастность к Петербургу и непосредственное влияние города на судьбу человека вообще

(«О, Север, Север-чародей

Иль я тобою околдован?

Иль в самом деле я прикован

К гранитной полосе твоей - строки из тютчевского стихотворения «Глядел я стоя над Невой...», которые, скорее всего, также являются своеобразной реминисценцией к «Медному всаднику» А.С. Пушкина, где автор, описывая состояние Евгения, прибегает к сходной мотивировке психологического состояния героя:

«И он, как будто околдован

Как будто к мрамору прикован...»).

Тем не менее, автор освобождает лирического персонажа от «вечного холода» северной столицы, позволяя ему покинуть ледяной Петербург и отправиться «на теплый юг», в чем явно сказывается воздействие романтических веяний XIX столетия (к примеру, поэмы «Братья-разбойники», «Цыганы» А.С. Пушкина).

Таким образом, восприятие Тютчева петербургского текста во многом определялось культурологическим контекстом его эпохи, утвердившим прочные литературные традиции, повлиявшие, в свою очередь на творчество одного из ярчайших лириков XIX столетия. В данном случае речь идет о воздействии пушкинского и в какой-то мере гоголевского начала, пропущенного сквозь призму собственного мировосприятия поэта.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Ф.И. ТЮТЧЕВА

С.Ю. ГРИДИН

Ф.И. Тютчев был известен не только как поэт, но и как автор политических сочинений, вызвавших в середине девятнадцатого столетия широкий резонанс среди русской и европейской общественности. Первым опытом поэта на данном поприще стала политическая записка о взаимоотношении России с европейскими странами, поданная на имя Николая²⁷. Идеи, изложенные в ней, получили развитие в статьях опубликованных зарубежной прессой. Аугсбургская газета «Альгемейне цайтунг» в марте 1844 года напечатала тютчевское письмо, переизданное в июне отдельной брошюрой под названием «Письмо к доктору Густаву Кольбу», ныне известное как статья «Россия и Германия»²⁸. В 1849 году в Париже вышла статья «Россия и Революция»²⁹. Одновременно Тютчев работал над трактатом «Россия и Запад», который остался незавершенным и только глава из него, под названием «Папство и Римский вопрос» увидела свет во французском журнале «Ревю де Монт»³⁰. Позднее, в 1857 году «он направил члену государственного совета князю М.А. Горчакову записку «О цензуре в России»³¹. Кроме вышеуказанных, текстов, интерес представляют политические стихотворения поэта, развивающие

---

²⁷ Тютчев Ф.И. Докладная записка Николаю I// Новое лит. обозрение. - 1992. -№1.- С.104-113.

²⁸ Тютчев Ф.И. Россия и Германия//Тютчев Ф.И. Русская звезда: Стихи, статьи, письма. - М., 1993. - С.256-271.

²⁹ Тютчев Ф.И. Россия и Революция//Тютчев Ф.И. Русская звезда ... - С.272-283.

³⁰ Тютчев Ф.И. Папство и Римский вопрос//Тютчев Ф.И. Русская звезда... - С.284-301. Незавершенный трактат «Россия и Запад»//Литературное наследство. - М., 1988.- Т.97. Кн.1. - С.201-220.

³¹ Тютчев Ф.И. О цензуре в России//Тютчев Ф.И. Русская звезда ...- С. 301-312.

в художественной форме основные идеи, изложенные в статьях, а также его эпистолярное наследие, переполненное размышлениями на эти же темы.

Важнейшими проблемами, волновавшими Тютчева, были проблемы исторического развития и взаимоотношения различных вероисповеданий, государств, народов. В связи с этим его размышления направлены на такие исторические категории, как империя, церковь, племя, революция.

Попытаемся рассмотреть историю разбора политических взглядов поэта, выявить её особенности и вероятные направления исследований в данной области. Первые попытки оценить политическое наследие Тютчева были предприняты вскоре после его смерти. Начало им положила работа И.С. Аксакова, опубликованная в 1874 году и по сегодняшний день являющаяся, пожалуй, наиболее интересным описанием личности поэта³². Аксаков считал, что истоки политических откровений Тютчева следовало искать в православной обстановке, окружавшей его в детстве, и в духовно-нравственной стихии русского народа. С другой стороны, прямое знакомство с европейской культурой, не опосредованное отечественным подражательством, сделало из него человека, в равной мере понимавшего как свою, так и чужую традицию³³. В целом, по мнению Аксакова, политические убеждения поэта были «родственны» идеям славянофилов, и лишь в частности он придерживался более крайних принципов, чем данная «партия»³⁴. Так Тютчев первым указал на Россию и Восточную Европу как на отдельный культурно-религиозный мир, более христианский, чем западная цивилизация и выступал за объединение Запада и Востока под эгидой России во

---

³² Аксаков И.С. Фёдор Иванович Тютчев//Аксаков К.С., Аксаков Литературная критика - М.,1981. - С. 285-354.

³³ Аксаков И.С. Фёдор Иванович Тютчев//Аксаков К.С., Аксаков Литературная критика - М.,1981. - С. 315-316.

³⁴ Аксаков И.С. Фёдор Иванович Тютчев//Аксаков К.С., Аксаков Литературная критика - М.,1981. - С. 311.

Вселенскую империю³⁵. Ориентиром для подобных устремлений являлся византийский имперско-православный принцип, перенесённый в древности на русскую почву и сформировавший отечественную государственность. Вместе с тем, автор утверждал, что поэт «относился довольно безразлично к формам правления в смысле теоретическом» и «дорожил, прежде всего, исторически существующими формами и свободным органическим народным развитием», так как «для него важнее внешнего строя учреждений была их внутренняя душа»³⁶. В результате, пресловутая «народность» в некоторой степени перекрывала в рассуждениях Аксакова остальные составляющие тютчевской историософии (империя, церковь), хотя сам поэт, наоборот, провозглашал: «Вопрос племенной - лишь второстепенный или, скорей, это не принцип. Это стихия. Принципом является православная традиция» в союзе с империей оформляющая этнический хаос.³⁷ Не соответствует действительности и мнение Аксакова о разделении Тютчевым, принципа власти и его реального проявления в истории. Поэт, несмотря на всю критику повседневной правительственной деятельности, осознавал нерасторжимость теории и практики и утверждал, что в определённой государственно-политической оболочке проявляются элементы только ей присущего содержания.³⁸ Доказательством тому служит вся политическая «система» Тютчева, в которой он именно теоретизировал по поводу такой формы правления как империя. Для него, по сути своей» идеалиста, идея империи была не менее, а может быть и более реальна, чем конкретно-историческое государство.

---

³⁵ Аксаков И.С. Фёдор Иванович Тютчев//Аксаков К.С., Аксаков Литературная критика - М.,1981. - С. 314.

³⁶ Аксаков И.С. Ф.И. Тютчев и его статья: «Римский вопрос и Папство»// Православ. обозрение. - 1875. - №9. - С. 88.

³⁷ Тютчев Ф.И. Незавершённый трактат «Россия и Запад»//Литературное наследство. - М., 1988. - Т.97. Кн.1. - С. 222.

³⁸ Так в трактате «Россия и Запад» Тютчев критикует общественное мнение Европы за то, что оно в России видит «следствие без причины» и не замечает ее идеи. См. Незавершённый трактат ... -С. 222.

Последнее скорее формировалась под воздействием первой в представлении поэта. Недаром он указывал на неуничтожимость имперского принципа («Империя не умирает») в смысле его божественной сущности и стремления к абсолюту («окончательной» Вселенской империи). Именно поэтому тютчевская империя по образу и подобию Господа «едина» и «неделима»³⁹.

Вероятно, подобное стремление Аксакова к некоторому разделению государства в рассуждениях поэта было основано на славянофильском противопоставлении общества и государства⁴⁰. В результате, он в своеобразной попытке отсоединить наследие Тютчева от официальной идеологии николаевской эпохи зачислял последнего в славянофилы и панслависты⁴¹. Эти аксаковские выводы стали господствующими в среде исследователей и практически предопределили все последующие направления в анализе тютчевской историософии.

Известный церковный публицист А.М. Иванцов-Платонов, разделяя общие положения, выдвинутые Аксаковым, считал поэта наследником А.С. Хомякова, развившим его идеи

---

³⁹ Незавершённый трактат. - С. 222-224.

⁴⁰ Славянофильское противопоставление «земли» и государства именно Аксаков дополнил теорией общества выработанной им в пореформенное время. Смысл последней заключался в том, что теперь судьба России зависела не от народа и не от самодержавия, а от действий национально настроенной интеллигенции. Подробнее об этом см. Цимбаев И.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. - М., 1978. - С.167-215.

⁴¹ Разница между панславистами и охранителями николаевского царствования состояла в опоре первого направления на этнический фактор и в выборе вторым наднациональных консервативных ценностей, а именно самодержавно православного принципа. Сам император являлся откровенным антипанславистом, так как в воссоединении славян усматривал «революционные акты с переносом восстаний в Россию» (Егоров Б.Л.) об этом подробнее см. Егоров Б.Л. О национализме- и панславизме славянофилов//В кн.: Славянофильство и современность: Сб. ст. - СПб., 1994. - С. 23-32.

касательно религиозной ситуации на Западе. Именно в критике духовного бытия Европы, автор видел сходство политических доктрин Тютчева и славянофилов⁴². Причем выпады поэта в адрес католицизма он находил соответствующими православному пониманию власти.

Иного, либерально-христианского надконфессионального подхода в оценке политических настроений поэта, придерживался В.С. Соловьёв. Он был лично знаком и состоял в переписке с родственниками Тютчева (Аксаковы). Так, ещё в 1883 году, осознав глубину тютчевских откровений, он в письме к И.С. Аксакову отметил: «... идея всемирной монархии принадлежит не мне, а есть долговечное чаянье народов. Из людей мысли эта идея одушевляла в средние века, между прочим, Данте, а в наш век за неё стоял Тютчев, человек, как вам хорошо известно, чрезвычайно тонкого ума и чувства»⁴³. Поставив поэта в один ряд с великим итальянцем, Соловьёв указал на традиционность его воззрений, их генетическую взаимосвязь с обще христианской мечтой об идеальном, универсальном государстве, управляемом в соответствии с заповедями божескими. Позднее в статье, посвящённой поэтическому дару Тютчева, философ подробнее остановился на его религиозно - политическом миросозерцании⁴⁴. В ней утверждалось, что поэт был выше «злобных чувств национального соперничества» и желал превращения России, «по природе христианского царства», во «всемирную монархию», чьё единство «не будет держаться насилием», а только духовной христианской идеей⁴⁵. Саму эту идею Соловьёв трактовал в смысле религиозно-нравственном и в контексте своего увлечения всемирной теократией. Неслучайно, во время

---

⁴²Иванцов-Платонов Л. Несколько слов о Ф.И. Тютчеве и его воззрении на церковно - политический вопрос Запада//Православ. обозрение. - 1875. - №9. - С. 70.

⁴³Соловьёв В.С. Письма. - Петербург, 1923.- С. 240.

⁴⁴Соловьёв В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева//Соловьёв В.С. Литературная критика. - М., 1990.

⁴⁵Там же.- С.118.

написания статьи о Тютчеве, он испытывал серьёзный религиозный кризис и выбирал между православием и католицизмом. Примирить свои противоположные стремления философ смог в 1896 году, когда, по некоторым свидетельствам, принял униатство⁴⁶. В целом, его попытки представить политическую концепцию поэта в виде своеобразного религиозного «экуменизма», смыслом которого был процесс объединения православной империи с папством на основе абстрактно - гуманистического христианства, противоречили взглядам Тютчева. Последний писал о вселенской империи не как о результате равноправного сотрудничества православного императора и Папы с учетом особенностей каждой из церквей, а скорее как о возвращении католицизма под воздействием империи в православие, через «лишение римского папы его светской власти»⁴⁷. Следовательно, поэт не исключал политического насилия в деле объединения христианства. Таким образом, при всем субъективизме своих выводов, Соловьев справедливо указал на религиозные мотивы как на смыслообразующие для всей тютчевской историософии.

Со временем Тютчев был забыт русским обществом. Интерес к его творчеству, вероятно под влиянием наследия В.С. Соловьева, возродился с началом «серебряного века», многие деятели которого (А. Блок, В. Брюсов, А. Белый, В. Иванов и др.) считали поэта своим предшественником в смысле художественно-эстетическом⁴⁸.

Естественно, не остались без внимания и политические произведения. Отношение к последним было не объективным, так как, в основном исследователи смотрели на них с высот тютчевской лирики и находили недостойным поэтического

---

⁴⁶ Лосев А. Владимир Соловьёв и его время. - М., 1990. - С. 360-361.

⁴⁷ Тютчев Ф.И. Незавершённый трактат... -С.225.

⁴⁸ Мережковский считал, что Тютчев повлиял на декадентов (Бальмонт, Блок, Брюсов и т.д.) своим индивидуализмом, а те в свою очередь внедрились в русское интеллигентское сознание того времени. см. Мережковский Д.С. Вечные спутники: Сб. произведений. - М., 1966.- С. 5.

гения⁴⁹. В результате серьезного политического анализа тютчевской концепции не последовало, а весь разбор велся с позиций литературно-художественных и публицистических, что порой придавало оригинальность самим суждениям, но и в то же время, свидетельствовало о некоторой предвзятости и субъективизме эстетического характера. Подобный «литературоведческий» подход к политической идеологии поэта определил на годы вперед, вплоть до сегодняшнего дня, форму, методы и содержание работ посвященных данной тематике⁵⁰. В то же время, среди исследователей отсутствовало достаточно ясное понимание как тютчевской терминологии, так и общеполитических категорий Николаевского царствования. Так, до сих пор нет исчерпывающего объяснения смысла славянофильства, панславизма, официальной народности⁵¹. Одновременно с общеметодологическими недостатками историософии поэта, проявилась и некоторая идеологическая ангажированность исследователей его творчества.

Многие из них исповедывали убеждения противоположные тютчевскому консерватизму. Например, либерализм, ставший к тому времени наиболее распространенным учением в среде русской интеллигенции. Следует указать и на быстро прогрессирующий в образованном обществе атеизм, соседствующий здесь как это не парадоксально, с разнообразными экстравагантными увлечениями (теософия, сектантство, космизм и т.д.) и

---

⁴⁹Тот же Мережковский называл тютчевские политические опыты «кошунством из кошунств» и «мерзостью из мерзостей». См.: Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. - М., 1991.- С. 468.

⁵⁰Большинство работ посвящённых поэту носят литературоведческий характер. В них мимоходом затрагивается тютчевская историософия, но дальше общих формулировок дело не идёт. Из специальных исторических работ по данной теме можно выделить лишь исследования К.В. Пигарёва, Л.В. Черепнина, В.А. Твардовской.

⁵¹Кошелев В.А. Славянофилы и официальная народность//Славянофильство и современность: Сб. ст. - СПб., 1994. - С.134.

противоречащий православной традиции⁵². Очевидно, что представители данных течений особых симпатий к православной империи, как реальной, так и «сотворённой» Тютчевым, испытывать не могли и находили в историософии поэта пространство для приложения своих убеждений. С другой стороны, консервативная среда, по сравнению с царствованием Николая I, претерпела значительные изменения. Так, в ней наиболее распространённым становится не наднациональный консерватизм имперско-православного толка, а скорее обратный ему национальный консерватизм, сложившийся при Александре III⁵³. Поэтому его приверженцы преувеличивали этническую составляющую наследия поэта. Таким образом, и либералы, и консерваторы при всём различии их идеологий, увлекались народностью. Первые - в надежде на развитие в России вместо самодержавия национального государства на европейский манер. Вторые - в запоздалой попытке спасти традиционные государственные институты, путём установления прямой связи между императором и народом. Подобные пристрастия сказались и при анализе тютчевской доктрины.

С тех пор, следуя как авторитету И.С. Аксакова, так и определённой идеологической тенденции, Тютчева в основном, считали славянофилом и панславистом преуменьшая значение его православно монархических убеждений.

Данного направления придерживались М. Бородин и И. Путинцев⁵⁴, Последний указывал на то, что для поэта Россия должна была «освободить и объединить мир славянский, мир

---

⁵²О сумятице царящей в сознании русских интеллектуалов того времени см. Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991. - С.452-458.

⁵³В связи с этим показателен отмеченный Б.Ф. Егоровым процесс роста панславистских и националистических настроений в русских официальных кругах в конце царствования Александра II. См.: Егоров Б.Ф. О национализме и панславизме славянофилов, Указ. соч. -С. 229.

⁵⁴Бородин М. Славянофильство Тютчева и Герцена: Речь произнесённая в торжественном собрании СПб. славянского благотворительного общества. - СПб., 1902. - С.1-10; Путинцев А. Тютчев как певец славянства//Филолог. записки. - 1915.- Вып.1. - С. 96-125.

восточный» и в связи с этой этнической идеей «вообще явить на земле силу земную, государственную, просветлённую ... началом веры»⁵⁵, Р. Бранд так же считал поэта славянофилом, но отмечал его веру в «державного вождя» и психологически точно объяснил специфику понимания им «царской службы», а именно то, что в тютчевских писаниях «нет ни тени позорного пресмыкания, а имеется в виду разумная служба царю и вместе с тем народу»³⁰.

Пожалуй, наиболее интересными для того времени были размышления о Тютчеве Д.С. Мережковского. По его мнению, поэт являлся, прежде всего, византинистом и пытался возродить древнерусскую традицию с «беспощадной логикой»³¹. Именно в этом его отличие от славянофилов. Которые, как и он, не любили Запад, но стеснялись своего чувства и шли путём полумер и компромисса. Если последние «стыдливо» скрывали «ненависть к Западу, из которой они родились», то Тютчев «обнажил этот стыд», считая, что «Христос благословил Россию, а все остальные народы проклял»³². Мережковский, человек далёкий от православной традиции, упрекал поэта в том, что тот был апологетом цезарепапизма и, следовательно, искажал христианское учение о власти³³. Подобное обвинение Тютчева в создании им зеркального образа папской теократии несерьёзно, так как, если превращение церкви - духовного тела по преимуществу в государство – тело, по преимуществу материальное, является грехом, то обратный процесс воцерковления государства есть благодать и идеал для христианина. Именно в данном контексте понимал поэт взаимодействие духовной и светской власти, утверждая, что: «Церковь, освящая Империю, приобщила её к себе,

---

⁵⁵Путинцев А. Ук. соч.- С.118.

³⁰Бранд Р.Ф. Материалы для исследования «Ф.И. Тютчев и его поэзия» //Известия отделения русского языка и словесности императорской академии наук.. - 1911. - Т.16. Кн.2. - С.29.

³¹Мережковский Д.С. В тихом омуте. ...- С.468.

³²Мережковский Д.С. В тихом омуте. ... -С. 469.

³³Там же. -С.471-472.

следовательно, сделала ее окончательной»³⁴. Впрочем, вопрос о цезарепапизме, как о некотором искажении христианской практики был во многом надуман. В Византии и на Руси церковная традиция не считала подобную форму взаимодействия государства и церкви ошибочной, когда государь был православен и соблюдал интересы церкви³⁵. Мережковский, таким образом, открыл в поэте веру в неограниченный никем, кроме Бога, монархизм, суть которого в том, что «самодержавие с православием связаны, как внешность и внутренность, форма и содержание, тело и дух», а «православие в самодержавии исполняется. Разорвать их значит убить»³⁶. Ошибкой автора, кроме его предвзятости к Тютчеву и к русской церковно - государственной практике, было так же неубедительное уравнивание византизма и национализма. Усиливая, в противовес Аксакову, имперско - православную составляющую тютчевской политической системы он, находил в ней элементы цезарепапизма, считая последние проявлением антихристианских настроений, а самодержавие «Апокалипсисом православия»³⁷.

«Обвинял» поэта в византизме и Л. Козловский. В 1915 году увидела свет его статья, называвшаяся «Мечты о Царьграде»³⁸. В этой работе автор указал на отличие рассуждений Тютчева от идей славянофилов и на их близость так называемой теории «официальной народности». Поэт, по его мнению, как и Н.В. Гоголь, облакал в художественную форму охранительную идеологию, воспевая одновременно «христианский идеал кроткости и смирения» и «идеал военной

---

³⁴ Тютчев Ф.И. Незавершённый трактат «Россия и Запад»//Литературное наследство... ук. соч. -С.224.

³⁵ Протоиерей Валентин Асмус. О монархии и нашем к ней отношении//Радонеж.- 1997. - №2 (46) янв. - С.5., Ульянов Н. Спуск флага. - 1979. - С.74., Каптерев П.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. - М., 1996.- Т.2.- С.120.

³⁶ Мережковский Д.С. Ук. соч. С.471.

³⁷ Там же.- С.471.

³⁸ Козловский Л. Мечты о Царьграде//Голос минувшего. - 1915. - №1. - С. 88-116.

мощи и государственного величия»³⁹. Козловский считал Тютчева прежде всего империалистом, чьи писания не были оригинальны и вели свою генеалогию от древнерусского понимания власти. Впрочем, подобное мнение даже если оно верно, по сути своей есть лучший комплимент поэту как традиционному мыслителю, не изобретавшему новое, а защищавшему давно проверенные временем истины. Трактовка автором тютчевской империи, в виде гигантского государственного образования вне какого-либо мистического смысла не согласуется с размышлениями поэта о ней как о универсальном христианском государстве построенном по образу и подобию Царстве Божия.

Логически развил мнение Аксакова о народности поэта Л. Гроссман. Его статья, вышедшая в 1918 году, несла на себе явный отпечаток политических потрясений того времени⁴⁰. Так, установив, что Тютчев вначале отвергал революцию как разрушительное явление и симпатизировал созидательному легитимизму, автор сделал ничем, кроме злобы дня, немотивированный вывод о последующем пореформенном разочаровании поэта в самодержавии и постепенном переходе «религиозным путём» к «познанию демократии»⁴¹. Абсурдность подобных утверждений очевидна. Сам Тютчев на протяжении всей жизни оставался верен монархическим идеалам. Свидетельством этому могут быть строки из его посвящения императору Александру II в которых последний назван «наместником бога»⁴².

Попадание Тютчева в число любимых поэтов В.И. Ленина санкционировало терпимое отношение к его лирике в годы советской власти⁴³. Однако идеология новой России не могла примириться с тютчевским консерватизмом. Так, вплоть до 80-х годов, ни разу не были изданы политические статьи поэта.

---

³⁹Там же . С.95.

⁴⁰Гроссман Л. Тютчев и сумерки династий//Русская мысль. - 1918. - Кн.1-2.- С.63-89.

⁴¹Там же. С.82.

⁴²Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. - Л.,1987. - С. 277.

⁴³Парыгин В., Алексеев В. Из противоречий сотканный талант. - Брянск, 1993. - С.148 – 152.

Показательно зачисление Тютчева в рамках советской истории литературы в категорию чистых поэтов. В связи с этим, в 20-е годы, при довольно тщательном изучении его поэзии, совершенно на периферии научного интереса находится тютчевское политическое наследие. Если к последнему и обращались, то действовали в русле уже устоявшихся оценок, причём без подробного анализа историософии и весьма фрагментарно.

Так, Д.Д. Благой полагал, что консерватизм Тютчева вобрал в себя многие черты его юношеского либерализма и был типичным стародворянским консерватизмом «проявившимся в форме воинствующей славянофильской идеологии»⁴⁴. Подобное учение одинаково противостояло как «разночинскому либерализму», так и охранительному направлению «придворно-бюрократической николаевской России». Таким образом, автор упрощал мировоззрение поэта, сводя его к нескольким неточным формулам. В результате он с лёгкостью, не замечая противоречивости своих построений, зачислял Тютчева и в консерваторы и в либералы одновременно.

Впрочем, даже в среде русской эмиграции по отношению к тютчевским политическим штудиям бытовал либеральный подход, когда официальный консерватизм времён Николая I считался чем-то постыдным и, следовательно, требовалось разграничить его с убеждениями поэта. Осуществлялось это в русле ещё аксаковского стремления разделить реально существующее государство и его отвлечённую идею, внешний строй учреждений и народную душу. Именно так действовал один из крупнейших филологов русского зарубежья П.М. Бицилли, который полагал, что Тютчев трезво, без иллюзий, относился к действительной российской империи, вместе с славянофилами находя в ней лишь «оболочку», «скорлупу», за которой существовала «ядро», «русская идея»⁴⁵. Причём, оболочка по сути своей хаотична. Она «видимость»,

---

⁴⁴Благой Д. От Кантемира до наших дней. - М., 1979. - Т.1.- С. 377, 404.

⁴⁵Бицилли. Державин – Пушкин - Тютчев и русская государственность//Бицилли. Избранное. Историко-культурологические работы. – София, 1993.- Т.1.- С. 302.

прикрывающая «строй, гармонию, абсолютное Добро, присущее «Идее»»⁴⁶ Тютчевская историософия в итоге есть не что иное, как попытка поэта внушить себе и окружающим веру в российскую действительность и скрытую за ней русскую идею. Последнюю, по мнению автора, Тютчев утверждал, но созерцать её не мог в силу того, что она была «для него, как для многих славянофилов, просто понятием»⁴⁷. Таким образом, Бицилли переносил дуализм художественного творчества поэта на его политические работы и рассматривал их с отвлечённых позиций. В результате, тютчевские размышления отрывались от конкретно-исторического смысла и выражали либо метафизические идеи (хаос, космос), либо категории этического порядка (добро, зло).

Противоположная, но, в целом, традиционная позиция была у Г. Чулкова. Панславизм и великодержавность Тютчева он выставлял на первый план⁴⁸. По его мысли, «поэт думал, что если великий народ перестаёт верить в своё исключительное призвание и в своё право на мировое господство, он тотчас же перестаёт быть великим народом, обращается в этнографический материал»⁴⁹.

Итак, к 30-м годам в целом сформировались основные направления толкования политических взглядов Тютчева. Они исходил» из изысканий И.С. Аксакова и, в основном, повторяли его выводы об особенностях историософии поэта. Всё различие между этими версиями сводилось к выделению какой-либо одной характерной черты подмеченной Аксаковым в данной историософии и в последующем построении на её основе доказательств, определявших мировоззрение Тютчева. Вышеуказанные направления возможно классифицировать

---

⁴⁶Там же. -С.302.

⁴⁷Там же. -С.302.

⁴⁸Чулков Г.И. Стихотворение Тютчева «14-ое декабря 1825»//Урания: Тютчевский альманах. 1803-1928. - Л., 1928. - С. 75.

⁴⁹Там же. -С. 76.

следующим образом:

1 Этническое - выделявшее принцип народности и развивавшее его или до утверждения о тютчевском славянофильстве и панславизме (Аксаков, Путинцев, Благой и т.д.) или до мнения о народно-демократическом мировосприятии поэта (Гроссман).

2 Государственное - считавшее важнейшей имперско-монархическую составляющую. Последнюю трактовали разнообразно, находя в ней признаки национального государства (Чулков), военной империи (Козловский)

3 Религиозное - суть тютчевской концепции находившее в её отношении к вопросам веры (Иванцов-Платонов), но зачастую отрывавшее это содержание от конкретной российской государственности в направлении абстрактно-моралистического христианства (Соловьёв) или критиковавшее православную настроенность поэта и вместе с ней русское православие за якобы присущий им цезарепапизм (Мережковский).

В то же время, следует отметить некоторую условность данного деления, так как однозначно чистого направления выделить невозможно, скорее, при господстве какой-либо одной составляющей, в работах указанных авторов, присутствовали элементы других направлений. Так, например, Чулков, делая упор на тютчевскую имперскость, понимал последнюю в панславистском смысле, а Мережковский выделив православность поэта, говорил о её искажении монархизмом и наделял националистическими чертами. Однако главное заключается в том, что перечисленные направления, в том или ином сочетании между собой, доминировали в исследованиях на протяжении всего последующего периода изучения политического творчества Тютчева, превратившись, таким образом, в определённые тенденции, мешавшие по-новому интерпретировать данную тему.

Тридцатые годы были ознаменованы публикацией статей К.В. Пигарёва которые стали первыми научными работами, посвящёнными отношению поэта к внешнеполитической

деятельности царской России⁵⁰. В них автор в основном воспроизводит мнения Тютчева относительно конкретных международных событий, мало уделяя внимания обобщению его теоретических взглядов. В частности, он отметил, что поэт являлся «в большей степени панславистом, чем славянофилом», а в его сочинениях отсутствуют такие важные составляющие учения московской партии, как общинная теория⁵¹. Позднее в общем исследовании жизни и творчества Тютчева Пигарев остановился на данной проблеме⁵². В целом он повторил мнения своих предшественников о последовательном монархизме поэта⁵³.

Тютчевская концепция 40-х годов своим противопоставлением России - христианской империи антихристианскому Западу, для Пигарева идентична взглядам славянофилов⁵⁴. Одновременно он считал поэта - в противоположность последним «совершенно равнодушным» к «церковно-русской стихии»⁵⁵. Станным выглядит соединение автором тютчевского панславизма с вероятными, на его взгляд, симпатиями поэта к идеям Священного союза, тогда как явно выраженный национальный характер первого направления несовместим с монархическим космополитизмом второго⁵⁶. Впрочем, подобных противоречий много в рассуждениях Пигарева. Достаточно указать на то, что он отмечал в Тютчеве одновременно близость к славянофилам и к охранительной доктрине Николая, хотя эти течения русской идеологии противоположны. Видимо, автор представлял тютчевский идеал

---

⁵⁰ Пигарёв К.В. Тютчев и проблемы внешней политики царской России//Лит. наследство. - 1935. - Т.19-21. - С. 177-218; Пигарёв К.В. Ф.И. Тютчев о французских политических событиях 1870-1873 гг.//Лит. наследство. - 1937.- Т. 31-32. - С. 753-776.

⁵¹ Пигарёв К.В. Тютчев и проблемы внешней политики... ук. соч.- С.190.

⁵² Пигарёв К.В. Ф.И. Тютчев и его время. - М., 1978.

⁵³ Там же. - С. 129.

⁵⁴ Там же. - С.127-128.

⁵⁵ Пигарёв К.В. Ф.И. Тютчев и его время. - М., 1978. - С.133.

⁵⁶ Там же. -С.128.

власти в образе совмещения монархического и национального принципа, в результате чего создавался странный для России симбиоз из сословного самодержавия и национального государства, соответствующий скорее модернизированной европейской монархии 19-го века с её национально-буржуазным характером.

В 50-70-е годы кроме трудов К.В. Пигарева следует выделить две специальные работы, посвящённые историко-политическим построениям Тютчева. Это небольшая глава из книги об исторических взглядах русских писателей известного советского историка Л.В. Черепнина и анализ исторического романтизма в тютчевской лирике, проведённый В.Н. Касаткиной. Черепнин сделал вывод о политической умеренности поэта, проявившейся в симпатиях к легитимной монархии, освящённой христианством⁵⁷. Причем он считал Тютчева реакционером и как положительный выделял из его наследия только этнический фактор («историческое значение русского народа, его сближение с другими славянскими народами»), находя в нём некоторую прогрессивность⁵⁸. Высказанные Черепниным мысли не были оригинальны и сводились к изложению тютчевской доктрины с повторением заключений Пигарева. Так, например, подобно последнему, видел в поэте выразителя «настроений консервативных общественных кругов, желавших поставить Россию на службу международной реакции»⁵⁹.

Увлечение Тютчева народностью в 50-е годы 19 века отметила также В.И. Касаткина. Правда, в отличие от Пигарева и Черепнина, она находила истоки данного выбора не просто в национальном чувстве поэта, а в зависимости его концепции от теорий Вико и Гердера о цикличном развитии истории. В соответствии с ними, Тютчев предугадывал закат очередного

---

⁵⁷Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. - М., 1968. - С. 184.

⁵⁸Там же. -С. 186-187.

⁵⁹Там же. -С. 193.

исторического цикла и уничтожение как «буржуазно-католического мира», так и «аристократической самодержавной России», и в результате ожидал начала нового цикла, вместе с которым «в историческом процессе настанет очередь славян»⁶⁰. При этом, в области государственного устройства, поэт оставался монархистом и пропагандировал «будущее торжество православия и русского царизма»⁶¹. Касаткина считала, что прославление Тютчевым православия есть «реакционная утопия», «лишённая исторических обоснований» а его критика католицизма «могла быть переадресована православной церкви»⁶². Подобное утверждение свидетельствует о непонимании автором исторических особенностей и смысла указанных вероисповеданий. Впрочем, и другие рассуждения были неточны и полны противоречий. В одном из них она утверждала, что поэт одновременно не верил в «аристократическую самодержавную Россию» и воспевал идею «русского самодержавно-православного государства». Указанные термины, в трактовке Касаткиной, были по сути своей неточны. Например, монархия может быть как самодержавной, так и аристократической, вспомним Россию и Польшу, но самодержавие не может стать аристократическим, так как данные понятия взаимоисключают друг друга.

Высказывания других авторов, как правило, литературоведов относительно политических взглядов Тютчева носили фрагментарный характер и в целом повторяли расхожие мнения своих предшественников о славянофильстве, панславизме и империализме поэта. Так, для Н.Я. Берковского последний являлся православным империалистом, стремившимся к объединению славян под властью русского царя⁶³. Б. Бухштаб, наоборот, указывал на его отчуждённость от

---

⁶⁰ Касаткина В.И. Пoesия Ф.И. Тютчева.- М., 1978. - С. 50.

⁶¹ Касаткина В.И. Пoesия Ф.И. Тютчева.- М., 1978. - С.53.

⁶² Там же. -С.49.

⁶³ Берковский Н.Я. Ф.И. Тютчев. Вступительная статья.//Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. - Л., 1987. - С. 8.

православной церкви при явных симпатиях к государственной идее⁶⁴. Выбор Тютчевым монархизма, по утверждению А.Е. Горелова, обуславливался верой в необходимость «единовластия как силы, нейтрализующей слепую стихию народного недовольства»⁶⁵. Н.Н. Скатов «упрекал» Аксакова в переносе им своих «чистославянофильских представлений о жизни народа и соотношении её и русской монархии» на мировоззрение поэта, между тем, как для последнего «проблема народа ... снимается перед лицом России, взятой как целое и находящей своё выражение, прежде всего в монархии и монархе»⁶⁶. Специфику тютчевского понимания власти, Скатов видел в особенностях его религиозного настроения. Если в николаевское время поэт находил бога в государственной власти, то позднее власть «оказалась безбожной, а прибежищем бога на земле стал страдающий народ»⁶⁷. Таким образом, автор указывал на своеобразное религиозное народничество Тютчева и склонялся к версии Гроссмана о том, что поэт через религию «идет к признанию» демократии»⁶⁸.

Число научных исследований, посвящённых истории создания тютчевских политических сочинений объяснению их содержания резко увеличилось в 80-е годы.

В.В. Кожин, вероятно, возражая Аксакову, утверждал, что поэт в отличие - от славянофилов, ратовавших за русскую общину, ключевым для понимания отечественной истории считал понятие держава, генеалогически связанное с византийской традицией власти⁶⁹. Вместе с тем, он не усматривал в Тютчеве, как Чулков и Козловский, империалиста,

---

⁶⁴ Бухштаб Б. Русские поэты. - Л., 1970. - С. 24 - 25.

⁶⁵ Горелов А.Е. Три судьбы: Ф. Тютчев, А. Сухово-Кобылин, И. Бунин. - Л., 1980. - С. 23.

⁶⁶ Скатов Н.Н. О «двух тайнах» русской поэзии (Некрасов и Тютчев)//Скатов Н.Н. Литературные очерки. - М., 1935.- С.258.

⁶⁷ Там же. -С. 261-262.

⁶⁸ См.: Гроссман Л. Ук. соч. - С.82.

⁶⁹ Кожин В.В. Вступительная статья к «Незавершённый трактат «Россия и Запад»//Лит. наследство... ук. соч.- С.189.

ведь по его выводам, тютчевская держава основывалась не на насилии, а на «мощной способности подчинять частные, индивидуальные, эгоистические интересы и стремления высшим интересам и стремлениям целого, общего, всенародного»⁷⁰. Кожинов отрицал приписываемый поэту панславизм славянофильского толка, так как для последнего племенной принцип был второстепенен, а акцент им делался на «духовно-историческую связь народов»⁷¹. Вместе с тем, он полагал, что Тютчев находился на грани веры и безверия «и уж во всяком случае - за пределами церкви»⁷². Использование поэтом православия автор объяснял его стремлением опереться в своей историософии на масштабность христианского прошлого, дававшего возможность мыслить «в рамках поистине «большого времени»», а так же его попыткой противопоставить христианскую нравственность европейскому эгоизму⁷³. Таким образом, Кожинов видел в Тютчеве прежде всего государственника, в размышлениях которого православие выполняло лишь вспомогательную роль моральной и культурной опоры монархии. Следовательно тезис автора о провизантийской позиции поэта им самим и ставился под сомнение, так как византийское учение о власти основывалось именно на мистической связи православия и империи⁷⁴.

Иным был подход к тютчевским построениям у В.Е. Ветловской. Она отметила их сходство с учением славянофилов. Причём, данная идентичность, по её мнению, базировалась на одинаковом, «в плане христианской общности», толковании ими общинных начал⁷⁵. В соответствии с этим предположением,

---

⁷⁰ Там же.- С.195.

⁷¹ Там же.-С.191.

⁷² Там же.-С.196.

⁷³ Кожинов В.В. Вступительная статья к «Незавершённый трактат «Россия и Запад»//Лит. наследство... ук. соч. С.189. - С.196.

⁷⁴ Зызыкин М.В. Патриарх Никон, его государственные и канонические идеи. - М., 1995.- Ч.1.- С. 83-85.

⁷⁵ Ветловская В.Е. Проблема народности в публицистике Ф.И. Тютчева (В европейском контексте)//Русская литература. – 1986. - №4. - С. 144.

автор Ветловская выделила из наследия поэта понятие о христианской народности и подчинила ему все остальные составляющие (церковь, империя). Позднее эту версию до логического завершения разовьёт С.А. Долгополова. Исходя из трудов «таких «авторитетов» в вопросах богословия, как Н.А. Бердяев и Г.П. Федотов, она трактовала тютчевскую народность в виде народности, «освящённой вне церкви», превращая её в некоторое подобие сектантства⁷⁶.

Своеобразно обобщила долгий спор о политическом мировоззрении поэта В.А. Твардовская, сделавшая вывод о невозможности отнести его «под знамя какого-либо одного идейного течения»⁷⁷. Так, в тютчевской концепции присутствовали черты «охранительной идеологии», и в тоже время симпатии к реформам Александра сближали её с доктринами «буржуазной демократии и с либерализмом»⁷⁸. Следовательно, вся оригинальность поэта, если принять к сведению предположение автора, состояла в компиляции им разнообразных, зачастую противоположных друг другу теорий. Разбирая в основном пореформенные взгляды Тютчева Твардовская связывала их с славянофильским определением специфики российской монархии, смысл которого заключался в отсутствии «средостения между властью (царём) и народом»⁷⁹. Вероятно, исходя из этого, поэт отрицательно относился к любым попыткам создать подобное «средостение», будь то обюрокращивание власти или её размывание в аристократических, шляхетских вольностях⁸⁰.

В противовес Кожинуву Твардовская отметила сходство

---

⁷⁶Долгополова С.А. Тютчевский миф о Святой Руси//Тютчев сегодня: Материалы 4 литературных чтений. - М., 1995. - С.37.

⁷⁷Твардовская В.А. Тютчев в общественной борьбе пореформенной России// Литературное наследство. - М., 1988. - Т. 97. Кн.1.- С.164.

⁷⁸Там же. - С.164.

⁷⁹Там же. - С.152.

⁸⁰Так поэт ещё в молодости в беседе с М.П. Погодиным жаловался на то, что «В России концелярия и казармы. - Всё движется около кнута и чина." см.: Тютчев в дневнике и воспоминаниях М.П. Погодина//Литературное наследство. - М., 1989. - Т.97. Кн.2. - С.13. В то же время его творчество переполнено иронией по поводу аристократического либерализма. Смотрите тютчевские эпиграммы: «Ответ на адрес», «напрасный труд – нет, их не вразумишь...», «Вы не родились поляком» и т.д.

тютчевского панславизма с панславизмом славянофильским, однако, при этом указала на то, что вышеизложенные аналогии, пожалуй, исчерпывают данную идентичность. Содержательное различие между убеждениями поэта и славянофилов, по её мнению, заключалось в консерватизме первого и в либерализме последних. Проявлением «исторической ограниченности» для Твардовской было использование Тютчевым в своей историософии православной традиции. Поэтому она отводила религии второстепенную роль в построениях поэта и предполагала, что он относился к вере как-то утилитарно, используя её для укрепления государства в попытке противостоять революции. В результате, Тютчев пореформенного периода представлялся автору сторонником «народного», прямого, внесловного самодержавия.

Опубликованные в СССР и России за последнее десятилетие работы П.И. Петровой, А.Л. Осповата., Г.С. Кнабе, Е. Воропаевой, О. Симчич, Б.Н. Тарасова, затрагивали отдельные направления политического творчества Тютчева и не содержали каких-либо новых, основополагающих суждений о смысле его идеологии. Так, П.И. Петрова в «лучших» советских традициях утверждала, что поэт противостоял «пошлому» и «лицемерному» обществу, а «заповеди благочестивых охранителей» ощущались им как «величайшая ложь»⁸¹. Противоположную, но также традиционно амбивалентную трактовку тютчевского мировоззрения дала О. Симчич, считавшая его в целом консервативным, но «либо с романтическим, либо с либеральным уклоном»⁸². Влиянию сочинения Астольфа де Кюстина на поэта была посвящена статья Е. Воропаевой, отметившей, что размышления последнего о «историческом будущем России» и «единстве Восточной Европы», вероятно, направлены против антирусских

---

⁸¹Петрова П.И. Мир, общество, человек в лирике Тютчева//Литературное наследство. М., 1988. - Т.97. Кн.1.- С.47.

⁸²Симчич О. Консервативное мышление Тютчева и современность//Тютчев сегодня: Материалы 4 литературных чтений. - М., 1995.- С. 38.

сентенций маркиза⁸³. Б.Н. Тарасов рассмотрел доктрину Тютчева в её взаимоотношении с теориями П.Я. Чаадаева и указал на их славянофильско - западническую полярность⁸⁴. Включенность поэта в процесс «негативного пересмотра антично - римского вклада в историю», характерный для русского общества и «прежде всего для славянофилов», описал в своей статье Г.С. Кнабе⁸⁵. Сторонником охранительного направления считал Тютчева А.Л. Осповат, вместе с тем делавший вывод о том, что если Николай I в своей внешней политике ориентировался на зарубежные королевские дворы, придерживаясь принципа легитимизма, то поэт, исходя из государственного интереса и панславистских убеждений, выступал с позиций политической целесообразности⁸⁶.

Таким образом, рассмотрев историю разбора политических взглядов Тютчева, можно с определённой долей уверенности утверждать, что:

1. Как правило, обращение исследователей к данной теме носило фрагментарный характер. Лишь некоторые авторы (Аксаков, Пигарев, Черепнин, Кожин, Твардовская) рассматривали её подробно, но при этом в основном просто комментировали тютчевскую доктрину.

2. Публицистические и литературоведческие работы преобладали над историческими исследованиями. Последние изучали частные моменты общественно-политической деятельности поэта (исключение - работа Твардовской) или историю создания им историософских сочинений (Осповат,

---

⁸³Воропаева Е. Тютчев и Астольф де Кюстин//Вопр. литературы. - 1989. - №2. - С.105.

⁸⁴Тарасов Б.Н. Ф.И. Тютчев и П.Я. Чаадаев (жизненные параллели и идейные споры друзей-«противников»)//Тютчев сегодня .... С.109.

⁸⁵Кнабе Г.С. Римская тема в русской культуре и в творчестве Тютчева// Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф.И. Тютчева. – Талинн, 1990. - С. 266.

⁸⁶Осповат А.Л. Новонайденный политический меморандум Тютчева: К истории создания//Новое лит. обозрение. - 1992. - №1. - С. 96.

Воропаева).

3. Художественно-публицистический подход привёл к излишне обобщённому восприятию тютчевской историософии в её отрыве от реальной идеологической истории России. Именно поэтому наследие Тютчева толковали с метафизических и морально-этических позиций (Соловьёв, Бицилли, Гроссман).

4. И.С. Аксаков, смешав доктрину поэта с идеями славянофилов, predetermined направленность работ позднейших авторов.

5. Все версии о смысле политических построений Тютчева возможно классифицировать по степени преувеличения их создателями значения какого-либо одного из элементов его историософии (этнический, государственный, религиозный).

6. В большей степени из тютчевской концепции выделяли её этнические компоненты (Аксаков, Путинцев, Благой, Пигарев, Черепнин, Касаткина) преуменьшая значение имперско-православной составляющей.

7. При разборе последней предпочтение отдавалось государственному началу (Чулков, Козловский, Кожин). В результате империю представляли в виде гигантского этническо-территориального образования вне её мистической связи с православием.

8. Исследователи в той или иной степени стремились дистанцировать политические взгляды поэта от охранительной идеологии времён Николая. Для этого они утверждали, что Тютчев различал реальную русскую государственность и её идею, испытывая симпатии скорее ко второй чем к первой. Подобная пристрастность видимо была обусловлена субъективными настроениями авторов, которые писали о тютчевском консерватизме зачастую с враждебных ему позиций (славянофильских, либеральных, марксистских, атеистических).

9. Генеалогия историософии поэта не изучена. Существующие на сей счёт версии носят характер предположений и в большей мере указывают на западноевропейские источники, между тем как византийско-

православные корни его рассуждений также заслуживают внимания.

10. Смысл основных тютчевских категорий (империя, церковь, народность, панславизм и т.д.) до сих пор не выяснен. Все определения по их поводу достаточно субъективны и не основаны на научном исследовании. Авторы скорее описывали и разбирали взаимодействие этих понятий между собой, чем их содержание.

11. Отсутствует ясная однозначная трактовка консерватизма поэта. В нём находят и панславизм, и славянофильство, и византизм.

В заключении следует отметить, что историко-политические взгляды Ф.И. Тютчева в силу вышеуказанных причин, требуют дальнейшего научного исследования. Впрочем, возросший за последнее время интерес к консервативной идеологии в целом и к отечественному имперско-православной традиции в частности, позволяет надеяться на оригинальные открытия в данной области.

**«БРОДЯ «БЕЗ ДЕЛА И БЕЗ ЦЕЛИ...»
Ф. ТЮТЧЕВ - Д. АНДРЕЕВ**

В.Ф. ПОГОРЕЛЬЦЕВ

Старший брат Даниила Андреева однажды воскликнул: «Это единственный у нас в России поэт-визионер! Явление исключительное». «И с этим утверждением трудно не согласиться, - констатирует в журнале «Звезда» (1988, №3) Александр Вагин. – Д. Андреев действительно шел по стопам своих учителей Владимира Соловьева и А. Блока, стремясь навести мост из мира реального в мир «запредельного». Найти в русской и, особенно, в современной Даниилу Андрееву поэзии аналогию его творчеству практически невозможно».

Не будем возражать относительно современной поэзии, а вот вывод о классической нуждается в уточнении. Общеизвестно, что уже Ф. Тютчева поэты-символисты объявили провидцем и визионером, коснувшимся глубочайших мировых тайн, а мост между земным миром и «мирами иными» перекидывал и поздний романтик А.К. Толстой (намного раньше - В.А. Жуковский).

Однако русские романтики колебались в своих предпочтениях. Лермонтов, слушая , «как звезда с звездой говорит», устами Мцыри убежденно заявляет, что за несколько минут пребывания в родных местах он бы «рай и вечность променял». «Пристрастия» к матери-земле не скрывал Тютчев. Алексей Толстой, выйдя из мистического транса, мог простодушно признаться: «Уж очень я к земле привязан!»

Вслед за Пушкиным русские поэты - и материалисты и пантеисты - любили «бродить вдоль улиц шумных», а еще больше - за чертой городской сутолоки: здесь можно было «набрести на светлый дух синели» и «в поле каждую былинку» рассмотреть.

Духовный труженик Д. Андреев эту склонность русских лириков возвел до апогея. Начав с хотьбы босиком по

столичному асфальту, он отправился на трубчевские луговые и лесные тропы и многими своими стихами как бы санкционировал поэтическое бродяжничество.

Наиболее же очевидны, на мой взгляд, в поэзии Д. Андреева тютчевские традиции. Нельзя не заметить: и в пафосе, и в структуре лирического языка, и в стихотворной технике тютчевское проглядывает едва ли не в каждом третьем стихотворении Д. Андреева. Мотив ухода от любимой, начиная с Петрарки, приобрел символическое значение и приводящую в трепет динамику в стихотворении Тютчева «Из края в край, из града в град...» На одном дыхании он был подхвачен Д. Андреевым. И тот и другой - создатели мифов, и они же, поэты, разрушители их.

Оба - водопоклонники. Зеркальная гладь рек, их прихотливые извивы, блеск хрустальных капелек на зелени и перлы дождевых струй - вот их желанная стихия. И «Весенние воды» Тютчева, и летний «Ливень» Андреева вызывают желание, сбросив с себя десяток-другой лет, шлепать по лужам. В стихах этих лириков подлинное буйство света и цвета. У Тютчева преобладает лазурно-изумрудно-золотая палитра, у Андреева - бело-серебряная. Поэтому понятна у обоих поэтов склонность к выстраиванию в ряд эпитетов (от трех до пяти), к экзотическим, сложным и составным определениям. Стремясь преодолеть «немоощь» слова, оба делают ставку на усиливающие экспрессию синонимы-повторы, либо уточняющие смысл («Там что-то веет, льется, реет...» - у Д. Андреева), либо утяжеляющие важность его («Но час настал, пробил...» - Ф. Тютчев; «От глыб отторгнуты, отколоты...» - Д. Андреев). Интересные пробы Тютчева в области внутренней рифмы, усиленной аллитерацией или ассонансом («Полуденный луч задремал на полу» или: «Оратор римский говорил...»), Д. Андреев блистательно продолжил и развил. В поэме «Навна», например, он достигает при этом пленительной музыкальности:

И стали нежною духовностью
Лучиться луг, поляны, ели,
Запели длинные свирели...

Согласные здесь, смягченные звуками э - и, сливаются словно в упоительном поцелуе... Несмотря на случаи изысканной рифмовки, в целом Тютчев, считает Б. Бухштаб, уступал в этой области А. Фету; Андреев порой и вовсе отказывается от рифмы - пишет белыми стихами. И тот и другой не боятся громоздких нестиховых слов и ломки размера.

Стихи-молитвы, стихи-заклинания, стихи-повеления (императивного у Тютчева и ласково-добродушного у Андреева), дословные совпадения (у Тютчева: «Тот же все вечный прибой и отбой»; у Андреева: «Вечной жизни прилив и прибой») - все это делает очевидным какой-то небываый в России тандем художников слова 19 - 20 века. Конечно, в стихотворениях Д. Андреева, навеянных дорогами, - и «Марево Блока, туманы Есенина», но тютчевский элемент, на наш взгляд, преобладает.

У Тютчева явления природы имеют «человечью» анатомию, физиологию и психологию; то же - у Андреева. По Тютчеву, зима - «ведьма злая», весна - «прекрасное дитя» и т. п. Аналогические склонности к антропоморфизмам проявляет Андреев: у него «злой костер», «спокойный добрый хлеб»... У Тютчева одушевляются любые предметы и понятия: «блеск очей тоскует», «страх летает», «звук уснул». И у Андреева - гипостазирование: «Каждой капле радуются ноги», «Дом тих, гостей солидно слушая». Олицетворение у него в большей мере, чем у Тютчева, обратимо: он то предмет одушевляет, то дух опредмечивает:

О, да песок рассыпчатый и белый
И ягоды у каждого куста

Есть вечно созидающее тело
Всемирного предвечного Христа.
(«Лесная кровь»)

Андреев покоряет прежде всего пантеизмом каким-то одомашненным, семейно-обиходным. Лирический герой его от тютчевского слияния с природой перешел к породнению с ней (хотя вектор на этот путь был и у Тютчева). Андреевский бродяга чувствует себя на равных с «Неруссочкой» и «ветришкой», он не может расстаться с ночной «Москвушкой». Не довольствуясь поэтикой Тютчева, у которого исключено бытовое начало, стусеваны местные ориентиры, Д. Андреев, захватив в дорогу кусок сала и «сухарики», возвратился к Пушкину, которому дороги и «щей горшок» и «кружка». С грациозной непосредственностью и простодушно-милой фамильярностью он может обратиться к далекой звезде, «моей лазурной Веге».

И все же «цель поэзии не приемы, а познание мира» (Ю. Лотман). Осмелюсь сказать, что «бродя без дела и без цели» «по зеленым певучим дорогам», Д. Андреев узнал о брэнной жизни больше, чем Тютчев. Не потому, что был умнее и зорче его, а потому, что исторический опыт выдающегося поэта XX в. был более широким, а дороги разнообразнее: Д. Андреев не только в гости к народу хаживал, а прожил с ним от триумфальных строек до години страшных бедствий. Поэтому в его неоромантизме больше конкретики, а в концептуальных выводах - правды и справедливости. Если для Тютчева желанна Россия в границах «От Нила до Невы, от Ельбы до Китая» («Русская география»), то для Д. Андреева имперский демон - главный враг. И тот и другой, одолевая стезю истории, запечатлели кризис духовности, но Тютчев, увлекаясь державностью, забывает о спасении души, а Д. Андреев постоянно воспеваеет ее. «Минуты роковые», как и большинство из нас, Д. Андреев желал не восславить, а избежать... Обоих поэтов тревожат эсхатологические предчувствия, но, если в

«Последнем катаклизме» Тютчева «максимальное разрушение оборачивается максимальным созиданием» (М. Гиршман), то в розовых от крови водах Д. Андреева «божьего лика» нет - «раскрылась хлябь без отраженья» («Гибель Грозного»). Это предупреждение людям ядерного века.

Но не будем далее противопоставлять знаменитых, а лучше подчеркнем их глубинную связь. И у того и у другого поэта - гибкий, крепкий, энергичный стих, громадный диапазон видения. Тютчев лаконичнее, яснее, а у Д. Андреева фантазия неистощимее. Обоим свойственно тонкое и горячее чувство природы. И у Тютчева и у Андреева нас покоряют и глубокая дума, и головокружительный восторг, и всеобъемлющая причастность. У них повышенный градус восприятия жизни, стих согрет «пожаром». У них чувств избыток, поэтому нет преобладающего позыва к метафорической зауми, нередко призванной скрыть эмоциональную скудость. Это поэзия и поэтика открытого лиризма с его откровенными признаниями, восклицаниями и междометиями. А начало и движение всему этому дал великий Пушкин, пройдя «без дела и без цели» или разъезжая в кибитке, он первый запечатлел величавую и трагическую поступь истории. Его ощущение бесконечных «концов» и «начал», являющих собой ход истории, стало едва ли не хроническим для дипломата Федора Тютчева и «ясною, осознанною болью» для узника Владимирского централа - Даниила Андреева.

**ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КОММЕНТАРИЙ К СТИХОТВОРЕНИЮ
Ф.И. ТЮТЧЕВА «29-е ЯНВАРЯ 1837»**

И.Б. НЕПОМНЯЩИЙ

Зимой 1875 года в газете «Гражданин» впервые публикуется тютчевский отклик на трагические события, связанные с гибелью Пушкина, - стихотворение «29-е января 1837». Незадолго до того оно было получено И.С. Аксаковым от князя И.С. Гагарина, однако какие-либо сведения относительно даты его написания отсутствовали. В научной литературе о Тютчеве, прежде всего благодаря усилиям К.В. Пигарева, утвердилась датировка тютчевского стихотворения летом 1837 года: действительно, будучи на протяжении трех месяцев в России и, общаясь с писателями, близкими «Современнику» (в частности с Вяземским), в эту пору Тютчев узнает о подробностях дуэли и смерти Пушкина.

Столь позднее, спустя полтора года после ухода автора из жизни, обнаружение текста и неполная ясность в вопросе о времени его создания в известной степени повлияли на то, что тютчевский отклик не только оказался изолированным от живого литературного процесса 30-х - 40-х годов XIX века, но - и это интересует нас в первую очередь - в качестве такового воспринимался и читателями последних десятилетий XIX- XX столетия. Однако тот факт, что стихотворение «29-е января 1837» не вошло в литературно-общественное сознание современной поэту эпохи, отнюдь не означает, что бесперспективны поиски в обратном направлении, а именно - установление не только его типологической соотнесенности с текстами-предшественниками, но и конкретно-исторической зависимости от них.

«Движение собственного его вкуса более ознаменовалось в эту эпоху два раза: при известии о смерти Державина (1816) и при окончании курса учения лицейских его товарищей», - писал в «Некрологе барона Дельвига» П.А. Плетнев об одном из ближайших друзей и единомышленников Пушкина. В беглом замечании Плетнева - указание на то, что смерть Державина - патриарха русской поэзии, завершителя великой одической традиции XVIII века - была воспринята его младшими современниками как этапный момент в развитии их собственных эстетических представлений, рубеж между двумя эрами в их творческом становлении. Нет сомнения, что и гибель Пушкина литераторами-современниками также была оценена не только как тяжелейшая личная утрата, но - как драма историческая, потребовавшая нового взгляда и на судьбу самого Пушкина, и на судьбу всей русской литературы. В этом плане показателен уже заголовок одной из статей Вяземского – «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина». Результат этого - насущная необходимость осмысления принципиально иной ситуации в отечественной культуре и - шире - истории, а, следовательно, и потребность по-новому осознать масштабы и характер пушкинского наследия; в особенности же после того, как доступными оказались многие не опубликованные ранее пушкинские произведения. На уровне общественно значимом, может быть, наиболее яркое, хотя далеко не единственное подтверждение сказанному - цикл статей Белинского, появившийся в первой половине 40-х годов; на уровне частном дневники и письма рубежа 30-40-х. Так, например, уже в марте 1837 Ал. Н.Карамзин обращался к брату: «... в последних же произведениях его (Пушкина - И.Н.) поражает особенно могучая зрелость таланта; сила выражений и обилие великих, глубоких мыслей, высказанных с прекрасной, свойственной ему простотою. (...) Плачь, мое бедное отечество! Не скоро родишь ты такого сына! На рождении Пушкина ты истошилось!» Но

даже и через три года, зимой 1840, Боратынский в письме жене сообщит, непреднамеренно, но тем более показательно вторя Карамзину: «...я был у Жуковского, провел у него часа три, разбирая ненапечатанные новые стихотворения Пушкина. Есть красоты удивительной, вовсе новых и духом и формой. Все последние пьесы его отличаются - чем бы ты думала? - силою и глубиною». Однако перед русской мыслью стала и несколько иная задача. Она была органически связана с первой, но не тождественна ей: осознать свершившуюся трагедию - гибель гения - в категориях метафизических. И по данному поводу свидетельства современников многочисленны и выразительны. Они принадлежат как непосредственным участникам события, так и его сторонним наблюдателям. «Странность» случившегося действительно бросалась в глаза: "Естественно ли, чтобы великий человек, в зрелых летах, погиб на поединке, как неосторожный мальчик? Сколько тут вины его собственной, чужой; несчастного предопределения?" (из письма Боратынского Вяземскому от 5 февраля 1837). Такая точка зрения была весьма популярна как в литературной, так и в нелитературной среде; например, в письме к А.Н. Вульфу, датированном 12 июля 1837 года, Н.М. Языков формулирует: «История причин дуэли его чрезвычайно темна и, вероятно, останется таковой на веки веков». Закономерно появление огромного количества собственно стихотворных откликов на свершившееся, авторы которых были людьми различной политической ориентации, разных поколений, наконец, несоизмеримые по масштабам дарования. Наиболее значительные из них - Жуковский и Вяземский, Глинка и Боратынский, Кольцов и Кюхельбекер, Полежаев, Огарев, Лермонтов, Тютчев. Не нашлось, по-видимому, ни одного сколько-нибудь известного стихотворца тех лет, который не отозвался бы на январскую катастрофу. Большинство из названных - друзья Пушкина, его опекуны и соратники по литературной и общественно-политической борьбе, его подопечные и ученики. Тютчев - вне этого круга. Он не был

лично знаком с Пушкиным, но, может быть, именно поэтому, дистанцировавшись от непосредственного литературного процесса 30-х годов, нечасто и нерегулярно публикуясь во второстепенных журналах и альманахах той поры, даже названия которых он не всегда запоминал, одним словом, находясь внутри иной - не российской - культурной и языковой среды, мюнхенский дипломат так напряженно размышлял о Пушкине и мог вернее, чем многие из ближайшего пушкинского окружения, оценить масштабы сделанного великим современником.

Тютчевская *к о н ц е п ц и я* Пушкина в основных чертах сложилась, по всей вероятности, к середине 30-х годов. Об этом свидетельствует переписка поэта с Иваном Гагариным. «Мне приятно воздать честь русскому уму, по самой сущности своей чуждающемуся риторике, которая составляет язву или скорее первородный грех французского ума. Вот отчего Пушкин так высоко стоит над всеми современными французскими поэтами...» - так определяет Тютчев собственное понимание пушкинского творчества в эту пору. В приведенном суждении существенны, по меньшей мере, два момента. Первый - признание в Пушкине поэта национального (через сопоставление с современными французскими поэтами); второй - утверждение подлинно художественной природы пушкинского гения (замечание о первородном грехе риторике, не свойственном «русскому уму»).

Мир без Пушкина - это, по Тютчеву, принципиально иной мир; он, бесспорно, требует серьезнейшей корректировки в творческом самоопределении. Сходное ощущение характеризует многих литературных деятелей эпохи. Доказательства этому общеизвестны: они в статьях, стихах и записных книжках Вяземского, письмах Боратынского, Гоголя. Последний, в частности, обращался к Плетневу после возвращения из Рима в Россию (1839): «Как странно! Боже, как странно. Россия без Пушкина. Я приеду в Петербург, и Пушкина нет. Я увижу вас - и Пушкина нет. Зачем вам теперь Петербург? к чему вам теперь

ваши милые прежние привычки, ваша прежняя жизнь?» Здесь - мысль о том, что смерть Пушкина привела к катастрофическим и необратимым изменениям в русской жизни, в самом ее составе и качестве. Тютчевских признаний такого рода до нас не дошло, но о том, что подобные настроения не были ему чужды, говорит следующее: в 40-е годы поэт практически перестает писать. Чем же вызвана столь длительная (с 1840 по 1848 год) пауза? Обычно ее объясняют возвращением Тютчева на родину и необходимостью адаптации к новым условиям, между тем Тютчев возвращается в Россию лишь в 1844 году, а почти полностью замолкает четырьмя годами ранее. Следовательно, традиционное объяснение не исчерпывает проблемы.

Немного статистики. Середина 30-х годов - пора необычайной для Тютчева творческой продуктивности; с 1834 по 1836 год он создает около 30 лирических произведений; в последующие же четыре года - лишь одиннадцать. Причем активность неуклонно снижается:

1837 г. - 5 стихотворений;

1838 г. - 3 (одно - на французском);

1839 г. - 2;

1840 г. - 1.

Внутри этой группы отчетливо выделяется цикл произведений, вызванный окончательным, как предполагал поэт, разрывом с Эрнестиной Дернберг и созданный в декабре 1837 года: «1-ое декабря 1837», «Итальянская villa», «С какою негою, с какой тоской влюбленной...». Данный цикл открыто автобиографичен, что в целом не характерно для тютчевской лирики 20-30-х годов. Из произведений же 37-40 годов, не упомянутых выше, половина, с нашей точки зрения, соотнесена с именем и творчеством Пушкина: не только «29-е января 1837», но и «Весна» (1838), диалогически связанная с лирическим вступлением к седьмой главе «Евгения Онегина», а также два произведения, посвященных теме поэта: «Не верь, не верь поэту, дева...» (1839) и «Живым сочувствием привета...» (1840). Неоднократное обращение Тютчева к пушкинскому наследию в

конце 30-х годов, по-видимому, было обусловлено важными причинами: первая из них - потребность в перестройке собственных эстетических принципов, вторая (следствие первой) - сознательное сближение с пушкинской поэтикой и поиск в ней ресурсов для обновления поэтики собственной. «О дуэли и смерти Пушкина Тютчев мог слышать и от Вяземского, и от Гагарина...»- указывает К.В. Пигарев в монографии о поэте. И - ниже: «Думается, что именно в Петербурге, под живым впечатлением взволновавших его пересудов о том, кто прав - Пушкин или, его убийца, и было написано стихотворение «29-е января 1837». Действительно, круг общения Тютчева летом 1837 года не был слишком обширен, не случайно в июньском письме Вяземскому с просьбой прислать посмертные книжки «Современника» есть указание на недостаток «местных знакомств». Но, конечно, осведомленность Тютчева о подробностях дуэли была велика. О характере же сведений, которые поэт мог почерпнуть хотя бы от того же Вяземского, можно судить по некоторым фрагментам из записных книжек последнего - человека бесспорно информированного: «...были и такие, которые прибегали к обстоятельствам, облегчающим вину виновника этой смерти, и если не совершенно оправдывали его (или, правильнее, их), то были за них ходатаями». Примечательна переключка этого суждения с тютчевскими размышлениями о Дантесе в первой строфе «29-е января 1837»: «Будь прав или виновен он Пред нашей правдою земною...» Но со слов Вяземского, дом которого был одним из центров столичной литературной жизни, Тютчев, безусловно, знал о восприятии трагедии и другими лицами: Боратынским, чье февральское письмо Вяземскому уже цитировалось, Карамзиными, с отдельными фрагментами писем которых тютчевский отклик совпадает почти текстуально. Вот лишь один из примеров: Е.А. Карамзина в начале марта 1837 года пишет А.Н. Карамзину в Рим: «Пусть их рассудит Бог, но эта катастрофа ужасна и до сих пор темна. «У Тютчева: Вражду твою пусть Тот рассудит, Кто слышит пролитую кровь...».

Наконец, Вяземский мог информировать Тютчева о позиции Жуковского. Впрочем, знакомство с точкой зрения последнего не требовало чьего-либо посредничества. В пятой книжке «Современника», названной Тютчевым «поистине замогильной», было опубликовано, с известными корректировками, письмо Жуковского С.Л. Пушкину. Оно, несомненно, повлияло на стихотворение «29-е января 1837», не случайно в исследованиях недавнего времени было высказано мнение, что тютчевские стихи - прямой ответ на данное письмо (Л. Осповат). Тютчевский отклик как бы вырастает из пестрой разноголосицы суждений, бытовавших в столичном обществе, в том числе - в окружении Вяземского. Между тем очевидность самого этого факта перекрыла потребность в поисках того собственно поэтического текста, с которым тютчевская пьеса может быть соотнесена не просто типологически, но и конкретно - исторически. Этот текст - стихотворение Лермонтова «Смерть поэта».

2

Сопоставление Тютчева и Лермонтова встречается во многих значительных исследованиях, посвященных русской поэзии середины XIX века. Рассмотрены самые разные стороны проблемы - от тематического ядра до особенностей романтического стиля. Но традиционное сравнение поэтов типологично. Например, в книге В.Н. Касаткиной «Поэзия Ф.И. Тютчева»: «Оба поэта... в основном раскрыли противоречия в нравственных движениях личности, в ее нравственном ядре». В вышедшей в 1981 году «Лермонтовской энциклопедии» заявлено, что «прямое воздействие Тютчева на Лермонтова, как и Лермонтова на Тютчева, не обнаруживается; сопоставление поэтов носит общий типологический характер». Между тем данная позиция нуждается в уточнении: признаки влияния, по крайней мере, Лермонтова на Тютчева имеются.

Закономерность соседства этих имен была осознана еще в прошлом веке. Уровень общественно значимых публикаций статья Некрасова «Русские второстепенные поэты» (1850), первое развернутое высказывание о тютчевской лирике в истории русской критической мысли. Некрасов рассматривает поэзию Тютчева не изолированно. Он вводит «стихи, присланные из Германии» в систему национальной поэтической традиции, соотносит их со стихами Пушкина и Вяземского, Лермонтова и Фета. Для нас важно: имя Лермонтова - первое из пришедших к автору статьи, и упомянуто оно им трижды. Однако был, несомненно, и уровень частных бесед и переписки, о чем свидетельствует, например, письмо Огарева Анненкову: «Вы говорите, что стихи Тютчева выше всей лермонтовской поэзии. Нет, Анненков! Нет того... склада, никому иному не принадлежащего, который есть у Лермонтова и составляет особенность, производящую сильное впечатление. А по мысли много выше». Сопоставление напрашивалось, но прежде чем перейти к его анализу, целесообразно сделать краткое отступление - о природе тютчевских реминисценций.

Категория реминисценции - одна из важнейших для осознания специфики тютчевской лирики. «...Стихи Тютчева связаны с рядом литературных ассоциаций, и в большой мере его поэзия - это поэзия о поэзии» - такова позиция Ю.Н. Тынянова, сформулированная в классической работе «Пушкин и Тютчев». Тыняновская мысль получит развитие и в «Письмах о Тютчеве» Б.М. Козырева, который скажет о «методе лирического цитирования»: «Это цитирование... пронизывает всю его поэзию, имея множество степеней и оттенков, от использования отдельного образа или идеи до создания целых стихотворений, являющихся либо развитием чужих произведений, либо - что особенно характерно для Тютчева - полемикой с ними».

Категория реминисценции, что не всегда осознается, исторически изменчива. Далекое не сразу цитация начинает выступать, как тонкий способ разграничивать своё и чужое,

способ регулировать отношения между ними. Да и сама реакция на скрытые цитаты - свойство лишь эстетически развитого восприятия. В 1815 году К.Н. Батюшков пишет статью «Петрарка» и в специальном примечании к ней считает должным сообщить: «Я сделал открытие в италийской словесности, к которому меня не руководствовали иностранные писатели, по крайней мере, те, кои мне более известны. Я нашел многие места и целые стихи Петрарки в «Освобожденном Иерусалиме». Здесь - все поучительно: и восприятие - обнаруженных цитат в качестве «открытия», и сочувственное отношение к факту «похищений» как свидетельству авторского уважения к предшественнику.

Много позднее (не ранее 1830 года) уже на полях «Опытов в стихах и прозе» самого Батюшкова появятся пометы, сделанные рукою Пушкина. Некоторые из них - лаконичные указания на «похищенные» старшим поэтом строки (из Ломоносова, из Муравьева) и подражания. Например, по поводу стихотворения Батюшкова «Вакханка»: «Подражание Парни, но лучше подлинника, живее». Еще позднее, рецензируя в «Современнике» «Фракийские элегии» Теплякова и отметив реминисценции из Байрона, Пушкин даст более обстоятельный комментарий теоретического характера: «Талант не волен, и его подражание не есть постыдное похищение - признак умственной скудости, но благородная надежда на собственные силы... «На первый взгляд близость Пушкина к Батюшкову разительна (вплоть до совпадений в лексике), однако при внимательном рассмотрении обнаруживаются хотя и малозаметные, но существенные отличия. По мнению Батюшкова, цитирование Тассом Петрарки лишь знак «уважения и любви», дань признательности, атрибут скорее формальный, чем активно-творческий. Пушкин же не приемлет самого термина «похищение», связывая его с «умственной скудостью» и, называя постыдным, но выявляет в реминисценции ее творческий потенциал («...благородная надежда на собственные силы»). Это различие - одно из проявлений той смены жанровых

установок, которая развертывается в русской поэзии первой половины XIX века.

Реминисценция в условиях существования устойчивой жанровой системы совсем не то же самое, что реминисценция в ситуации жанровой нестабильности. Давно отмечено наличие своего рода жанрового кодекса, закрепляющего за каждым из развитых в национальной традиции жанров совокупность некоторых постоянных характеристик. Важнейшие из них - стандарт тем, родственная эмоциональная атмосфера и лексико-грамматические средства. Однако не менее важен для стабильности жанра и устойчивый набор лирических сюжетов, вернее - лирических ситуаций. Приведем суждение по этому поводу В.А. Грехнева: «Лирика не просто концентрирует события, она довольствуется малой клеткою его. Она замыкает сюжет пределами ситуации. Ситуация (в редких случаях ситуативная цепь) является той максимальной мерой событийности, которая доступна лирическому сюжету. «При нарушении хотя бы одного из упомянутых условий неизбежна разбалансировка всей системы жанра и в конечном счете его крушение. Бесспорно, что внутри жанрового канона неприменимы колебания, тот же Батюшков в одном из писем Жуковскому говорит о своем стремлении расширить возможности элегии. Но нельзя безболезненно и безнаказанно для жанра переступить через некую грань, выходить за пределы круга испытанных лирических ситуаций, чрезмерно индивидуализировать их. Такая индивидуализация, например, в одическом творчестве Державина повлекла за собой разрушение державинской оды в целом, что и вызвало известное замечание Пушкина. По-видимому, этот процесс осознавался и самим «певцом Фелицы», не случайно же он предложил столь развернутый комментарий к собственным творениям: потребность в таком комментарии - неперемненное следствие выхода автора за пределы жанрового кодекса. Отсюда - и читательская глухота, непонимание самих основ новой, нетривиальной поэтики.

Господство жанрового мышления не только допускает, но и провоцирует и даже поощряет «похищения». Они суть порождения того, что автор добровольно подчиняет себя кодексу жанра. Между прочим, с этим обстоятельством связана состязательность, весьма распространенная в поэзии начала XIX века. Примеры общеизвестны: «Выздоровление» Батюшкова и «Выздоровление» Пушкина, «Цветок» Жуковского и одноименное стихотворение того же Пушкина; замечание Батюшкова в письме Жуковскому, что пишет стихотворение «Первый снег», но заранее уступает пальму первенства Вяземскому, и т.д. В таком историко-литературном контексте насыщенность лирического произведения реминисценциями, во-первых, была предопределена, а во-вторых, любая цитата воспринималась через посредничество жанра, а уже потом - в качестве отсылки к самоценной авторской позиции.

Иными оказываются сущность и задачи реминисценции в пору дряхления старой жанровой системы, когда «иммунная» защита жанра не в силах противостоять вторжению инородных лексико-грамматических элементов, изменению перечня тем, а главное - расширению диапазона лирических ситуаций. В конечном счете, все это и приводит к расшатыванию устоев жанра и игнорированию прежнего, изжившего себя, жанрового кодекса. В таких обстоятельствах цитата соотносится уже не с жанром - одой или элегией, посланием или балладой, а с конкретной лирической ситуацией и теми историко-биографическими реалиями, которые ее инициируют. Сказанное характеризует многочисленные реминисценции и автореминисценции в пушкинском творчестве, где они - особенно в последнее десятилетие жизни поэта - становятся объективно значимым моментом, позволяющим устанавливать и регулировать отношения автора и читателя. Именно у Пушкина цитата, скрытая и явная, превращается в необыкновенно тонкий и чуткий инструмент формирования необходимых читательских ассоциаций. Именно пушкинская культура заимствования

повлияла на характер цитирования и в позднейшей русской лирике.

Что же связывает тютчевский отклик на смерть Пушкина с откликом Лермонтова? Прежде всего наличие многочисленных совпадений в лексике: у Лермонтова – «с свинцом в груди», у Тютчева – «свинец смертельный»; у Лермонтова - двойное упоминание о руке убийцы, у Тютчева - в начальном же стихе – «из чьей руки...»; в «Смерти поэта» - указание на недостаточность и неправомочность людского суда («Пред вами суд и правда - все молчи...»), в «29 января 1837» - фактически то же: «Будь прав или виновен он Пред нашей правдою земною...». В более раннем тексте - замечание о Божьем суде, но и в более позднем – «Вражду твою пусть Тот рассудит...». Лермонтовские обороты «невольник чести» и «жажда мести» как бы «стягиваются» у Тютчева в сочетание «жажда чести». В обоих произведениях крайне важен мотив «крови»: у Лермонтова - она «праведная», у Тютчева – «благородная». Этот мотив сопровождается и сходством в рифмовке: в «Смерти поэта» - злословью - кровью, в «29 января 1837» - суесловью - кровью, но свою рифму, как будто стремясь максимально сблизить ее с лермонтовской, Тютчев подкрепляет и углубляет наречием «назло»:

На з л о людскому суе с л о в ь ю
Велик и свят был жребий твой...

Между тем лексическими совпадениями близость между текстами отнюдь не ограничивается, она проявляется и на иных, более существенных уровнях. Один из них - композиция. Оба стихотворения трехчастны, в зачинах обоих - развитие достаточно специфического мотива смертельного свинца. Этот мотив не встречается более ни в одном из произведений, посвященных современниками гибели Пушкина. Так, в стихотворении Полежаева «Венок на гроб Пушкина» мы сталкиваемся с расхожим поэтизмом той поры:

И поэтические вежды

Сомкнула грозная стрела,
Тогда как светлые надежды
Вились вокруг его чела.

То же и у Ф. Глинки, в его «Воспоминаниях о пиитической жизни Пушкина»: «Но яд уж пьет одна стрела. Расставшись с гибельным колчаном...». Общий мотив присутствует не только в зачине, но и в финале произведений Тютчева и Лермонтова: это мотив высшего. Божьего суда.

Неоднократно отмечено, что лермонтовское стихотворение пронизано не только мотивами, но и прямыми заимствованиями, связанными с пушкинской лирикой. В качестве источников называются «Андрей Шень», «Кавказский пленник», «онегинские» строфы о гибели Ленского. В тютчевской пьесе также имеются реминисценции из творчества Пушкина. Это, впрочем, совершенно естественно и характерно для подавляющего большинства стихотворных откликов на трагедию 1837 года. Но важно иное: Тютчев обращается к тем же пушкинским текстам, к которым обратился и автор «Смерти поэта», как бы идет по следам лермонтовского восприятия Пушкина. Действительно, уже сам тютчевский зачин – «Из чьей руки свинец смертельный...» - может быть соотнесен именно с той строфой из «Кавказского пленника», с которой связано и начало лермонтовского произведения:

Невольник чести беспощадной
Вблизи видал он свой конец,
На поединках твердый, хладный,
Встречая гибельный свинец.

В средней части «Смерти поэта» Лермонтов демонстративно сопоставляет судьбы Пушкина и Ленского - автора и его героя. Подобное же, хотя и менее явное,

сопоставление проведено и в центральной строфе тютчевского текста. У Пушкина: «Его уж нет. Младой певец Нашел безвременный конец» (торжество элегического стандарта); у Тютчева: «Но ты, в безвременную тьму Вдруг поглощенная со света...» и т.д. Сама антиномия *с в е т – т ь м а*, несмотря на традиционность, все-таки едва уловимо напоминает о концовке XXXII строфы шестой главы пушкинского романа:

Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь, -
(см. тютчевское: «Но с кровью в жилах...
знойной кровью...»)
Теперь, как в доме опустелом,
Все в нем и тихо и темно...

Параллель между дуэлью реальной и дуэлью романной напрашивалась и была, при всей своей поверхностности, весьма популярна в литературных кругах. Она присутствует не только у Лермонтова, Тютчева, других поэтов той поры, но и в переписке, дневниковых записях, устных выступлениях. Например, А.С. Хомяков писал Н.М. Языкову в феврале 1837 года: «Жалкая репетиция Онегина и Ленского, жалкий и слишком ранний конец». В дневнике М.П. Погодина - следующая запись от второго марта того же года: «Удачно сказал я о Пушкине, что он хотел казаться Онегиным, а был Ленским. Какая драма его жизнь!».

Однако и у Лермонтова, и у Тютчева есть и менее очевидные, хотя и не менее важные, апелляции к пушкинскому наследию к сонету 1830 года «Поэту» («Поэт! не дорожи любовью народной...»).

В пушкинском сонете фактически зафиксирован свод правил, который призван ясно регламентировать поведение поэта в обществе: не дорожи... останься тверд... живи один... и

т.д. В «Смерти поэта», по сути дела, дано истолкование этих правил, спроецированное на судьбу самого Пушкина. Как следствие - ряд переключек. Пушкинское «восторженных похвал пройдет минутный шум» отзывается в «Смерти поэта» стихом «Пустых похвал ненужный хор»; «суд глупца» и «смех толпы холодной» трансформируется в «шёпот насмешливых невежд»; наконец, непосредственное цитирование: лермонтовское «один, как прежде...» отсылает к пушкинской формуле: «Ты царь: живи один...». Однако и в «29 января 1837» обнаруживаются переключки с пушкинским сонетом 1830 года, причем именно с тем его фрагментом (1-5 стихи), который привлек и внимание Лермонтова. Пушкин, обращаясь к Поэту, именует его «царем», Тютчев определяет убийцу поэта как «цареубийцу»:

Навек он вышею рукою
В *ц а р е у б и й ц ы* заклеямен.

Слово «цареубийца» у Тютчева выделено графически, курсивом, одна из традиционных функций которого - проявлять «чужое», указывать на осознанное заимствование и акцентировать на нем читательское восприятие. Таковы многочисленные курсивы, например, в упоминавшемся стихотворении Глинки, да и у Тютчева подобные ситуации не единичны. Наиболее выразительный пример для темы «Тютчев и Пушкин» - курсив в стихотворении «Черное море» (1868):

И вот *с в о б о д н а я* стихия,-
Сказал бы наш поэт родной,-
Шумишь ты, как во дни былые,
И к а т и ш ь волны голубые,
И б л е щ е ш ь гордою красой!..

В сонете 1830 года Пушкин выдвигает требование полной внутренней независимости художника от каких бы то ни было внешних влияний, даже - от народной любви. И шестью годами

позднее, в стихотворении «Из Пиндемонти», Пушкин будет размышлять о том же, лишь переведет утверждение в автобиографическую плоскость - т ы в я: «Иная, лучшая, потребна мне свобода: Зависеть от царя, зависеть от народа - Не все ли нам равно?» В последних восьми стихах «29 января 1837» Тютчев оспаривает эту мысль, соотнося ее с судьбой самого Пушкина: «...И осененный опочил Хоругвью горести народной», а чуть ниже появится и слово «любовь»:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!

«Кавказский пленник», «Евгений Онегин», «Поэту» - вот круг пушкинских произведений, с которыми в большей или меньшей мере связаны как стихотворение Лермонтова, так и тютчевский отклик. Такое пересечение едва ли может возникнуть непреднамеренно, оно скорее результат сознательной ориентации Тютчева на произведение младшего современника.

В литературе о Лермонтове уже был оценен факт органического сочетания в «Смерти поэта» разнородных жанровых тенденций. Разброс велик - от «надгробной элегии» до «политической оды» (Эйхенбаум) и даже «политической сатиры» (Боричевский). Действительно, в самом стиле лермонтовского произведения - соединение ораторского, декламационно-проповеднического стиха со стихом мелодическим. Тот же сложный синтез - и в тютчевском тексте. В его начале - господство одически напряженного, громкого слова, обилие риторических вопросов, избыток высокой архаизированной лексики («божественный фиал», «земная правда», «высшая рука»). В центральной части, и это подчеркнуто противительным союзом НО, доминирует уже принципиально иная интонация, которую можно определить как демонстративно элегическую:

Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..

Традиция надгробной элегии, характерная для творчества Жуковского и части пушкинских элегий, представлена здесь в максимуме. Собственно, едва ли не вся строфа состоит из присущих этому жанру словесных клише. В третьей же части тютчевского стихотворения осуществлено единство начала декламационного с началом элегическим. Пример первого – «И сею кровью благородной Ты жажду чести утолил...» и т.д. Пример второго – «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет !».

3

Стихотворение Тютчева «29 января 1837» в историко-литературном отношении напрямую связывается со стихотворением Лермонтова «Смерть поэта». Связь прослеживается и в общности мотивов, и в однотипности композиции, в обращенности к одному и тому же кругу пушкинских текстов, и в синтетической природе жанра, наконец, в лексике. Несмотря на то, что документальные свидетельства о знакомстве Тютчева с лермонтовским текстом летом 1837 года отсутствуют, предположить обратное (т.е. факт незнакомства) невозможно. Широко известны многочисленные свидетельства современников о необыкновенно быстром распространении в России списков лермонтовского стихотворения. «Посылаю вам прекрасные стихи на кончину Пушкина», - писал А.Н. Тургенев А.И. Нефедьевой (письмо от 9 февраля 1837) . Десятым февраля датируется письмо С.Н. Карамзиной брату: «Вот стихи, которые сочинил на его смерть некий господин Лермонтов, гусарский офицер. Я нахожу их такими прекрасными, в них так много

правды и чувства, что тебе надо знать их». Как утверждал И.И. Панаев, «стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми». Несомненно, что Тютчев, на протяжении трех месяцев (лето 1837) находившийся на родине, знал гениальное лермонтовское произведение.

«Смерть поэта» резко отличалась от всех иных - стихотворных и прозаических - откликов на случившееся, с которыми Тютчев мог столкнуться. Уже в силу этого обстоятельства лермонтовский текст вызывал особый интерес. Лермонтовым было предложено стройное, внутренне непротиворечивое истолкование как личности и творчества Пушкина в целом, так и январской трагедии. Вот его опорные моменты: Пушкин - эталон поэтического гения, тираноборец, певец Свободы, человек, бросивший вызов условностям общественного бытия и сознания; истинная причина его трагической гибели - в имманентной противопоставленности Поэта и Толпы, в конкретном случае «толпы, стоящей у Трона». Для Тютчева такое понимание смысла судьбы и творчества Пушкина неприемлемо. Еще в 1820 году он откликнулся на пушкинскую оду «Вольность» сугубо полемически, оспаривая сам пафос гражданского вольнолюбия:

Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

Проявив «лермонтовский» план в «29 января 1837», пойдем и те причины, по которым Тютчев не публикует свое стихотворение. Не только цензурные ограничения мешали ему это сделать, но и неэтичность публичной полемики с опальным автором «Смерти поэта», а после 1841 года - полная невозможность спорить с ушедшим из жизни. Тютчев

действительно оказался участником «великого спора», но, может быть, не столько с Пушкиным, сколько о Пушкине. Оставшийся «за кадром» в истории русской литературы, этот спор предвосхитил развернувшуюся через десятилетия идеологическую борьбу, в ходе которой обращения к пушкинскому наследию получают статус аргумента.

ЛИЧНОСТЬ ТЮТЧЕВА

В.Ф. ПОГОРЕЛЬЦЕВ

С точки зрения марксизма («совокупность общественных отношений»), ни то ни се: ни князь, ни граф, ни барон, ни герцог, ни маркиз, а просто великий лирик, культурный дворянин. Причем его жизненные связи с господствовавшим классом еще не свободны, но уже ослаблены. В барской среде был бы «лишним человеком», но он здесь не чужак, а скорее чудак. Он не помещик, а дипломат, не администратор, а придворный, но не усердный, как бы не от мира сего: мечтатель, одиночка, фантазер. Внештатный идеолог, которого чаще всего всерьез не принимают.

В плане же интеллектуально-психологическом, прежде всего, обращаешь внимание на раздвоенность Ф.И. Тютчева. Западник, презирующий Европу; патриот, для которого «Край иной - родимый край»; славянофил, которого внешняя политика захватывает более, чем внутренняя; апологет православия и богохульник; миротворец и разрушитель мифов; певец хаоса, тоскующий о глобальной гармонии. Все в нем противоречиво: отношение к революции, монархии, культуре. «На пороге как бы двойного бытия» - в поэзии, быту, любви. Его «палила страсть к недостижимой чистоте и святости» (Д. Дарский), а порок, как камень, тащил ко дну.

Казалось бы, сообщаемое мной - аксиома, едва ли не самое банальное место в тютчеведении. Но вот Вадим Кожин пишет о «страстной монолитности» этого поэта-сфинкса, и мне хочется верить, что он не был бесхребетным. Только в чем его нравственный центр: в любви ли, «широкой как море», в неуемной пытливости, в страстном ли стремлении постичь тайну стихий, пугающих своей погибельностью и увлекающих яростным жизнетворчеством?...

Лев Толстой заметил: «И все у него строго...»; в его поэтическом мире «Лазурь небесная смеется», а сам он? смеялся

ли? - нигде об этом не прочитал. Легкая, игривая ирония выражалась у него, помимо афоризмов», в улыбке, но по преимуществу он мрачен, как античные трагики Эсхил и Софокл. Смотрит мудрецом, но «на всякого мудреца, утверждает пословица, довольно простоты». Однажды на Невском проспекте нищенка стала клянчить у него милостыню. Так как монет не было, Тютчев дал ей крупную ассигнацию, попросив разменять и принести сдачу. Долго же пришлось ждать - и напрасно.

Он уже в отрочестве выглядел очень серьезным, развалился на диване с книгой в руках. А в зрелом возрасте мог и созорничать: послал однажды Вигелю, оппоненту Чаадаева, портрет одиозного тогда мыслителя с любезной надписью, хотя эти люди терпеть не могли друг друга.

Тютчев увлекает парадоксами (у него мрак истинен, свет лжив) и постоянными думами. А думать - это ведь авантюра, считал Роже-Мартен Дю Гар. Сядишься на корабль, не зная, причалит ли он когда-либо к пристани. Наш поэт-философ и не додумался ни до чего истинного и несомненного. Он весь - в вариантах.

Ум Тютчева «сверкал», а душа постоянно ныла - приступы скуки и меланхолии были хроническими. 7(19) февраля В.А. Жуковский сделал запись: «За обедом подле Тютчева, который опять Карамзин духом». Это точно: сентиментален был до крайности.

Если спуститься с «высоких материй» до быта, то можно отметить и другое: рассеян был до идиотизма - однажды едва не задушил своего сына, приняв его шею за рукоять трости. Хотя весь его вид словно говорил: «Мне делать нечего во внешнем», в некоторых работах преувеличена непрактичность Тютчева. Документы дают свидетельства иного свойства: интриговал иногда, умел считать деньги, пристраивать дочерей, хлопотал о повышении жалования и искал протекции для продвижения по службе.

Когда он писал «не плоть, а дух растлился в наши дни», то

разумел себя. Только больны у него были и тело и душа. Ревматизм в голове, ногах и трудно определяемая хвороба психиатрического свойства: то ли мания «исчезновения» (Д. Дарский), то ли ужас «дальновидения» (А. Лежнев).

Можно писать еще о том и о сем, но меня интересует больше такой вопрос: был ли Тютчев добрым или злым. Тема зла явно присутствует в его стихах, и хотелось бы знать ее истоки.

Если обратишься к свидетельствам знавших поэта по сочинениям или лично, ответы получаешь не только разные, но и противоположные. А. Апухтин написал: «В нем злобы не было». П. Флоренский сетовал: Тютчев людей не замечает, «попирает» человеческие понятия о добре. Для Эрнестины ее русский муж – «любимчик», но дочь Тютчева и Элеоноры Анна, посещая вторую семью отца, долго оставаться в доме не могла: такая здесь царила порой тягостная атмосфера. Для Елены Денисьевой Тютчев – «божинька», но она же называет его Людовиком XIV, который, например, у Белинского поставлен в один ряд с королем Филиппом II для обозначения крайней жестокости.

Составленный В.Г. Дехановым сборник «Современники о Ф.И. Тютчеве» (Тула, 1984.) устарел, ибо не утоляет голод по объективной информации. Тенденциозность составителя очевидна: надо выставить знаменитого земляка с обаятельной стороны - тому служат и отбор материалов, и многочисленные купюры, лишаящие достоверности даже воспоминания сына Федора Федоровича. Из снисходительности к поэту в книжечку не включен муж сестры Е. Денисьевой А.И. Георгиевский, видевший «божиньку» брюзжащим, капризным и как бы не замечающим материальной необеспеченности «институточки» и детей, рожденных ею от него.

Самую смелую попытку пощупать ребра гению предпринял А. Князев в статье «Бездны мрачной на краю» («Вопросы литературы», 1990, №4.). Тютчев сравнивается в этой работе с персонажами Ф.М. Достоевского - Иваном и Митей

Карамазовыми с их «срамом разврата» (С.95) и даже с Лужиным и Свидригайловым (С.93, 98.). Автор дерзкой статьи пишет о Тютчеве: «боль всегда (?) отзывается в нем жалостью к себе». Как аргумент приводится стихотворение «И чувства нет в твоих очах...», где «лирический герой хватается за сердце, предварительно оскорбив женщину словами, которые лучше бы оставить при себе» (С.98). Да ведь мы еще не знаем, кто, была эта женщина! И разве А. Князев слышал обидные для нее слова?! Ведь это мысли поэта не высказанные вслух. Неужели изрекают на любовном свидании: «И нет в творении творца...»? А вот С. Есенин в подобной ситуации мог и сказать - причем более хлестко и оскорбительно: «Изругали тебя, измызгали – Невтерпеж. Что ж ты смотришь так синими брызгами? Али в морду хошь?».

Проекция великой личности на ряд литературных героев интересна. Ее бы можно и продолжить. Почему бы ни сопоставить Тютчева с лермонтовским Печориным или Демоном? Второй из них «Летал над грешною землей...» А Тютчев, по наблюдению В.П. Мещерского, «был чем-то вроде витающего духа в своей семье...» («Современники о Ф.И. Тютчеве» С.28). Итак, летал, витал - это почти совпадение.

И все-таки риск при подобном ракурсе огромный. Важно не перегнуть палку, что делает, не наш взгляд, А. Князев. Почему он сравнивает Тютчева только с отрицательными персонажами, забывая о положительных, например, князя Мышкина из «Идиота»? И в этом направлении уподобление получилось бы убедительным. Так, в «Дневнике» А.И. Никитенко отмечается и «любезность сердца» и «деликатное внимание к личному достоинству каждого», присущие остроумному собеседнику Шеллинга и Гейне.

Да, Тютчев - удивительно сложная личность. И, может быть, это не та сложность, за которую чувствуется достигнутая упорядоченность, а какая-то другая, сбивающая с толку. Но, думая об этом, исследователи и читатели загадочного поэта не впали бы в крайности, не потеряли бы такта и вкуса.

ЧТО ЗАБЫВАЛ И ПОМНИЛ ТЮТЧЕВ

В. Ф. ПОГОРЕЛЬЦЕВ

*О память сердца, ты сильнее
Рассудка памяти печальной...
К. Батюшков*

О забывчивости и рассеянности Ф.И. Тютчева можно рассказывать множество историй, забавных, курьезных, трагикомических. На их материале можно писать отдельные новеллы: «Любовь прежде службы», «Нерадивый камергер», «Приключения шубы», «Обморок гения» и др. Если хотите, - и циклы: «Забвение своих творений», «Водевили с переодеванием», «Отцовские конфузы».

Как придворному человеку Тютчеву поручалось замыкать процессию, бережно поддерживая «хвост» великой княгини Елены Павловны. По пути его внимание отвлекли интересным разговором, а ради красного словца он не жалел ни матери ни отца. Поэтому остановился с драгоценной тканью в руках, прервав торжественное шествие. Смятение было ужасное. Лишь когда его толкнули в бок, он, как ни в чём ни бывало, продолжил семенить ногами.

Забыв время званого обеда, Тютчев явился в столовую, когда гости все приели. Пришлось уйти с пустым желудком. На другой день Эрнестина отлучилась, не приготовив ему поесть. Обиженный живот заныл, но ненадолго; на третий день аппетит исчез, и поэт вообще не думал о еде. На четвертый день Тютчев упал в обморок от истощения сил.

О пренебрежении Тютчева к одежде писали предостаточно. Например, М. Погодин: «...одетый небрежно, ни на одну пуговицу не застегнутый как надо...». Но если бы безразличие к туалету оканчивалось только этим. Однажды, утомившись от церковной службы, он сбежал из Исаакиевского собора в камзоле, не предназначенном для обычного ношения.

Народ удивлялся, принимая его за ряженого, кто-то шокирован, собираются зеваки... Еще большая потеха представилась для окружающих, когда Тютчев в ливрее лакея явился в царский двор. Великая княгиня, сразу смекнув, сделала пальцем знак, чтобы придворные трутни не прыскали со смеху, а поэт беззаботно скользил по паркету, многократно отраженный зеркалами, гулял среди газонов и сыпал остротами. Прийдя домой, услышал неприятную новость: в квартиру ночью проник вор да странный какой-то: шикарный сюртук хозяина оставил нетронутым, а потертую ливрею слуги утащил. «Ах, я знаю, кто вор, - улыбнулся Тютчев, - это я утром не различил платья».

Если на царском дворе экстравагантно костюмированный вызвал лишь улыбки, то в шуваловском парке, где знать собралась на музыкальный концерт, появление поэта вызвало сенсацию. Публика, отхлынув от эстрады, с изумлением смотрела на господина, завернутого в какую-то тряпку. Оказалось, что Тютчев вместо пледа, постоянного своего спутника, сдернул в прихожей ярко-пеструю занавеску, которой прикрывались от пыли пальто и плащи, и, закутавшись в нее, вышел погулять.

«Присваивая» чужую одежду, поэт легко мог расстаться и со своей. Так случилось у парадного подъезда шикарного дома, куда его пригласили на вечер. Еще не открыв дверь, он бросил, не глядя свою шубу какому-то оборванцу. Когда пришла пора уходить домой, обратился к швейцару, но тот в недоумении развел руками. Лишь благодаря расторопности полицейских шуба была спасена, а с нею и сам хозяин, ибо при морозе ниже десяти градусов, не облачившись в мех, он замерзал.

Иногда рассеянность Тютчева приводила к значительным утратам. По возвращении из Греции, в декабре 1833 г., поэт, бросая в камин ненужные бумаги, сжег большую часть своих произведений и в том числе перевод первого акта второй части «Фауста» - «может быть, лучшее из всего написанного», по его словам. Сначала опечалился, а потом утешил себя тем, что ведь и Александрийская библиотека тоже сгорела. Я не считаю, что

из-за этой оплошности мы лишились какой-то новой грани поэтического мира Тютчева. Он в высшей степени обладал склонностью к повторению излюбленных дум. Но то или иное образцовое соцветье в выражении устойчивых мотивов поэта до нас, к сожалению, не дошло.

Позже таких уронов у Тютчева не было, но все же невесело, когда вспоминаешь и приключение стихотворения «Как ни тяжел последний час...», напечатанного мошенническим образом и с опозданием на 34 года. Написав его на заседании Совета Главного управления по делам печати, Тютчев оставил сочиненное на столе. Присутствовавший неподалеку редактор «Правительственного вестника» граф П.И. Капнист заметил, как весьма рассеянный Тютчев «что-то рисовал или писал на листе бумаги». После ушедшего в раздумье поэта экспромт был взят «на память». Это случилось 4 октября 1867 г. А впервые стихи нашего гениального земляка были напечатаны в «Сочинениях графа П.И. Капниста» (Т.1, М., 1901.).

Забывчивость Тютчева больно отзывалась в сердцах близких ему людей, особенно детей. Он путал имена своих дочерей, а сыновья вообще надолго выпадали у него из памяти. Вот случай, когда он едва не стал убийцей. Вспоминает его сын Федор Федорович: «Однажды Федору Ивановичу нужно было о чем-то поговорить с моей старушкой няней. Сойдя к ней в сад, он взял ее под локоть и начал прохаживаться взад и вперед по аллее, причем я шел подле и Федор Иванович, по обыкновению, положив мне руку на плечо, в рассеянности пальцами сдавил шею. Задыхаясь, я, тем не менее, не осмеливался подать голоса и только стискивал зубы, чтобы не расплакаться. Мне было тогда лет восемь и, по всей вероятности, моего стоицизма хватило бы не надолго, и я, в конце концов, разрыдался бы, но, к счастью, няня заметила мое критическое положение. – «Э, черт, - проговорил Федор Иванович, отдернув руку. - Я думал, это моя палка» (Ф.Ф. Тютчев. Кто прав? - М., 1985, С. 495.).

Забывал Тютчев и «Места немилые, хоть и родные...», что

приводит в замешательство его биографов нашего столетия. Какие только не придумывают они объяснения, чтобы успокоить свое патриотическое чувство. А суть - в психологическом своеобразии памяти Тютчева, о чем он пишет жене 20 августа 1846 г.: «Не знаю еще, какое впечатление произведут - на меня родные места, которые я покинул 20 лет тому назад и о которых так мало сожалел... Боюсь, что буду чувствовать не столько грусть, сколько скуку. Ибо не одно из живущих во мне воспоминаний не восходит к тому времени, когда я был там в последний раз. Жизнь моя началась позднее, и все, что предшествовало этой жизни, мне так же чуждо, как все, что было накануне моего рождения». Та же мотивация в письме к дочери Анне от 14 сентября 1846 («...ибо жизнь для меня началась позже»).

Точкой отсчета «памяти сердца», в основе биения которого - бурное эмоционально-интеллектуальное горение, станет 1822 год в Германии. Отсюда выйдет «стихотворение, которое принадлежит к лучшим произведениям г. Ф. Т(ютче)ва, да и вообще всей русской поэзии» (Н. Некрасов). Приведу его в сокращении:

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит.

Ногой младенческой касаясь,
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом,
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Когда читаешь это стихотворение, трудно сообразить, чем больше восхищаешься: концепцией времени, ясностью образов или нежностью колорита, привлекательным положением или удивительной грацией? Кого-то очарует благостное состояние человеческого духа, кого-то «фея», которую лелеют все силы природы. Поэтов покорит стихотворная техника, звукопись, ассонансная мелодия ОЭ-О-ЭО-АЭ-ЭА, развитие лирического сюжета, «золотая» спайка строчек и строф.

Типологически стихотворение Тютчева соотносимо с поэмой Джона Мильтона «Потерянный рай» (1667). Вот отрывок из нее:

Под сению куста они лежали,
И розы на нагие тела их сыпались,
О, мирно спи священная чета,
О, не ищи иного счастья....

Генетически «Я помню время золотое...» восходит к некоторым эпизодам стихотворения К.Н. Батюшкова «Мои пенаты» (1814). Вот как описывает он свою возлюбленную:

И Лила почивает
На ложе из цветов,
И ветер тиховойный
С груди ее лилейной
Сдул дымчатый покров....

Стихотворение Тютчева выгодно отличается от названных сочинений не только изяществом вкуса, но и поэтической перспективой, масштабом эстетической панорамы. Перед нами

не только «сердцу милый край», но и элементы архитектурного пейзажа. Если в «Весенней грозе» улавливаются мотивы картины С. Боттичелли «Рождение Венеры», то эта пасторальная весна невольно ассоциируется с созданием Клода Лоррена «Асис и Галатя», хотя не исключено и влияние живописцев эпохи Возрождения. Вспомним хотя бы фон полотна Лукаса Крадамаха Старшего «Мадонна с младенцем» (1525): лес, водопад, средневековый замок...

Таким образом, «память сердца» в стихотворении Ф. Тютчева «Я помню время золотое...» помножена на культурную память.

**ТЮТЧЕВСКИЙ КАЛЕНДАРЬ
КРУГЛЫХ ДАТ 2001 ГОДА
(ТЮТЧЕВ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ)**

В.Г. ДЕХАНОВ

*К 200-летию
со дня рождения
Ф.И. Тютчева
(1803-2003 гг.)*

Посвящаю памяти
В.В. Кожина

ЯНВАРЬ

- 4 января**¹ **145 лет** со дня написания (1856) Ф.И. Тютчевым стихотворения «Тому, кто с верой и любовью...». Вклеенное в экземпляр стихотворений поэта, изданных в 1854 году, послано Тютчевым писателю и государственному деятелю А.С. Норову (1795-1869), занимавшему с 1854 по 1858 гг. пост министра народного просвещения.
- 7(19) января** **175 лет** со дня выхода (1826) из печати альманаха «Урания», в котором были напечатаны стихотворения Ф.И. Тютчева.
- 10 января** **175 лет** со дня ареста (1826) И.Д. Якушкина и М.Н. Муравьева в московском доме родителей поэта по делу о декабристах.
- 12 января** **135 лет** со дня (1866) свадьбы дочери поэта А.Ф.

---

¹ Одиночные даты представлены по старому стилю. Чтобы перевести их на новый стиль следует для XX века прибавить цифру «13», для XIX века прибавить цифру «12», для XVIII-го – «11», для XVII века (и ранее) – «10». Сдвоенные даты указывают старый и в скобках новый стиль.

- Тютчевой и И.С. Аксакова.
- 19 января** **190 лет** со дня рождения брата поэта Василия (1811-1812).
- 24 января** **2001 года** **Умер** на 71-м году жизни писатель, историк, литературовед В.В. Кожин, исследователь жизни и творчества Ф.И. Тютчева.
- 27 января** **115 лет** со дня смерти публициста и общественного деятеля И.С. Аксакова (1823-1886), зятя Ф.И. Тютчева.

ФЕВРАЛЬ

- 9 февраля** **85 лет** со дня смерти военного писателя Ф.Ф. Тютчева (1860-1916), сына поэта Ф.И. Тютчева и Е.А. Денисьевой.
- 15 февраля** **155 лет** со дня назначения (1846) Ф.И. Тютчева чиновником особых поручений при государственном канцлере К.В. Нессельроде.
- Февраль, конец месяца** **140 лет** со времени написания (1861) Ф.И. Тютчевым стихотворения «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского».

МАРТ

- 1(13) марта** **120 лет** со дня убийства народовольцами императора Александра II (1818-1881), которому Ф.И. Тютчев посвятил три стихотворения.
- 5(17) марта** **175 лет** со дня бракосочетания Ф.И. Тютчева и Элеоноры Петерсон (урожд. Графини Ботмер) по лютеранскому обряду. (Дата оспаривается в литературе).

- 5(17) марта** **175 лет** со дня завещания (1826) Н.А. Хлоповым – «дядькой» поэта – иконы своему воспитаннику с надписью: «В память моей искренней любви и усердия к моему другу Федору Ивановичу Тютчеву. Сей образ по смерти моей принадлежит ему. Подписано 1826 марта 5-го Николай Хлопов».
- 6-7 марта** **140 лет** со времени (1861) опубликования на французском языке манифеста об освобождении крестьян России от крепостного права, перевод которого осуществил Ф.И. Тютчев.
- 9 марта** **165 лет** со дня написания (1836) художницей Ипполитой Рейхберг портрета Ф.И. Тютчева.
- 14(26) марта** **145 лет** назад (1856) Эрн. Ф. Тютчева, жена Тютчева, сообщила в письме к своему брату К. Пфэффелю, что она «покупает имение в Брянском уезде, которое даст ей 500 душ крестьян и от 20 до 24 тысяч франков годового дохода».
- 14 марта** **120 лет** со дня опубликования (1881) в газете «Русь» стихотворения поэта А.Н. Майкова «Ф.И. Тютчеву».
- 19(31) марта** **125 лет** со дня смерти общественного деятеля, публициста Ю.Ф. Самарина (1819-1876, Берлин), одного из идеологов славянофильства, с которым Ф.И. Тютчев состоял в переписке.
- 27 марта** **185 лет** со дня поступления (1816) Ф.И. Тютчева в Московское учебное заведение для колонновожатых.
- 27 марта** **140 лет** со дня написания (1861) Ф.И. Тютчевым стихотворения «Я знал ее еще тогда...». О посвящении сведений не найдено.
- 29 марта (10 апреля) март** **175 лет** назад (1826) Ф.И. Тютчев был произведен в чин коллежского секретаря.
- 145 лет** со времени (1856) создания фотографом-

художником С.Л. Левицким фотопортрета Ф.И. Тютчева.

АПРЕЛЬ

- 4 апреля** **135 лет** со дня неудавшегося покушения (1866) Д.В. Каракозова на Александра II. Председателем следственной комиссии по этому делу назначался родственник поэта М.Н. Муравьев.
- 12 апреля** **150 лет** со времени (1851) написания поэтом стихотворения «О как люблю я возвращаться...», написанного Ф.И. Тютчевым на французском языке. Перевод его сделал А.А. Фет.
- 15(27) апреля** **145 лет** со дня увольнения (1856) в отставку государственного канцлера России К.В. Нессельроде. Известно стихотворение поэта, ему посвященное.
- 16 (по нов. стилю)** **70 лет** со дня смерти внука поэта Ф.И. Тютчева (1873-1931), которого также звали Федором Ивановичем. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.
- 20 апреля** **140 лет** со дня написания (1861) пасынком поэта О.А. Петерсоном акварели «Овстуг. Дорога на мельницу».
- 23 апреля** **155 лет** со дня смерти И.Н. Тютчева (1776 или 1768 (?) - 1846), отца поэта.
- Апрель, 2-я половина** **165 лет** со времени (1836) совершения Эл. Ф. Тютчевой, первой жены поэта, попытки самоубийства.
- Апрель, не позднее** **165 лет** со времени создания (1836) Ф.И. Тютчевым стихотворений: «Я помню время золотое...», «Сижу задумчив и один...», «Зима недаром злится...», «Фонтан», «Не то, что мните

вы, природа...», «Еще земли печален вид...».

МАЙ

- 2 апреля** **165 лет** интересной мысли (1836), высказанной уже 33-летним Ф.И. Тютчевым в письме к другу И.С. Гагарину: «Всякий человек в определенном возрасте бывает лирическим поэтом. И нужно только развязать ему язык. Вы просили меня прислать вам мой бумажный хлам (так поэт называл свои стихотворения. – В.Д.). Ловлю вас на слове. Пользуюсь этим случаем, чтобы от него избавиться. Делайте с ним, что вам заблагорассудится. Я питаю отвращение к старой, исписанной бумаге, особливо исписанной мной. От «нее до тошноты пахнет затхлостью...»
- 12 мая** **105 лет** со дня встречи внучки поэта О.Д. Тютчевой и лейтенанта флота К.И. Дефабр, ставшего впоследствии ее мужем. Последний об этом записал в дневнике: «Первое впечатление было такое радостно-сумасшедшее, что положительно ничего не помнил, что говорил...».
- 14 мая** **135 лет** со дня смерти матери поэта Е.Л. Тютчевой (урожд. Толстой; 1776-1866).
- 16(28) мая** **175 лет** со дня смерти «дядьки» – воспитателя поэта Н.А. Хлопова (1770-1826).
- 20 мая** **150 лет** со дня рождения Елены (1851-1865), дочери Ф.И. Тютчева и Е.А. Денисьевой.
- 23 мая**
(4 июня) **180 лет** со дня рождения поэта А.Н. Майкова (1821-1897), сослуживца Ф.И. Тютчева по Комитету цензуры иностранной, посвятил последнему стихотворение «Ф.И. Тютчеву» (1873), редактировал собрание стихотворений Тютчева в издании 1886 года. Майков – Златковскому: «...Знакомство с Ф.И. Тютчевым

окончательно поставило меня на ноги, дало высокие точки зрения на жизнь и мир, Россию и ее судьбы в прошлом, настоящем и будущем...» (1887).

30 июня **155 лет** со дня рождения И.Ф. Тютчева (1846-1909), сына поэта.

ИЮНЬ

4 июня **40 лет** со дня начала проведения (1861) на родине (по нов. стилю) Ф.И. Тютчева в селе Овстуге первого в стране Дня поэзии, приуроченного к открытию также первого в СССР памятника поэту (скульптор Г. Коваленко).

5 июня **195 лет** со дня рождения Д.И. Тютчевой (1806-1879), сестры поэта.

9 июня **200 лет** со дня рождения в Овстуге любимого брата поэта Н.И. Тютчева (1801-1870). «...Николай Иванович Тютчев любил брата не только братскою, но и с отцовской нежностью и ни с кем не был Федор Иванович так кроток, так близко связан всею своею близкою судьбою с самого детства» (И.С. Аксаков). Поэт посвятил ему стихотворение «Брат, столько лет сопутствовавший мне...» (1870).

10 июня **150 лет** со дня написания (1851) поэтом стихотворения «Наш век».

14(26) июня **145 лет** со дня смерти философа и публициста П.Я. Чаадаева (1794-1856), с которым Ф.И. Тютчева связывала тесная дружба. Поэт писал о Чаадаеве: «Человек, с которым я согласен менее, чем с кем бы то ни было, и которого, однако, люблю больше всех».

14 июня **20 лет** со дня закладки (1981) первого камня в основание вновь возрождающегося к жизни дома Ф.И. Тютчева в Овстуге (проект архитектора В.Н.

- Городкова). В этот же день проходил 22-й Тютчевский праздник поэзии.
- 28 июня** **165 лет** со времени (1836) исполнения Ф.И. Тютчевым в Мюнхене обязанностей российского посланника (до 22 августа).
- 30 июня** **160 лет** со дня увольнения (1841) Ф.И. Тютчева из министерства иностранных дел и лишения его звания камергера за длительное «неприбытие из отпуска».

ИЮЛЬ

- 12 июля** **140 лет** со дня написания (1861) Ф.И. Тютчевым стихотворения «Князю П.А. Вяземскому».
- 14(26) июля** **160 лет** со дня рождения Д.Ф. Тютчева (1841-1870), сына поэта.
- 14 июля** **150 лет** со дня создания (1851) Ф.И. Тютчевым стихотворений «Волна и дума», «Не остывшая от зною...».
- 25 июля** **140 лет** со дня написания (1861) стихотворения «Играй, покуда над тобою...».
- Июль** **115 лет** со времени рождения Надежды Федоровны Тютчевой (1866-1950 гг.), дочери Ф.Ф. Тютчева – сына поэта и Е.А. Денисьевой.

АВГУСТ

- 6 августа** **150 лет** со дня сочинения (1851) поэтом стихотворения «В разлуке есть высокое значенье...».
- 7 августа** **80 лет** со дня смерти поэта А.А. Блока (1880-1921), считавшего Ф.И. Тютчева своим любимым поэтом.
- 12 августа** **145 лет** со дня рождения (1856) Марии Петерсон, дочери пасынка поэта – сына Элеоноры и Карла Петерсона.

- 14 августа** **130 лет** со времени (1871) последнего посещения Ф.И. Тютчевым Овстуга, где он пробыл до 26 августа (26 августа – 1 сентября, по новому стилю)
- 17 августа** **145 лет** со дня торжественного въезда (1856) в Москву императорской четы, среди встречающих у Триумфальных ворот был и Ф.И. Тютчев.
- 17 августа** **130 лет** со дня сочинения (1871) в Овстуге Ф.И. Тютчевым после посещения Вщижа стихотворения «От жизни той, что бушевала здесь...», окончательную редакцию его поэт завершил в Петербурге.
- 22 августа** **190 лет** со дня рождения барона К. Пфедфеля (1811-1890), брата жены поэта Эрн. Ф. Тютчевой. Он очень ценил Ф.И. Тютчева за его ум и талант. Автор первого в Европе некролога о Ф.И. Тютчеве.
- 26 августа** **160 лет** стихотворению поэта «К Ганке» (1841).
- 26 августа** **105 лет** со дня смерти немецкого поэта – переводчика стихотворений Ф.И. Тютчева на немецкий язык Генриха Ное (1835-1896).
- 28 августа** **155 лет** со времени (1846) посещения Ф.И. Тютчевым Овстуга, где он пробыл до 7 сентября (по новому стилю: 10-20 сентября).
- 28 августа** **145 лет** со дня смерти музыкального критика и композитора М.Ю. Виельгорского (1788-1856), посетителем его знаменитого салона был Ф.И. Тютчев. Д.В. Григорович вспоминает: «Постоянным посетителем этих вечеров был известный поэт Ф.И. Тютчев, прославившийся также едкостью своего остроумия...».
- Не ранее августа** **175 лет** стихотворению «14-ое декабря 1825» (1826).
- Конец августа** **130 лет** со времени последней встречи (1871) Ф.И. Тютчева со Л.Н. Толстым. Последний писал: «...что ни час, вспоминаю этого величественного и простого и такого глубокого, настояще умного

старика... Мы 4 часа проговорили. Я больше слушал... Это гениальный, величавый и дитя старик». В другом месте о поэте: «Он слишком серьезен и не шутит с музой... И все у него строго: и содержание, и форма». Толстой писал Лазурскому: «Не забудьте же достать Тютчева – без него жить нельзя».

Август **135 лет** назад (1866) по рекомендации Ф.И. Тютчева муж сестры Е.А. Денисьевой А.И. Георгиевский получил место редактора «Журнала министерства народного просвещения».

СЕНТЯБРЬ

1-3 сентября **135 лет** со времени сочинения (1866) поэтом стихотворения «Когда дряхлеющие силы...».

9 сентября **145 лет** со дня коронации (1856) в Кремлевском дворце Александра II, на которой присутствовал Ф.И. Тютчев.

10 сентября **215 лет** со дня рождения барона фон Крюденера (1786-1852), мужа Амалии Крюденер, хороших знакомых поэта.

11(23) сентября **165 лет** со времени (1836) получения Ф.И. Тютчевым чина надворного советника.

Сентябрь **100 лет** назад (1901) в журнале «Исторический вестник» был опубликован рассказ сына поэта Ф.Ф. Тютчева «На линии вечных снегов».

ОКТАБРЬ

13 октября **175 лет** со дня смерти матери первой жены поэта – Антуанетты (1777-1826).

16 октября **225 лет** со дня рождения матери поэта Е.Л. Тютчевой (урожд. Толстой; 1776-1866).

21 **130 лет** назад освящено (1871) училище для

- октября** крестьянских детей, открытое в Овстуге дочерью поэта М.Ф. Тютчевой (в замужестве Бирилёвой).
- 27 октября** **125 лет** со дня рождения первого директора Мурановского музея Н.И. Тютчева (1876-1949), внука Ф.И. Тютчева.
- Октябрь** **165 лет** со времени опубликования (1836) в пушкинском журнале «Современник» 16-ти стихотворений Ф.И. Тютчева.
- Октябрь** **130 лет** со времени смерти немецкого историка и статиста И.Г. Шницлера (1802-1871). Ф.И. Тютчев о нем: «Это человек образованный, умный и скромный» (1864). Поэт встречался со Шницлером и помогал ему своими связями. В тютчевской библиотеке Мурановского музея хранится третий том основного труда Шницлера «Империя царей» с дарственной надписью поэту.

НОЯБРЬ

- 1 ноября** **150 лет** со дня написания (1851) поэтом стихотворения «День вечереет, ночь близка...».
- 13 ноября** **225 лет** со дня рождения отца поэта И.Н. Тютчева (1776 или 1768-1846) – в случае с первой версией.
- 23 ноября** **180 лет** со дня включения (1821) Ф.И. Тютчева в списки кандидатов Отделения Словесных наук Московского университета.
- 28 ноября** **135 лет** со дня сочинения (1866) Ф.И. Тютчевым знаменитой «формулы»: «Умом Россию не понять...».

ДЕКАБРЬ

- 2(14) декабря** **180 лет** со дня рождения поэта Н.Ф. Щербины (1821-1869), которому Ф.И. Тютчев посвятил свое стихотворение, напечатанное в журнале «Русский

- вестник» в 1857 году.
- 12 декабря (по нов. стилю)** **55 лет** со дня присвоения (1946) внуку поэта Н.И. Тютчеву звания заслуженного деятеля искусств РСФСР. 16 декабря он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.
- 16 декабря** **140 лет** со дня награждения (1861) председателя Комитета цензуры иностранной Ф.И. Тютчева орденом Станислава I-ой степени.
- 19 декабря** **180 лет** со дня получения (1821) Ф.И. Тютчевым аттестата об окончании Московского университета.
- 20 декабря** **135 лет** со дня сочинения (1866) Ф.И. Тютчевым стихотворения «Ты долго ль будешь за туманом...».
- 31 декабря (12 января)** **165 лет** со дня пожалования (1836) второму секретарю русской миссии в Мюнхене Ф.И. Тютчеву звания камергера (что соответствовало гражданскому чину IV класса).

ТЮТЧЕВСКИЕ КРУГЛЫЕ ДАТЫ

2001 ГОДА

(День и месяц которых установить не представилось возможным)¹

- 375 лет** назад (1626) в писцовых книгах давалось первое подробное описание Овстуга и Речицы (село близ Овстуга).
- 295 лет** со времени рождения прадеда поэта по материнской линии статского советника В.Б. Толстого (1706-1790).
- 225 лет** Назад (1776) в Овстуге на средства деда поэта Н.А. Тютчева была построена каменная Успенская церковь с теплым приделом во имя Св. Варвары.
- 220 лет** Со времени рождения немецкого художника

---

¹ Даты расположены в хронологической последовательности.

- Иозефа Штилера (1781-1858), автора известного портрета будущей второй жены поэта Эрнестины Дёрнберг, написанный им в 1833 году.
- 215 лет** со времени рождения графини М.Д. Нессельроде (урожд. Гурьевой; 1786-1849), жены канцлера К.В. Нессельроде. С ней Ф.И. Тютчева связывали «теплые дружеские отношения», она помогала поэту преодолевать его служебные затруднения.
- 215 лет** со времени рождения президента Российской Академии наук, министра просвещения, графа С.С. Уварова (1786-1855), с ним поэт был знаком с 1847 года.
- 210 лет** со времени смерти деда поэта Н.А. Тютчева (? – 1791).
- 210 лет** со времени рождения и **140 лет** со времени смерти Вацлава Ганки (1791-1861), одного из вождей чешского национального возрождения, с которым Ф.И. Тютчев встречался и которому поэт записал в его альбом свое стихотворение (1841).
- 210 лет** со времени рождения М.П. Леонтьевой (1791-1874), начальницы Смольного института столицы, в котором воспитывались дочери поэта.
- 205 лет** со времени рождения и **130 лет** со времени смерти литератора Н.В. Сушкова (1796-1871), мужа сестры поэта Д.И. Тютчевой. Поэт часто посещал их дом в Москве и говорил, что Москва без Н.В. Сушкова для него не Москва, «это то же, что Царь-Колокол без языка», и что шурин «принадлежит к числу тех немногих, кто его воодушевляет» (1855).
- 205 лет** со времени рождения баварского дипломата барона фон Дёрнберга (1796-1833), первого мужа Эрнестины Федоровны Тютчевой.
- 205 лет** со времени рождения мачехи Эрн. Ф. Тютчевой – баронессы Марии Пфэффель (урожд. Филиппс; 1796-1872).

- 200 лет** со времени создания (1801) художником Ф. Кюнелем портрета отца поэта - И.Н. Тютчева.
- 200 лет** со времени рождения Карла Пфёля (1801-1873), домашнего врача семей родителей Тютчева и Сушковых.
- 195 лет** со времени рождения сестры поэта Д.И. Тютчевой (в замужестве Сушковой; 1806-1979).
- 195 лет** со времени рождения великой княгини Елены Павловны (1806-1873), в беседах с которой любил проводить время Ф.И. Тютчев.
- 195 лет** со времени рождения профессора Московского университета С.П. Шевырева (1806-1864), хорошего знакомого поэта.
- 190 лет** со времени рождения и **100 лет** со времени смерти помощника попечителя Санкт-Петербургского учебного округа И.П. Корнилова (1811-1901), с которым поэт водил знакомство.
- 190 лет** со времени рождения графини С.Е. Толстой (урожд. бар. Аретин; 1811-1893), «давней знакомой Тютчевых».
- 190 лет** со времени рождения поэтессы графини Е.П. Ростопчиной (урожд. Сушковой; 1811-1858), которой Ф.И. Тютчев посвятил два стихотворения.
- 190 лет** со времени смерти матери Эрн. Ф. Тютчевой – баронессы Каролины Пфедфель (урожд. Теттенборн; 1789-1811).
- 190 лет** со времени рождения писателя, путешественника и государственного деятеля Ег.П. Ковалевского (1811-1868), памяти которого поэт посвятил стихотворение (1868).
- 190 лет** со времени рождения начальника Главного управления по делам печати М.Н. Похвиснева (1811-1882), которому по своей должности подчинялся Ф.И. Тютчев.
- 190 лет** со времени рождения знаменитой итальянской

оперной певицы Джулии Гризи (1811-1869). «Вчера (18 октября 1849 г. – В.Д.), - писала Эрн. Ф. Тютчева, - давали «Норму» (опера В. Беллини. – В.Д.), другой такой Нормы, как Гризи нет... Впрочем, высший триумф Гризи – роль Лукреции (в опере Г. Доницетти «Лукреция Борджиа». – В.Д.), которую она исполняет вместе с Марио (тенор. – В.Д.)... мой муж позволяет себе иногда взять кресло в партере, чтобы быть в курсе этих разговоров (об операх. – В.Д.). Но вместе с тем он любит музыку как таковую, причем любит ее с несравненной наивностью и простодушием невежды».

- 185 лет** со времени смерти деда Ф.И. Тютчева по материнской линии Л.В. Толстого (1740-1816).
- 185 лет** со времени рождения князя П.В. Долгорукова (1816-1868), автора четырехтомной «Российской родословной книги». Д.Ф. Тютчева – сестре Екатерине: «...он заявляет, что любит папá, а в обществе ни на шаг не отходит от Анны (дочери поэта. – В.Д.), дошло до того, что он недавно отправил ей все свои родословные книги» (1857).
- 185 лет** со времени рождения знакомого поэта Д.П. Хрущова (1816-1864), товарища министра государственных имуществ.
- 180 лет** со времени написания (1821, весна) 17-летним поэтом стихотворения под названием «Весеннее приветствие стихотворцам» - посвящение любомудрам.
- 180 лет** со времени опубликования (1821) С.Е. Раичем, воспитателем Ф.И. Тютчева, своего перевода «Георгик» Вергилия, легшего впоследствии в основу его диссертации на степень магистра словесных наук.
- 180 лет** со времени рождения историка и искусствоведа

- А.Н. Попова (1821-1877), с которым поэт был знаком до конца 1845 года. Тютчев – жене: «... я прокатил его в коляске по островам (С.-Петербурга. - В.Д.). Вернувшись домой, мы снова принялись за прерванное чтение...» (1852).
- 180 лет** со времени рождения французской актрисы Элизы Рашель (1821-1858), поэт был на многих спектаклях с ее участием и восхищался ее игрой.
- 180 лет** со времени рождения и **100 лет** со времени смерти С.Н. Батюшковой (урожд. Кривцовой; 1821-1901), муж которой П.Н. Батюшков занимал видные посты в Северо-Западном крае. Помпей Николаевич в молодые годы проходил службу на Брянском арсенале. Ф.И. Тютчев состоял в знакомстве с этой семьей, сохранились два письма поэта к Батюшковым, написанных в 1867 году.
- 180 лет** со времени рождения и **120 лет** со времени смерти подруги А.Ф. Тютчевой графини Е.Е. Ламберт (урожд. Канкрин; 1821-1881). И.С. Тургенев писал: «Я видел здесь (в Баден-Бадене. – В.Д.) Ф.И. Тютчева, который очень горевал о том, что не свиделся с вами (с Е.Е. Ламберт. – В.Д.) ...» (1864).
- 175 лет** со времени рождения Е.А. Денисьевой (1826-1864), «последней любви» поэта, от которой у Ф.И. Тютчева было трое детей. Ей поэт посвятил ряд произведений любовной лирики, известный как «денисьевский цикл».
- 175 лет** со времени рождения и **100 лет** со времени смерти А.В. Плетнёвой (1826-1901), к которой Ф.И. Тютчев питал большую привязанность – ей он посвятил стихотворение «Чему бы жизнь нас не учила...» (1870). Плетнёва: «Знаете, что говорил мне Ф.И. Тютчев? – «Какое тебе дело до того, что я тебя люблю!» (нем.) (Из письма к К.К. Гроту 5(17) октября 1874 г.).

- 175 лет** со времени рождения и **90 лет** со времени смерти редактора-издателя журнала «Вестник Европы», профессора Петербургского университета М.М. Стасюлевича (1826-1911), трудами которого по истории интересовался Ф.И. Тютчев. Известен некролог Стасюлевича на смерть поэта: «...природа наградила его сердцем вовсе не на счет ума и таланта, несомненного поэтического таланта, который вырывался иногда на свободу со всею силою и грациею, достойными той плеяды наших прежних маститых поэтов...» (1873).
- 175 лет** со времени рождения священника православной русской церкви в Висбадене (Германия) И.Л. Янышева (1826-1910), к которому в горестные дни ездил поэт. О нем писала А.Ф. Тютчева: «...умный, добрый, кроткий, истинный христианин» (1864.)
- 170 лет** со времени рождения и **85 лет** со времени смерти М.А. Георгиевской (урожд. Денисьевой; 1831-1916), сестры Е.А. Денисьевой. С семейством Георгиевских поэт очень дружил и находился в переписке.
- 170 лет** со времени рождения историка и собирателя русского фольклора А.Ф. Гильфердинга (1831-1872), одного из постоянных посетителей дома Тютчевых.
- 165 лет** назад (1836) баронесса Амалия Крюденер привезла из Германии в Петербург стихотворения Ф.И. Тютчева и передала их князю И.С. Гагарину. Они произвели большое впечатление на поэтов Вяземского, Жуковского, Пушкина. Часть стихотворений увидела свет в пушкинском «Современнике».
- 165 лет** со времени вспышки (1836) эпидемии холеры в Мюнхене. Иронизируя поэт писал, что английский сад «единственное обитаемое место в Мюнхене».

- 150 лет** со времени сочинения (1851) Ф.И. Тютчевым стихотворений «денисьевского цикла»: «О, как убийственно мы любим...», «Не раз ты слышала признание...», «О, не тревожь меня укорой справедливой!...», «Чему молилась ты с любовью...».
- 150 лет** назад (1851) художник Иванов написал портрет Е.А. Денисьевой.
- 150 лет** со времени (1851) открытия железной дороги между Москвой и Петербургом. Поэт очень часто «колесил» по ней, посещая Москву, которую любил лучше Петербурга.
- 145 лет** со времени (1856) знакомства Ф.И. Тютчева с Л.Н. Толстым, вероятно, в салоне Сушковых. Лев Николаевич одно время увлекался дочерью поэта Екатериной Федоровной.
- 145 лет** со времени смерти немецкого поэта Г. Гейне (1797-1856), с которым Ф.И. Тютчев встречался и талант которого боготворил. Известен ряд переводов Ф.И. Тютчева из Г. Гейне.
- 145 лет** назад (1856) петербургский фотограф С.Л. Левицкий запечатлел на пленку портрет Ф.И. Тютчева, дошедший до наших дней.
- 145 лет** со времени смерти собирателя народных песен П.В. Киреевского (1808-1856), дававшего в Мюнхене уроки русского языка первой жене Ф.И. Тютчева – Элеоноре Федоровне.
- 140 лет** со времени смерти известного немецкого публициста и историка Я Фальмерайера (1790-1861), с которым Ф.И. Тютчев имел в Мюнхене дружеские «тесные отношения».
- 140 лет** со времени издания (1861) в Мюнхене немецким поэтом-переводчиком Г. Ное книги переводов 74 стихотворений Ф.И. Тютчева на немецком языке.
- 140 лет** со времени написания (1861) поэтом Я.П.

- 140 лет** Полонским стихотворения «Ф.И. Тютчеву».
назад (1861) пасынок Ф.И. Тютчева (по первой жене) О. Петерсон создал акварели «Зеленая воронка» – вид парка и церкви Параскевы Пятницы со стороны усадебного дома в Овстуге, а также «Овстуг. Усадьба».
- 135 лет** со времени рождения М.Н. Бирилёвой (1866-1867), внучки Ф.И. Тютчева.
- 135 лет** со времени написания (1866) поэтом А.А. Фетом стихотворения «Ф.И. Тютчеву» («Пришла весна – темнеет лес»).
- 135 лет** со времени смерти графини С.А. Бобринской (урожд. Самойловой; 1799-1866), частым гостем петербургского салона этой придворной дамы был Ф.И. Тютчев.
- 130 лет** со времени смерти П.В. Муравьевой (урожд. Шереметевой; 1802-1871), двоюродной сестры Ф.И. Тютчева, оказывающей после возвращения поэта из-за границы в Россию его детям «постоянную приязнь».
- 130 лет** со времени смерти декабриста Н.И. Тургенева (1789-1871), книги которого поэт «не мог читать без сердечного умиления».
- 130 лет** со времени смерти французской писательницы Г. Рейбо (1802-1871), романы которой любил читать Ф.И. Тютчев, среди них «Древние монастыри Парижа».
- 130 лет** со времени смерти графини С.И. Борх (урожд. Ланской; 1809-1871), «давней светской знакомой поэта».
- 125 лет** со времени смерти великой княгини Марии Николаевны (1819-1876), дочери Николая I. Протежировала Ф.И. Тютчеву в устройстве в столице его дочери («рассчитываю главным образом на участие вел. кн. М.Н., чтобы поместить

- одну из девочек в институт»).
- 125 лет** со времени смерти князя П.И. Мещерского (1802-1876, салон которого любил посещать поэт.)
- 125 лет** со времени смерти Л. Пюклер-Лимбург (урожд. графини Ботмер;1803-1876), сестры Элеоноры Тютчевой, первой жены поэта.
- 125 лет** назад (1876) впервые было опубликовано стихотворение А.Н. Апухтина «Памяти Ф.И. Тютчева» в книге «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины».
- 125 лет** назад (1876) семейство сына поэта И.Ф. Тютчева устроилось на постоянное жительство в Муранове (под Москвой). Сюда же после смерти И.С. Аксакова (1886) мужа А.Ф. Тютчевой, была перевезена обстановка его московского кабинета.
- 120 лет** со времени смерти управляющего овстугским именем, воспитанника И.Н. Тютчева (отца поэта) В.К. Стрелкова (1819-1881).
- 120 лет** со времени смерти знакомого поэта князя Д.А. Оболенского (1822-1881).
- 115 лет** со времени смерти чеха Э. Тумá (1802-1886), камердинера Ф.И. Тютчева по прозвищу «Brochet» («Щука»), служившего у поэта с 1830-х годов.
- 115 лет** со времени выхода в свет (1886) первой биографической книги о поэте, написанной его зятем И.С. Аксаковым – «Биография Федора Ивановича Тютчева». Полное репринтное переиздание ее (с комментариями Г.В. Чагина) осуществлено в 1997 году.
- 115 лет** со времени смерти историка и публициста П.К. Щебальского (1810-1886), близкого знакомого Тютчевых.
- 115 лет** со времени смерти вице-президента Московской дворцовой конторы С.М. Сухотина (1818-1886), который оставил в дневнике заметки о своих

- встречах с Ф.И. Тютчевым.
- 115 лет** со времени смерти декабриста М.И. Муравьева-Апостола (1773-1886), с которым поэт вел беседы в 1863 году.
- 115 лет** со времени смерти Е.Н. Анненковой (в замужестве Голицыной; 1840-1886). Ей поэт посвятил стихотворение «И в нашей жизни повседневной...» (1867).
- 115 лет** со времени выхода из печати (1886) книги «Сочинения Ф.И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи», изданные в Петербурге вдовой поэта Эрн. Ф. Тютчевой.
- 110 лет** со времени смерти графини А.Д. Блудовой (1813-1891), дочери государственного деятеля Д.Н. Блудова, близких друзей семьи Тютчевых. Ф.И. Тютчев – А.Д. Блудовой: «Встреча и знакомство с вами обоими (и с ее отцом. – В.Д.) всегда останутся для меня одним из самых дорогих и лучших подарков жизни. Ведь искренне говоря, трудно найти дом, где получишь больше душевного покоя и утешения, чем у вас». «Графине А.Д. Блудовой» (1866) посвящено стихотворение поэта. Известно 24 письма поэта к ней за 1857-1873 годы.
- 110 лет** со времени смерти дипломата, писателя, критика В.П. Титова (1807-1891), с которым поэт был знаком с середины 1830-х годов. Бутенев: «Он всем интересовался до такой степени, что Тютчев про него говорил в шутку, что Титову как будто назначено Провидением составить опись всего мира» (1892).
- 110 лет** со времени смерти историка, славянофила М.И. Кояловича (1828-1891), лекции которого ездил в Петербургскую духовную академию слушать Ф.И. Тютчев.

- 110 лет** со времени смерти петербургского губернского предводителя дворянства Г.А. Щербатова (1819-1891), у которого в гостях «обедал» поэт.
- 110 лет** со времени смерти историка-слависта Н.А. Попова (1833-1891), с которым Ф.И. Тютчев встречался у Гильфердинга (1871).
- 110 лет** со времени рождения композитора и пианиста А.М. Дзегеленка (1891-1969), написавшего ряд романсов на слова Ф.И. Тютчева.
- 100 лет** со времени смерти внука историка Н.М. Карамзина князя Н.П. Мещерского (1829-1901). А.Ф. Тютчева – Д.Ф. Тютчевой: «По поводу стихов папá – мне нужно попросить Николая Мещерского, чтобы он нашел кого-нибудь, кто их перепишет» (1853).
- 90 лет** со времени смерти мужа М.А. Георгиевской (сестры Е.А. Денисьевой) А.И. Георгивского (1830-1911), историка, оставившего свои воспоминания о Ф.И. Тютчеве.
- 90 лет** со времени рождения крупнейшего исследователя жизни и творчества Ф.И. Тютчева, доктора филологических наук К.В. Пигарёва (1911-1984), правнука Ф.И. Тютчева, директора Мурановского музея (1949-1981).
- 85 лет** со времени опубликования (1916) в третьей книге журнала «Русская мысль» статьи Б.М. Эйхенбаума «Письма Тютчева» (как отклик на публикацию писем поэта к жене Эрнестине Федоровне).
- 85 лет** со времени рождения (1916) заслуженного деятеля науки, профессора Н.В. Пигарёва, правнука Ф.И. Тютчева.
- 75 лет** со времени написания (1926) поэтом И. Северяниным стихотворения «Тютчев» («Мечта природы, мыслящий тростник...»).
- 75 лет** назад (1926) в Ленинграде издана книга «Федор Иванович Тютчев в своих письмах к Е.К.

- Богдановой и С.П. Фролову».
- 50 лет** со времени смерти композитора Н.К. Метнера (1879/80-1951), создавшего целый ряд романсов на слова Ф.И. Тютчева.
- 35 лет** со времени выхода из печати (1966) в серии «Литературные памятники» двухтомника Ф.И. Тютчева «Лирика», подготовленного правнуком поэта К.В. Пигарёвым.
- 30 лет** со времени написания (1971) поэтом Я. Хелемским стихотворения «К портрету Ф.И. Тютчева».
- 25 лет** со времени выхода из печати (1976) книги ленинградского писателя А. Горелова «Три судьбы», первая часть которой «Вещая душа» посвящена Ф.И. Тютчеву.
- 20 лет** назад (1981) в Туле под редакцией профессора О.Я. Самочатовой вышел из печати сборник «В Россию можно только верить...» («Ф.И. Тютчев и его время»).

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алексеев В.П.** Тютчевский Овстуг: Очерк-путеводитель. – Брянск, 2000.
2. **Летопись** жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Кн. 1-я. 1803-1844. – Мураново: ООО «Литограф», 1999.
3. **Чагин Г.В.** Родовое гнездо Тютчевых... - М., 1998.
4. **Аксаков И.С.** Биография Федора Ивановича Тютчев. – М., 1997 (репринтное издание 1886 г.).
5. **Иван Сергеевич Аксаков** и его Биография Федора Ивановича Тютчева. Комментарий. – М., 1997.
6. **Полонский А.** Прогулки с Тютчевым по Мюнхену. – Киев, 1998.
7. **Русские** писатели XIX век. Биобиблиографический словарь. В 2-х ч. – М., 1996.
8. **Тютчевский** альбом. 1803-1993. – М., 1994.

9. **Парыгин В.**, Алексеев В. Из противоречий сотканный талант. – Брянск, 1993. - («Брянщина литературная». Кн. 2)
10. **Федор Иванович** Тютчев. Кн. 1. – М., 1988. - («Литературное наследство». Т. 97).
11. **Федор Иванович** Тютчев. Кн. 2. – М., 1989. - («Литературное наследство» Т. 97).
12. **Кожин В.** Тютчев. – М., 1988.
13. **Тютчев Ф.И.** Сочинения. В двух томах. – М., 1984.
14. **Современники** о Ф.И. Тютчеве. – Тула, 1984.
15. **Тютчев Ф.И.** Лирика. Т. 1-2. – М., 1965. - («Литературные памятники»).
16. **Пигарев К.** Ф.И. Тютчев и его время. – М., 1978.
17. **Тютчев Ф.И.** Библиографический указатель... - М., 1978.
18. **Чулков Г.** Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. – М.-Л., 1933.
19. **Картотека Деханова В.Г.:** «Ф.И. Тютчев и его окружение».

ЕСЛИ БЫ Ф.И. ТЮТЧЕВ ВЕЛ ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВЕННИКА

В.Г. ДЕХАНОВ

От составителя*

Ни дневников, ни записок, как мы знаем, Ф.И. Тютчев после себя не оставил. Зато остались томик его всемирно известной лирики и обширное эпистолярное наследство (более 1200 писем). Письма поэта и дипломата Тютчева - это своеобразные его дневники. В них есть всё: личная жизнь, политика, характеристика окружения и ... зарисовки с натуры тех мест (правда, далеко не всех; так как не все письма его еще до сих пор изданы), которые он проезжал и посещал, где проживал. Тютчев - поэт не мог увиденные картины не отразить и в стихотворной форме.

Ф.И. Тютчев родился на брянской земле, в селе Овстуге: здесь он жил какое-то время в детские и юношеские годы жизни. Взрослый Тютчев посетил свою малую родину 11 раз, пробыв в Овстуге в общей сложности менее двухсот дней. В юности местом его жительства были Москва и Подмосковье; Федор Иванович очень любил Москву, больше, чем Петербург, видимо не зря в одном из писем назвав себя москвичом. Зрелые годы жизни поэта прошли в основном в немецком городе Мюнхене, где он находился на дипломатической работе, и в Петербурге, где он поселился после возвращения в Россию из-за границы в 1844 году.

За свою семидесятилетнюю жизнь Ф.И. Тютчев посетил более полутора десятка городов, городков и селений России и Европы, на последнюю, конечно, приходится их львиная доля (см. Итинерарий Ф.И. Тютчева в приложении). Его подвижности мог бы позавидовать настоящий путешественник. Одни поездки Тютчева по странам Европы были связаны с его

*Подготовка текстов и иллюстраций, примечания и приложение (Итинерарий) В.Г. Деханова

дипломатической деятельностью, другие - по семейным обстоятельствам, третьи - в связи с лечением болезней... Тютчев неутомимо искал общения с интересными, информированными и образованными людьми своей эпохи, да и сам он числился в любимцах общества. С этим обстоятельством также связаны многочисленные его передвижения.

Передвигался Тютчев в то время на таких видах транспорта: коляска или дилижанс и по железной дороге. Приходилось ему плыть и морским путем. Но больше всего Федор Иванович боготворил только что тогда народившийся новый вид транспорта - железнодорожный. Еще бы! Ведь он так сильно сокращал время в пути. В письмах Тютчева по этому виду передвижения мы находим немало лестных его слов. Приведем некоторые. “Благодаря железным дорогам, - пишет поэт своим родителям из Веймара 10/22 сентября 1841 года, - часть которых уже завершена, все эти города (в Германии. - В.Д.) приблизились друг к другу как по волшебству. Через несколько дней будет вполне закончена железная дорога между Лейпцигом и Берлином, и то путешествие, на которое доселе требовалось два дня, возьмет всего семь часов.” “Надо согласиться, что пар - великий чародей, порою движение так стремительно, так поглощающе, пространство так преодолено, сведено на нет, что трудно не поддаться чувству некоторой гордости” (из письма жене Эрнестине Федоровне из Дрездена 27 сентября 1841 года). “Железные дороги в соединении с хорошей погодой - истинное очарование. Едешь к одним, не расставаясь с другими. Города подают друг другу руки” (из письма Эрн. Ф. Тютчевой из Берлина 7 июля 1847 года). “Из Берлина я выехал по железной дороге в Веймар. Ах, не надо поносить железных дорог! Это чудесная вещь, особенно теперь, когда их сеть всюду связывается и расширяется. На меня они особенно благотворно действуют, потому что они успокаивают мое воображение касательно самого моего страшного врага - пространства (выделено в тексте автором. - В.Д.), ненавистного пространства, которое на обычных дорогах топит и погружает в небытие и

тело наше и душу” (из письма Эрн. Ф. Тютчевой из Баден-Бадена 22 июля 1847 года). “Мне интересно посмотреть, насколько присутствие железной дороги (от Орла до Брянска. - В.Д.) изменит впечатление полной заброшенности и одиночества, которое неизменно вызывают эти серые избы и тропинки, теряющиеся в полях” (из письма Эрн. Ф. Тютчевой 19 июля 1868 года).

Обычно Тютчев разъезжал в собственной карете, но бывали случаи, когда приходилось нанимать дилижанс. В письме к жене из Франкфурта – на - Майне 17/29 августа 1847 года он писал: “Что до меня, я решил ехать через Варшаву, где воспользуюсь каретой графа Орлова, которую он предоставил в мое распоряжение, всячески настаивая, чтобы я воспользовался ею предпочтительно перед всеми другими способами передвижения. Такой маршрут имеет то великое преимущество, что позволит мне почти полпути ехать по железной дороге, ибо я сяду в поезд в 40 милях от Франкфурта и он довезет меня, не считая небольшого перерыва, вплоть до самой Варшавы. К тому же это избавит меня от неприятности плыть по морю во время равноденствия”.

Большой наплыв чувств у Тютчева - путешественника вызывало видение гор. Недаром им он посвятил ряд стихотворений: «Снежные горы», «Там, где горы, убегая...», «Утро в горах», «Альпы», «Святые горы». Лирическое настроение возникало у Федора Ивановича при виде рек, об этом говорят его стихотворения: «Неман», «На Неве», «Опять стою я над Невой...»... А бескрайнее море полей, которые ему приходилось проезжать по просторам России и Европы: как было не откликнуться на эти видения.

Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня все было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная земля -
Все на душу раздумье наводило.

Кто не помнит, в средние века Ливонией называлась территория Латвии и Эстонии. В письме к родителям из Мюнхена 1/13 сентября 1842 года Тютчев писал; «Я также с большим удовольствием повидал Бельгию с ее великолепными городами и селениями, представляющими на пространстве трехсот верст от Рейна до моря один непрерывный сад, который, благодаря железным дорогам, проезжаешь в восемь часов времени».

Человек настроения, Тютчев, когда ему перевалило чуть за сорок лет, написал: «Страны, которые я вновь увидел, стали уже не те. Могу ли я забыть, что в былое время, когда я посещал их в первый, во второй, в третий раз, я был еще молод и был любим... А нынче я стар и одинок». (из письма жене Эрн.Ф. Тютчевой из Карлсруэ 17/29 июля 1847 года).

Насытившись Европой, Ф.И. Тютчев хотел поколесить по России - матушке, но это ему уже удавалось делать все труднее и труднее. В письме к дочери А.Ф. Аксаковой 7 июня 1869 года он писал: «... я не имею ни малейшего желания странствовать собственно по Европе, куда меня посылают доктора - и вот почему в виде золотой середины я избрал область промежуточную, а именно юг России - Киев, Одессу, быть может даже Крым (о Кавказе Тютчев уже и не упоминает. - В.Д.) - область которую я хочу, пока жив, повидать, как место действия событий более или менее близкого будущего, при коих, вероятно, присутствовать мне не суждено...». Но, как мы знаем, ни до Одессы, ни до Крыма больному Тютчеву уже добраться не удалось. Не были взоры его обращены и к Уралу, а тем более к Сибири, к Дальнему Востоку. Да и мог ли ярый политик Тютчев оторваться от ядра, где эта политика раскручивалась. Поэтому самым оживленным трактом для него в России был путь от Петербурга в Москву и обратно, в Петербург.

О, Север, Север - чародей,
Иль я тобою околдован?

Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?

Тютчев - путешественник помимо красот окружающей природы, не мог не описать картин разносторонней жизни населения тех мест, где ему приходилось бывать. Общительный поэт рассказывает о культурном досуге людей, среди которых он вращался.

Прежде чем предоставить непосредственно слово нашему путешественнику, оговоримся о расположении его материала. Вначале помещаем (в хронологическом порядке) отзывы поэта о тех местах, которые он посещал в России (и где там он жил), а затем уже - в Европе. Итак, предоставляем слово Федору Ивановичу Тютчеву.

РОССИЯ

*...Поистине Россия хорошая страна и хороший народ,
но дабы говорить это с полным убеждением,
следует знать за границу так, как я ее знаю.*

Ф.И. Тютчев

Москва

Вчера, 13-го, между 2 и 3 часами пополудни я дорого дал бы за то, чтобы ты оказалась подле меня. Я был в Кремле. Как бы ты восхитилась и прониклась тем, что открывалось моему взору в тот миг! Беру в свидетели самого господина де Кюстина¹, которого, разумеется, нельзя заподозрить в пристрастии. Это единственное во всем мире зрелище. Отсылаю тебя к третьему тому его труда. Если тебе нравится Прага, то что же сказала бы ты о Кремле!

---

¹Кюстин Астольф де, маркиз (1790-1857), французский литератор. В третьем томе своей книги «Россия в 1839 году» он с восторгом описывает Московский Кремль.

Оттуда я отправился посмотреть на дом, который принадлежал некогда моему отцу и где протекло все мое детство.² Он представился мне как во сне, и каким постаревшим и изнуренным я почувствовал себя очнувшись! <...> Люди, воспоминание о которых здешние места оживили во мне до такой остроты, что мне стало казаться, будто я только накануне расстался с ними, предстали передо мною почти неузнаваемыми от разрушений времени.

(Из письма к жене Эрн.Ф. Тютчевой 14 июля 1843 г.)

...По вечерам часто бываем в театре. Здесь есть сносная французская труппа и столь хорошая русская, что я был поражен. Исключая Париж, нигде за границей нет труппы, которая могла бы соперничать с нею. Это, вероятно, расовая особенность, ибо такое же мастерство игры я наблюдал в польском театре в Варшаве. <...>

Здесь имеется несколько клубов в духе лондонских и некоторые из них поставлены прямо-таки на широкую ногу. Тут и обедают и играют в карты; есть тут и целое собрание русских и заграничных газет, книг, брошюр и т.д. В настоящее время только в клубах и собираются. Ибо большая часть общества уже выехала из города. Театр посещается мало, также мало народу и на местах гуляния, хоть среди них есть и очень приятные.

Но больше всего мне хотелось бы показать тебе самый город в его огромном разнообразии. <...> Как бы ты почуяла наитием то, что древние называли духом места*; он реет над этим величественным нагромождением, таким разнообразным, таким живописным. Нечто мощное и невозмутимое разлито над этим городом.

(Из письма к Эрн. Ф. Тютчевой от 26 - 27 июля 1843 г.)

---

²Этот дом находится в Армянском переулке.

* Подчеркнутые здесь и далее слова автором в тексте выделены жирным шрифтом.

Обитаемый Кремль производит в самом деле необычайное и своеобразное впечатление. При виде всей этой толчи суетливой жизни, этого движения экипажей, этой толпы, запрудившей дворцовую площадь и одушевленной интересом нынешней минуты, казалось, будто чары рассеялись и жизнь возобновляется после целых веков перерыва... <...>. Однако вчера, 8-го, в то время, когда во всех соборах совершалась обедня, я поднялся на первую площадку Ивана Великого, покрытую народом<...>. И тут меня вдруг вновь охватило чувство сна. Мне пригрезилось, что настоящая минута давно миновала, что протекло полвека и более, что начинающаяся теперь великая борьба, пройдя сквозь целый цикл безмерных превратностей, захватив и раздробив в своем изменчивом движении государства и поколения, наконец, закончена, что новый мир возник из нее, что будущность народов определилась на многие столетия, что всякая неуверенность исчезла, что суд божий совершился. Великая империя основана... <...>. И тогда вся эта сцена в Кремле, при которой я присутствовал, эта толпа, столь мало сознававшая, что должно совершиться в будущем <...>, вся эта картина показалась мне видением прошлого и весьма далекого прошлого, а люди, двигавшиеся вокруг меня, давно исчезнувшими из этого мира... Я вдруг почувствовал себя современником их правнуков.

(Из письма к Эрн. Ф. Тютчевой 9 сентября 1855 г.)

Я мечтаю очутиться вновь вместе с тобою и твоим мужем под хорошо знакомою сенью погодинского сада³, мечтаю вновь погрузиться духовно и физически в эту столь любимую атмосферу летней Москвы, где так много воздуха, света и колокольного звона.

(Из письма к дочери А.Ф. Аксаковой 21 июня 1867 г.)

---

³Мужем дочери Ф.И. Тютчева Анны был известный публицист и издатель И.С. Аксаков (1823-1886). У историка М.П. Погодина на летних чаепитиях на Девичьем поле собирались в саду многие литераторы и ученые.

Петербург

...Петербург, в смысле общества, представляет, может стать одно из наиболее приятных местожительств в Европе, а когда я говорю - Петербург, это - Россия, это - русский характер, это - русская общительность.

(Из письма к родителям 13 ноября 1844 г.)

Глядел я стоя над Невой,
Как Исаака- великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

*(Из стихотворения "Глядел я стоя над Невой...",
21 ноября 1844 г.)*

Опять стою я над Невой,
И снова как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.

*(Из стихотворения «Опять стою я над Невой...»,
июнь 1868 г.)*

Варшава⁴

Варшава приятно поразила меня. Это довольно большой город и в данное время, благодаря ярмарке, весьма оживленной. Здесь я вновь обрел множество впечатлений, дремавших во мне уже многие годы и пробудившихся словно от толчка, едва я ступил на улицы Варшавы. Ибо как-никак, несмотря ни на что, этот город внешне чем-то родственен Москве, и это особенно бросается в глаза тому, кто едет с Запада. <...>

---

⁴В 40-е годы XIX века Царство Польское входило в состав Российской империи.

Вчера, в канун Иванова дня, здесь был своего рода народный праздник, которым ежегодно отмечается этот день. Весь город высыпал на берег Вислы. Мост был заполнен громадной толпой. В этот день девушки по обычаю бросают в реку венки... <...>. Что касается избитого и укоренившегося представления об изяществе полек - это другое дело; это более чем слух, это - очень приятная действительность. В здешних женщинах, действительно, есть особое изящество, и в говоре и в звуке голоса - своеобразная нежность... <...> Окрестности Варшавы не лишены прелести, хотя и расположены на равнине...
(Из письма к Эрн.Ф Тютчевой 23 июня 1843 г.)

Курск

...вот еще одно из тех мест, которое - не будь оно в России - давно бы уже служило паломничеством для туристов. Во-первых, расположение его великолепно и смутно напоминает окрестности Флоренции, как бы смешно не показалось подобное утверждение. А затем, совершенно особенное впечатление произвела на меня моя вчерашняя прогулка по возвышенностям. У подножия этих возвышенностей, на которых расположен город, представь себе реку, искрящуюся на солнце и усеянную сотнями купающихся. Можно было вообразить себя перенесенным ко временам мифологическим! Действительно, вся местная молодежь, юноши и девушки, наподобие нескольких стай уток и гусей, резвились тут столь же непринужденно, как эти водяные птицы. <...> Вечером до позднего часа раздавалась музыка в общественном саду, совсем еще недавно разведенном - это правда, но чудесно расположенном. Одним словом, я унесу из Курска самое благоприятное впечатление...

(Из письма к Эрн. Ф. Тютчевой 26 июля 1869 г.)

Киев

...я Киевом остался совершенно доволен. Он оказался принадлежащим к той редкой категории впечатлений, оправдывающих чаемое. Да, замечательная местность, укрепленная великим прошедшим и очевидно предназначенная для еще более великого будущего. - Тут бьет ключом один из самых богатых родников истории.

Мне удалось видеть Киев в очень счастливую живописную минуту при встрече им государя вечером 30-го июля, при освящении всех этих достославных Киевских - с их золотоглавой святыней, и отражении в Днепре. - Картина поистине волшебная и которую, конечно, никто из присутствовавших долго не забудет. <...> Какой-то новый мир, какая-то новая, своеобразная Европа вдруг раскрылась и расходилась по этим широким русским пространствам...

(Из письма к А.Н. Майкову 12 августа 1869 г.)

ЕВРОПА

*Я не без грусти расстался с этим гнилым Западом,
таким чистым и полным удобств, чтобы вернуться
в эту многообещающую в будущем грязь милой родины.*

Ф.И. Тютчев

Мюнхен⁵

..В Мюнхене, где никогда не было слишком много развлечений, теперь так уныло и так скучно, что трудно себе представить. Как если бы человек, и так-то тупой и угрюмый, да еще стал бы страдать мигренью.

(Из письма к родителям 31.12.1836 / 12.01.1837 г.)

---

⁵В столице Баварии Ф.И. Тютчев исполнял должность секретаря русской миссии (1822-1837, 1839-1844).

Дрезден

...Ах, какое скучное развлечение - путешествие. Вот я, со вчерашнего дня, и в Дрездене <...> С Дрезденом у меня связаны очень дорогие воспоминания, которые ближе мне, чем воспоминания, касающиеся меня лично. Здесь родилась ты...<...>. Моей сентиментальности могло способствовать движение паровика⁶, своеобразно действующее на нервы... <...>

Приехав в Дрезден, я смог в тот же вечер пойти в театр, и пошел я не столько ради собственного удовольствия, сколько чтобы воздать должное железной дороге. Дрезден далеко не так величествен, как Прага, но вид на Эльбу с Брюлевской террасы восхитителен... <...>. Сегодня утром я отдал дань картинной галерее <...>. В Дрездене целая колония русских...

(Из письма к Эрн. Ф. Тютчевой 27 сентября 1841 г.)

Лейпциг

В Лейпциге я попал в водоворот людей, лавок, товаров. Шла вторая неделя ярмарки, т.е. был самый разгар ее. Все трактиры битком набиты. Никакой возможности достать угол, где бы преклонить голову. Наконец провидение взяло меня за руку и отвело на ночлег к барышнику. <...> Что до меня, то я несомненно наименее достойный ярмарки человек. Она производит на меня такое же впечатление, какое произвело бы на тебя чтение книги по метафизике. <...> Из Лейпцига я уехал по железной дороге...

(Из письма к Эрн. Ф. Тютчевой 27 сентября 1841 г.)

Веймар

Нельзя сказать, чтобы Веймар был слишком занимательным в качестве постоянного местопребывания. Это маленький городок, живущий своим прошлым.

---

⁶Так Ф.И. Тютчев назвал паровоз

(Из письма к родителям 10/22 сентября 1841 г.)

Из Берлина я выехал по железной дороге в Веймар. <...> В Веймаре я застал Мальтица⁷, он там один и живет в доме Гёте. Между нами говоря, в Веймаре я очень скучал. Городок показался мне отвратительно - унылым, и встреча с Мальтицем не сделала его для меня более приятным. <...>. Ночь я провел в Веймаре, у Мальтица, а на другой день уехал. Железная дорога кончается в Эйзенахе, в 24 милях от Франкфурта. Пришлось сесть в дилижанс - и, о боже мой, какой дилижанс! - и это после железной-то дороги! Это как речь Том-Гаве⁸ после речи Тьера⁹. Мерзкий дилижанс, что и говорить! 24 мили мы ехали целых двадцать часов.

(Из письма к Эрн. Ф. Тютчевой 22 июля 1847 г.)

Франкфурт¹⁰

Во Франкфурте, где я по недоразумению остановился в Hotel de Russie вместо Römischer Kaiser, я с удовольствием нашел почти в полном составе семейство Убри¹¹. <...> Жуковский и Гоголь, для которых я привез письма и посылки, уехали в самый день моего приезда.

(Из письма к Эрн. Ф. Тютчевой 22 июля 1847 г.)

Баден-Баден.¹² Карлсруэ.

---

⁷ Мальтиц Аполлоний Петрович, барон (1795-1870), немецкий поэт.

Доводился Тютчеву шурином.

⁸ Том-Гаве – атташе русской миссии в Турине.

⁹ Тьер Луи Адольф – французский политический деятель.

¹⁰ Франкфуртов в Германии два – на реках Майн и Одер, имеется в виду тот, что стоит на Майне.

¹¹ Убри Петр Яковлевич (1774-1847) – русский посланник при Германской конфедерации.

¹² Знаменитый немецкий курортный городок.

...вчера утром я любовался местностью сквозь пролет огромного старинного полуразрушенного окна древнего баденского замка. Этот замок представляет собою очень живописные руины, которые как бы парят на высоте 1400 футов над очень живописной местностью. С одной стороны - баденская долина, с которою сливаются четыре или пять других, - с другой, огромная равнина, пересекаемая Рейном, который опоясывает собою всю местность, насколько только может охватить глаз, от Страсбурга до Карлсруэ. Все это очень красиво...

(Из письма к Эрн. Ф. Тютчевой 22 июля 1847 г.)

...ты, разумеется, не ожидала получить письмо из Карлсруэ, из города, который ты находила таким несносным, но который вовсе не противен мне.

<...> Я провел в Бадене одиннадцать дней и должен тебе признаться, что Баден несколько обманул мои ожидания. Местность очаровательная, но в отношении съехавшегося общества я ждал чего-то более блестящего и полного.

(Из письма к Эрн. Ф. Тютчевой 17/29 июля 1847 г.)

Баден мне мил...

(Из письма к дочери Д.Ф. Тютчевой 1/13 сентября 1859 г.)

Турин¹³

Вот уже около месяца как я в Турине, и этого времени было достаточно для составления мнения о нем, вероятно, окончательного. Как место, как служба, словом, как средство к существованию - Турин несомненно один из лучших служебных постов. <...> Но, как место пребывания, можно считать, что Турин - один из самых унылых и угрюмых городов, сотворенных богом. Никакого общества. <...> Одним словом, в

---

¹³Столица Сардинского королевства, здесь Ф.И. Тютчев прожил два года, являясь первым секретарем русской миссии.

отношении общества и общительности, Турин совершенная противоположность Мюнхену. <...> Утром я читаю и гуляю. Окрестности Турина великолепны, и погода пока стоит прекрасная. Каждый день голубое небо, и на деревьях есть еще листья.

<...> Скажите, для того ли родился я в Овстуге, чтобы жить в Турине? Жизнь, жизнь человеческая, куда какая нелепость!

(Из письма к родителям 1/13 ноября 1837 г.)

...мне начинает нравиться в Турине - но это было бы слишком большой ложью. <...> Вернувшись в начале этого месяца из Генуи, где мне чрезвычайно понравилось, я сделал несколько попыток расширить немного круг моих здешних знакомых. Среди тех, которые я завел за последнее время, есть бесспорно несколько любезных женщин, чье общество во всякой другой стране было бы большим подспорьем. Но здесь все это разбивается о преграду негостеприимных и необщительных привычек. Так, например, с сегодняшнего дня, всякие собрания прекращаются. Самое подобие общества исчезнет. И знаете почему? Потому что сегодня открывается театр. А театр здесь все. Без всякого преувеличения, все общество целиком прочно водворяется там на два месяца карнавала. Только там и можно его встретить. В городе остаются лишь хворые и умирающие. Вчера вечером все, как полагается, распрощались друг с другом, и все гостиные закрылись до конца карнавала. Судя по этому, можно предположить, что спектакли, по крайней мере, весьма занимательны. Ничуть не бывало. Ибо в течение целых двух месяцев мы будем развлекаться зрелищем двух пьес, все тех же, так что после четвертого или пятого представления никто, разумеется, не дает себе труда их слушать. <...>

Вообще, по ту сторону Альп и не представляют себе, какова распушенность нравов в этой стране. Но беспорядки подобного рода столь повсеместны, столь однообразны, что приняли всю видимость порядка и нужно время, чтобы их заметить. <...> Сюда следовало бы присылать всех людей,

одаренных романтическим воображением. <...> ...наряду с легкостью нравов, крайняя набожность, господствующая здесь, особенно среди женщин. Так, во время рождественского поста, который только что закончился, церкви были переполнены, весь город походил на монастырь. Ни театральных представлений, ни балов, ни концертов. В виде единственного развлечения проповедь по утрам. Зато женщины, я говорю о принадлежащих к самому высшему обществу, бывали там во множестве. И какая проповедь! Что за строгость, что за суровость, что за нетерпимость! Вечером, правда, никто уж больше о ней и не помышлял.

(Из письма к родителям 13/25 декабря 1837 г.)

Рим ночью

В ночи лазурной почивает Рим.
Взошла луна и овладела им,
И спящий град, безлюдно - величавый,
Наполнила своей безмолвной славой...

Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший -
Все тот же мир, волшебный,
Но отживший!..

(Не позднее начала 1850 г.)

Странную роль сыграла Италия в моей жизни... Дважды являлась она передо мной, как роковое видение, после двух самых великих скорбей, какие мне суждено было испытать¹⁴... Есть страны, где носят траур ярких цветов. По-видимому, это мой удел...

(Из письма к Э.Ф. Тютчевой 17 / 29 марта 1865 г.)

---

¹⁴Речь идет о смерти первой жены поэта Элеоноры Федоровны и его гражданской жены Елены Александровны Денисьевой.

*Прага*¹⁵

...Мы начали с Праги, мне еще незнакомой, которую я осмотрел с величайшим интересом. Это великолепный город, в некоторых отношениях напоминающий Москву.

(Из письма к родителям 10 / 22 сентября 1841 г.)

Волшебный город эта Прага! - Я, москвич, должен сознаться, что ничего не видывал краше ее... Ни один город не оставил во мне такой живой памяти. Ни один город не смотрит на посетителя такими чудными, человечески понятливыми глазами... В них столько жизни настоящей и столько пророческого. В самом деле, нельзя, посетив Прагу, нельзя не почувствовать на каждом шагу, что на этих горах, под полупрозрачную пелену великого былого, неотразимо и неизбежно зреет еще большая будущность!

(Из письма к Вацлаву Ганке 16 / 28 апреля 1843 г.)

*Краков*¹⁶

Краков («где остановились на два дня». - В. Д.) тебе понравился бы. Это достойный брат Праги, но это не более как прекрасный покойник. В то же время это последний живописный ландшафт, какой видит путешественник, направляющийся к Востоку. Ибо, едва выедешь за ворота этого города, как попадаешь на необъятную равнину, скифскую равнину, которая так часто поражала тебя на моей рельефной карте, где она образует рельефную плоскость... Представь себе местность между Мюнхеном и Фрейзингом, на пространстве, вдвое большем, чем вся Европа.

(Из письма к Эрн.Ф. Тютчевой 23 июня 1843 г.)

---

¹⁵Тогда столица Чехии в составе Австрийской империи.

¹⁶В 40-е годы XIX века Краков был в составе Австрийской империи.

Стокгольм

Из моего письма из Ревеля¹⁷ вы знаете, что 4 сентября я должен был сесть на пароход, чтобы плыть в Гельсингфорс¹⁸, - оттуда я поехал через Або в Стокгольм, где мог остановиться всего лишь на день. Я отправился в Истад, местечко на шведском побережье, ожидать парохода, который доставил меня в Штральзунд, откуда я по новой железной дороге прибыл в Берлин. Погода необыкновенно благоприятствовала мне, так что во время всего моего путешествия по Балтийскому морю плавание было столь же приятным и спокойным, как могло бы быть на озере. Стокгольм, виденный мной лишь мельком, великолепен как панорама и беден как город.

(Из письма к родителям 1/13 октября 1843 г.)

Швейцария

Я только что вернулся из Швейцарии, куда мне поручено было доставить новые инструкции в нашу миссию в Цюрихе. Рассуждая логически, вот страна, которая, по-видимому, находится накануне гражданской войны. И, однако, более безмятежной и благодушной физиономии я никогда не видывал ни у одной страны. Ибо в Швейцарии, как и повсеместно, революционные попытки являются действием лишь отдельных личностей. До сих пор народ в целом не поддается им, не в силу убеждений, коих у него нет, или если есть, то плохие, а просто-напросто потому, что он тяжел на подъем.

(Из письма к К.. Пфедфелю, брату жены, 20 июля 1847 г.)

---

¹⁷ Нынешняя столица Эстонии Таллинн.

¹⁸ Нынешняя столица Финляндии Хельсинки.

Базель

Был вечер. Я сидел на бревнах, у самой воды; напротив меня, на другом берегу, над скоплением остроконечных крыш и готических домишек, прилепившихся к набережной, высился базельский собор, - и все это было прикрыто пеленой листвы... Это тоже очень красиво, а особенно Рейн, который струился у моих ног и плескал волной в темноте.

(Из письма к Эрн. Ф. Тютчевой 22 июля 1847 г.)

Мартиньи. Сион. Бэнь-де-Луэш. Жемми. Кандерстег. Интерлакен.Тун.

Перечень этих мест¹⁹ подводит итог двух последних недель моей жизни туриста. Это какой-то волшебный мир. Я собственными глазами уверился в том, что все эти прекрасные вещи существуют в действительности <...>... что такое, например, Жемми? Это отвесная гора высотой в семь тысяч футов, которая отделяет Бэнь-де-Луэш от восхитительной Кандерстегской долины, ведущей к Тунскому и Бриенцскому озерам. Это один из самых трудных, самых опасных переходов на ту сторону Альп. Одна француженка погибла там в прошлом году. Я вскарабкался туда и остановился на месте, где споткнулся мул этой несчастной дамы... <...> Что невыразимо прекрасно, так это полнейшая тишина, которая царит на этих вершинах. Это особый мир, живым уже неподвластный.

В Интерлакене я встретил множество русских, но никого из хороших знакомых, кроме г<енера>ла Путятин²⁰ ... <...>. На Бриенцском озере я ходил смотреть Гисбах, освещенный бенгальскими огнями. В тот день я несколько раз видел

---

¹⁹Городки и местечки Швейцарии.

²⁰Путятин Ефим Васильевич, граф (1806-1883) – адмирал, генерал-адъютант, член Государственного совета.

знаменитого Кошута²¹ и вдовствующую королеву Неаполитанскую²².

В Туне я послужил поводом к странному недоразумению. Какие-то тупоумные англичане, прочитав в книге приезжих мое имя, за которым следовало звание камергера, и, как видно, разобрав в моих каракулях лишь слова: “императора всероссийского”, вообразили, будто сам российский имп<ератор>, собственной персоной, находится инкогнито в гостинице Бельвю в Туне; и они столь успешно распустили этот слух, что вечером оркестр гостиницы не преминул, из чувства почтения к августейшему гостю, сыграть “Боже, царя храни...”. Однако в конце концов им пришлось разуверится в своем заблуждении...

В Берне я видел медведя, который загрыз англичанина и виду не подает, что помнит об этом, а во Фрибурге оргán, слышанный мною 22 года тому назад... <...> Сейчас я возвратился на берега Женевского озера и с бесконечным удовольствием вновь свиделся с ними, столько в этой местности совсем особенного очарования.

(Из письма к Д.Ф. Тютчевой, конец июля - начало августа 1862 г., в переводе с французского языка).

Альпы

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.
Властью некой обаянны,
До восшествия Зари
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари!...

---

²¹Кошут Лайош (1802-1894), один из организаторов борьбы венгерского народа за независимость в революции 1848-1849 годов.

²²Терезия – вдова короля Фердинанда II

Но Восток лишь заалееет,
Чарам гибельным конец -
Первый в небе просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блестит в венцах из золота
Вся воскресшая семья!..

1830 г.

Цюрих

...там (в Цюрихе. - В.Д.), вместо того, чтобы остановиться в гостинице Баура, которая неизбежно навеяла бы на меня грусть, я устроился в своего рода фонаре на четвертом этаже Hotel du Lac, в настоящем волшебном фонаре, где со всех сторон открывался вид на озеро, горы, великолепное, роскошное зрелище, которым я вновь любовался с истинным умилением.
<...>

В Цюрихе я пробыл два дня...

(Из письма к Эрн. Ф. Тютчевой 22 июля 1847 г.)

Париж. Ницца

Ничего не пишу тебе о том, что я видел в Париже, во-первых, потому, что это тебе неинтересно, а кроме того, о таких впечатлениях и не расскажешь. Но в конечном счете я очень доволен, что приехал сюда.

(Из письма к Д.Ф. Тютчевой 8 / 20 августа 1859 г.)

Не хочу покинуть Париж, не дав тебе отсюда вести о себе. Париж мне немного помог... Он на время развлек меня и заставил забытья... Гораздо легче мне стало также и оттого, что

кончилась Ницца²³. Досадую на себя за неприязнь и злопамятство, которые у меня сохранились по отношению к этому бедному месту, столь, впрочем, приветливому...

<...>...здесь в Париже, не знаю почему, не испытываешь этого чувства разлуки, отдаления, отчуждения, которое владело мною в Ницце... Правда, в Париже гений места был всегда ко мне благосклонен. Я люблю этот город. Кто-то сказал, что здесь лучше, чем где бы то ни было на свете, умеют обходиться без счастья. Верно, по крайней мере, то, что здесь перестаешь как-то сетовать на его утрату...

(Из письма к А.Ф. Тютчевой 17 / 29 марта 1865 г.)

Из «Тютчевяны»²⁴

1. Австрию Тютчев называл “Ахиллом”, у которого повсюду пятка.

2. К Франции он применял стих Гёте о двух душах, живущих в одной груди.

3. В одном большом обществе Тютчев к слову заметил, что “самый умный немец, когда начинает говорить о России, непременно окажется глупцом”.

4. Тютчев утверждал, что единственная заповедь, которой французы крепко держатся, есть третья: “Не приемли имени Господа Бога твоего всуе”. Для большей верности они вовсе не произносят его.

5. У латышей не было своих церквей и своих пасторов, и они сотнями приходили к русскому священнику в Риге (Заблоцкому). Он их крестил, венчал и даже обучал. Бароны спохватившись, что их влияние на народ исчезает, и выслали пасторов. Латыши их выгнали и по-своему бунтовали, т.е. не

---

²³В Ницце Тютчев прожил с октября 1864 года по март 1865 года.

²⁴Подслушанные и записанные современниками Ф.И. Тютчева его высказывания при беседах в обществе (лишь маленькая толика их сохранившаяся). Взято из книги: Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. – СПб.; Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1913. – С. 371, 372.

ходили в кирху. Супер-интендент приехал в Питер, вся остзейская знать поднялась, послали барона Ливена - и Иринарха (бывшего преосвященного в Риге во время службы там Ю.Ф. Самарина) ночью привезли в Петербург с Заблоцким. Весь Петербург заступился за баронов и их права. По этому случаю Ф.И. Тютчев сострил, сказав Александре Осиповне Смирновой: «Петербургская знать не только не русская, она даже не петербургская, а разве только невско-проспектная, и то от Полицейского до Аничковского моста».

Приложение

Хронологический указатель мест пребывания Ф.И. Тютчева (Итинерарий)

1803	Овстуг
1804-1811	Москва. Овстуг (кроме 1811 года)
1812	Москва. Овстуг. Ярославль.
1813-1814	Овстуг. Москва.
1815-1816	Москва
1817	Москва
1818-1821	Москва. Троицкое (1820, 1821). Овстуг (1819).
1822	Петербург. Москва. Мюнхен. Париж.
1823	Мюнхен.
1824	Мюнхен. о. Мальта.
1825	Мюнхен. Варшава. Петербург. Москва. Троицкое. Знаменское.
1826	Петербург. Мюнхен. Париж.
1827	Мюнхен. Париж.
1828-1829	Мюнхен. Тироль (1828). Париж. Рим. Милан.
1830-1832	Мюнхен. Петербург. Мюнхен. Вандсбек (под Гамбургом)

1833	Мюнхен. Эглофсгейм. Триест. Навплия. Вена (?). о. Лезина (у берегов Далмации).
1834	Вена. Тегернзее. Мариенбад. Эглофсгейм. Тегернзее. Мюнхен.
1835	Мюнхен. Вена. Карлсбад.
1836	Мюнхен. Тегернзее. Фарнбах (близ Нюрнберга). Вена. Мюнхен.
1837	Мюнхен. Фарнбах. Петербург. Берлин. Мюнхен. Турин. Любек. Мюнхен. Турин. Генуя. Турин. Констанц.
1838	Линдау. Милан. Мюнхен. Турин. Генуя. Женева. Ферней. Комо.
1839	Цюрих. Берн. Киавари. Милан. Турин. Генуя. Флоренция. Киавари. Констанц. Алессандрия. Мюнхен. Новара. Парма. Пиза. Лукка. Каррара. Специя. Мон-Сени. Фрибург.
1840	Мюнхен. Тегернзее. Мюнхен.
1841	Мюнхен. Прага. Веймар. Дрезден. Штарнберг. Карлсбад. Лейпциг. Мюнхен.
1842	Мюнхен. Веймар. Лондон. Франкфурт. Кёльн. Киссинген. Мейнингем. Гота. Ахен. Брюссель. Остенде. Мюнхен. Брюккенау. Боркенгейм. Майнц. Мангейм. Гейдельберг. Тегернзее.
1843	Мюнхен. Вена. Краков. Варшава. Москва. Петербург. Петергоф. Ревель. Петербург. Фалль (вблизи Ревеля). Гельсингфорс. Або. Стокгольм. Кольмар. Иштадт. Штральзунд. Берлин. Лейпциг. Альтенбург. Мюнхен.

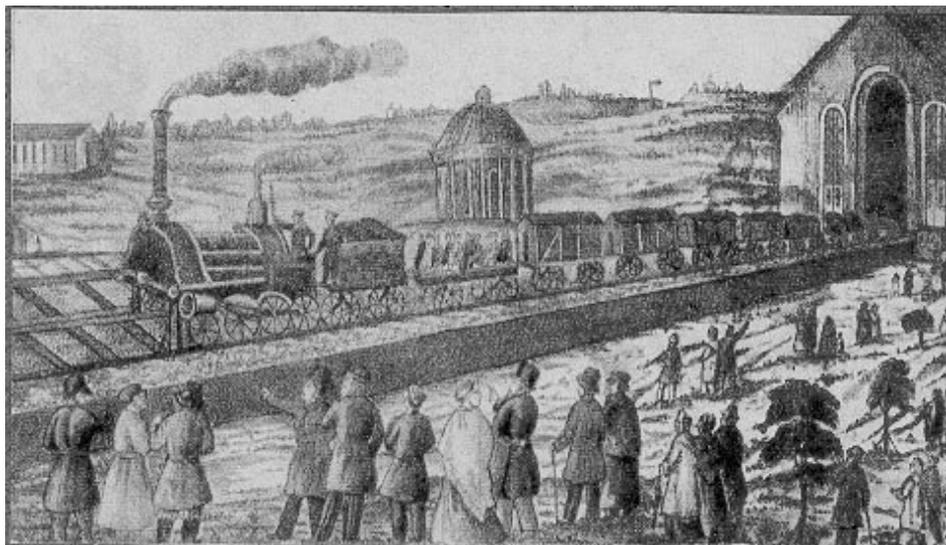
1844	Мюнхен. Страсбург. Карлсруэ. Париж. Виши. Лозанна. Берн. Мюнхен. Эглофсгейм. Кёферинг. Ратисбонн. Гонинштау. Лейпциг. Берлин. Штеттин. Свинемюнде. Кронштадт. Петербург.
1845	Петербург. Москва.
1846	Петербург. Москва. Овстуг. Москва.
1847	Петербург. Цюрих. Берлин. Петербург. Берлин. Баден-Баден. Берлин. Веймар. Эйзенах. Франкфурт. Цюрих. Базель. Страсбург. Баден-Баден. Вильбанд. Карлсруэ. Франкфурт. Эмс. Веймар. Варшава.
1848	Петербург.
1849	Москва. Овстуг. Петербург.
1850	
1851	Петербург. Москва. Петербург.
1852	Орел. Москва. Петербург. Овстуг.
1853	Овстуг. Москва. Петербург. Фридрихсгафен. Штутгарт. Веймар. Штутгарт. Веймар. Баден. Ковно. Франкфурт. Дрезден. Берлин. Варшава. Петербург. Царское Село. Петербург. Царское Село. Петербург.
1854	Петербург. Москва. Петербург. Петергоф. Петербург. Петергоф. Петербург. Москва.
1855	Петербург. Петергоф. Петербург. Москва. Рославль. Овстуг. Умысличи (около Овстуга). Москва. Петербург.
1856	Петербург. Царское Село. Петербург. Царское Село. Петербург. Аренсбург. Петергоф. Петербург. Москва.
1857	Петербург. Москва. Петербург. Овстуг. Москва.

1858	Петербург. Царское Село. Петербург. Останкино (под Москвой). Москва. Петербург. Царское Село.
1859	Петербург. Москва. Петербург. Царское Село. Штеттин. Берлин. Мюнхен. Розенгейм. Рейхенгалль. Берлин. Мюнхен. Лейпциг. Нюрнберг. Зальцбург. Рейхенгалль. Мюнхен. Капштадт (у Штутгардта). Вильдбад. Капштадт. Тегернзее. Вильдбад. Гейдельберг. Франкфурт-на-Майне. Бокенгейм. Франкфурт. Висбаден. Эмс. Париж. Эмс. Франкфурт. Баден-Баден. Веве. Женева. Веймар. Берлин. Кёнингсберг. Петербург. Царское Село. Петербург.
1860	Петербург. Москва. Петербург. Берлин. Висбаден. Гейдельберг. Баден-Баден. Висбаден. Женева. Франкфурт. Веймар. Берлин. Петербург.
1861	Петербург. Москва. Петербург. Петергоф. Петербург.
1862	Петербург. Москва. Петербург. Вильна. Берлин. Веймар. Мартины. Сион. Жемми. Бэнь-де-Луеш. Интерлакен. Тун. Кандерстег. Висбаден. Гамбург. Висбаден. Мontre. Верне. Берн. Лозанна. Уши. Верне. Петербург. Петергоф. Петербург. Москва. Петербург. Москва. Петербург. Новгород.
1863	Петербург. Царское Село. Москва. Петербург. Овстуг. Петербург.
1864	Петербург. Москва. Петербург. Дармштадт. Женева. Уши (возле Лозанны). Лозанна. Мontre. Веве. Женева. Лозанна. Уши. Ферней. Уши. Женева. Лион. Марсель. Тулон. Канн. Ницца. Канн. Ницца. Канн. Ницца.

1865	Канн. Марсель. Париж. Кёльн. Берлин. Петербург. Москва. Рославль. Овстуг. Дядьково. Овстуг. Речица (близ Овстуга). Москва. Петербург. Царское Село. Петербург.
1866	Москва. Петербург. Москва. Петербург. Москва. Петербург. Царское Село. Петербург.
1867	Петербург. Москва. Петербург. Москва. Петербург.
1868	Петербург. Москва. Петербург. Старая Русса. Петербург. Москва. Овстуг. Гостиловка (близ Овстуга). Орел. Москва. Петербург. Ораниенбаум.
1869	Петербург. Москва. Петербург. Москва. Курск. Киев. Овстуг. Москва. Петербург.
1870	Петербург. Варшава. Берлин. Карлсбад. Теплиц. Вена. Варшава. Овстуг. Москва. Петербург. Москва. Петербург.
1871	Петербург. Спасское (близ Москвы). Москва. Петербург. Парголово. Петербург. Москва. Овстуг. Вщиж. Овстуг. Москва. Петербург.
1872	Петербург. Царское Село. Петербург. Царское Село. Петербург.
1873	Петербург. Царское Село. Петербург. Царское Село.

Примечание: составитель не уверен в полном перечислении названий городов, посещенных Ф.И. Тютчевым, и тем более, городков и селений.

Обозначение: о. – остров.

Московская железная дорога. С гравюры 1854 г. На таких поездах Ф.И. Тютчев колесил по России.

Мюнхен. Marienplatz.

Мюнхен. Кафедральный Собор Фрауэнкирхе.

Краков.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Тютчев Ф.И.** Полное собрание сочинений/ Под редакцией П.В. Быкова. – СПб., 1913.
2. **Тютчевiana.** Эпиграммы. Афоризмы и остроты Ф. И. Тютчева.– М.: Костры, 1922. - 53 с.
3. **Чулков Г.** Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. – М.- Л.: Academia, 1933.
4. **Тютчев Ф.И.** Лирика. Т. 1-2. Изд. подготовил К.В. Пигарев. – М.: Наука, 1966.
5. **Тютчев Ф.И.** Сочинения в 2-х томах. – М.: Худож. литература, 1984.
6. **Федор Иванович Тютчев.** Кн.1. – М.: Наука, 1988. - («Литературное наследство». Т. 97).
7. **Полонский А.** Прогулки с Тютчевым по Мюнхену. – Киев: КМЦ «Поэзия», 1998.
8. **Летопись** жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Кн. I. 1803-1844. – Мураново: ООО «Литограф», 1999.
9. **Всемирная** история. Т. 6. – М.: Изд-во соц.-экон. литературы, 1959.

**ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ НЕБЫТИЯ
(К ИСТОРИИ ВОССОЗДАНИЯ УСАДЬБЫ Ф.И. ТЮТЧЕВА)**

А.В. ГОРОДКОВ

*...Не видите ль?
Собравшийся в дорогу,
В последний раз
Вам вера предстоит:
Еще она не перешла
Порогу
Но дом ее уж гол
стоит...*

Ф.И. Тютчев, 1834 г.

Мемориальный музей-усадьба
Ф.И. Тютчева в с. Овстуг

На изумрудном всхолмье берегов Овстуженки – притока Десны, где разбросано древнее село Овстуг, не очень заметен маленький парк. Лишь несколько старинных тополей,

возвышающихся над молодой порослью обращают на себя внимание и навевают мысли о былом.

Род Тютчевых владел здесь усадьбой свыше двух столетий. Можно предположить, что парк заложен предками Федора Ивановича в XVIII веке, на месте более древнего сада. Тогда же, видимо, был построен и дом, в котором родился будущий поэт... Отец поэта – Иван Николаевич – отставной гвардии поручик, смотритель экспедиции кремлевских строений – заменил в конце 30-х – начале 40-х гг. XVIII века сильно обветшавший дом новым каменным, более просторным и величественным. Он ожидал приезда в усадьбу находившегося на дипломатической службе за границей сына. Для поэта, любившего Овстуг, поездка туда была «наградой». Он всегда стремился на родину. Некоторое время спустя после смерти отца он пишет в Петербург «... Что же до нового дома, то он право, весьма хорош, и вид со стороны сада очень красив». Этот дом был построен по проекту архитектора Герасимова. В музее Тютчева в Муранове и в Овстуге хранится схематический план первоначального варианта дома. В последствии, при постройке, проект был несколько видоизменен. К сожалению, дом Тютчевых не сохранился до наших дней. К концу XIX века он пришел в обветшалое состояние, а в 1912 г. был продан на слом. С утратой усадебного дома пришел в упадок и старинный парк. В Овстуге, некогда цветущем крае, «природа о днях былых молчит» и «знать не желает о былом». Так было еще совсем недавно. В начале 1960-х гг. о восстановлении парка и усадьбы можно было только думать, а о воссоздании дома трудно было и мечтать. Время реально подумать о воссоздании дома и парка поэта пришло лишь в середине 1970-х годов.

Заслуга в воссоздании утраченного дома поэта принадлежит заслуженному архитектору России Василию Городкову (1914-1997). Многие сделал В. Городков для пробуждения у жителей Брянского края интереса к памятникам ландшафтного и садово-паркового искусства, в числе которых и парк в усадьбе Тютчева. Изучение истории парка и его

современного состояния позволило архитектору выполнить проект его восстановления, к сожалению, так и неосуществленному в натуре. Еще и сейчас приходится нередко слышать, что дом, мол, восстанавливался по ... сохранившимся (!) чертежам, местоположение его якобы не соответствует первоначальному и прочие нелепые вымыслы. Между тем многогранная история воссоздания усадьбы великого поэта, и в частности ее архитектурно-ландшафтная глава, все еще не нашедшая должного отражения в литературе и экспозиционном материале музея Тютчева, требует к себе должного внимания и бережного отношения к истине. Сохранившиеся архивные материалы архитектора Городкова, его публикации 1970-80-х гг., проектные материалы и другие свидетельства позволяют проследить все этапы воссоздания усадьбы великого поэта. Предоставим же слово самому архитектору Городкову.

«Чтобы восстановить как можно точнее облик дома усадьбы Ф. Тютчева, потребовалось произвести большой поиск в госархивах, библиотеках и музеях. В 1978-79 гг. были обнаружены и исследованы немногие, но очень ценные графические материалы: рисунок общего вида усадьбы, выполненный Драницыным в 1849 году, рисунок дома, сделанный в 1860 году пасынком поэта О. Петерсоном, фотоснимки паркового и главного фасадов 1910-1912 годов, акварель неизвестного художника, изображающая дом перед его разборкой в 1912 году. На всех изображениях хорошо был виден характер внешней архитектуры. Это классицизм первой трети XIX века с характерной композицией классической русской усадьбы, тип которой был создан и развит еще во второй половине XVIII столетия. Главный и парковый фасады имели традиционные для подобных усадебных домов шестиколонные портики. Они обогащали архитектуру здания, внося в нее пластику, украшали тенью, в общем – плоскую и строгую архитектуру фасадов. Пронизанные воздухом и светом портики, вместе с балюстрадами балконов и парапетами, органично соединяли архитектуру дома с окружающей природной средой.

Все внимание архитектора было обращено на игру объемов. С этой целью центральная часть дома возвышена мезонином, сделанным по ширине портиков. Мезонин увенчан цилиндрическим фонариком с куполком и шпилем. К торцам одноэтажной части дома примкнуты меньшие по высоте и ширине объемы боковых входов. Они подчеркнуты сильно выдвинутыми вперед козырьками над крыльцами.

Живописная, хорошо увязанная по масштабу с небольшим парком, архитектура дома вызывает чувство восхищения красотой и гармонией этого небольшого ансамбля, который в бытность там Ф.И. Тютчева, неоднократно посещавшего Овстуг после 1846 года, несомненно, оказывал на него благотворное влияние.

В 1978 году была начата работа по историко-архивным изысканиям сведений и материалов для воссоздания подлинного облика дома Ф.И. Тютчева. Эта работа проводилась при содействии управления культуры в Брянском технологическом институте при участии инженера Е.Е. Шестакова. Осенью 1979 года проведены раскопки и поиск сохранившихся фрагментов фундаментов, что позволило достаточно точно определить местоположение капитальных стен и основные размеры дома. Обнаруженные фрагменты фундаментов позволили впоследствии точно «привязать» здание к старому его местоположению. Тщательный историко-архитектурный анализ всех имевшихся к тому времени фактографических материалов позволил начать разработку эскизного проекта воссоздания дома, в котором обосновывалась графическая реконструкция внешнего облика, положенная в основу архитектурно-строительного проекта. В 1980 г. проект был одобрен, и вскоре была начата разработка рабочих чертежей здания. К этому времени имелись также необходимые административные решения о воссоздании усадьбы Ф.И. Тютчева, в частности решения Брянского облисполкома и центрального совета ВООПИиК.

Проект предусматривал почти точное воссоздание на прежнем месте внешнего облика дома. Имелось ввиду также восстановление всех основных помещений, выполнение их внутренней отделки в стиле первой трети и середины XIX века...».

Постоянные и всевозможные утраты были уделом усадебного парка, составлявшего вместе с домом единый архитектурно-ландшафтный ансамбль. Погибшие деревья никто не заменял, вода из пруда ушла, дорожки исчезли....

Лишь в начале 1960-х годов к парку в Овстуге снова проявился интерес. В то время здесь начали проводить ежегодные Дни поэзии памяти Тютчева. И поэзия Тютчева, в какой-то мере вдохновленная красотой этих мест и парка, вновь приковала к Овстугу внимание людей.

Безжалостное время стерло следы планировки парка. Да и была ли она? «Мне очень ярко вспомнился и как бы открылся зачарованный мир детства, так давно распавшийся и сгинувший. Старинный садик, четыре больших липы, хорошо известных в округе, довольно хилая аллея шагов во сто длиною и казавшаяся мне неизмеримой, — весь прекрасный мир моего детства, столь населенный и столь многообразный, — все это помещается на участке в несколько квадратных сажень...» Так вспоминает Ф. И. Тютчев в 1846 году село Овстуг и парк усадьбы.

...Где мыслил я и чувствовал впервые,

И где теперь туманными очами

При свете вечеряющего дня

Мой детский возраст смотрит на меня...

В настоящее время парк занимает территорию размером около шести гектаров. Определенной планировки, связанной с первоначальной, парк не имеет. Вход в него расположен в южном углу, со стороны общественного центра села и от здания бывшей народной школы. Эта школа основана дочерью поэта — Марией Федоровной Бирилевой — при поддержке и помощи его

в 1871 году. С 1960 года в части, а после 1970 года во всем здании школы размещается музей Ф.И. Тютчева.

Одновременно с организацией музея, в парке, начиная от входа, по случайно возникшим тропинкам были посажены две диагонально расходящиеся липовые аллеи. Вдоль юго-восточной и юго-западной границ парка произведены четырехрядные посадки лип. Вместе с разросшимся самосевом лиственных деревьев и кустарников эти посадки составляют большую часть озеленения парка. От посадок времен Тютчева осталось несколько деревьев в западной и северо-западной сторонах территории.

В 1965 году В. Городковым был предложен временный проект, имевший целью изменить складывающуюся, исторически необоснованную, геометрическую лучевую планировку в пользу более свободной, ландшафтной. Однако, этот проект в части озеленения и прокладки дорожек пока не реализован. Размещена в центре парка «поляна поэтов» для проведения выступлений в День поэзии. Восстановлены земляная плотина и пруд в северо-восточном углу парка. Вот пока и все. В конце 1970-х гг. архитектор вновь возвращается к планировочному решению парка и разрабатывает окончательный вариант его реконструкции и озеленения.

В 1971 году к парку прирезан дополнительный участок земли площадью 1,72 гектара. Он прилегает к юго-западной стороне старого тютчевского парка и отделяет его от здания клуба и других современных зданий, расположенных южнее. Таким образом, созданы благоприятные условия для развития трех взаимосвязанных зон современного парка культуры и отдыха: спортивной (по соседству с клубом), культурно-массовой (в прирезанной части) и зоны тихого отдыха. Роль последней, как нельзя лучше будет выполнять мемориальный парк Ф.И. Тютчева. Это зонирование парка положено в основу архитектурно-планировочного решения его территории.

В последние десятилетия поэзия Ф.И. Тютчева находит все большее признание у нас в стране и за рубежом. В Овстуг едут

многочисленные поклонники поэта и просто туристы. В связи с этим возникает задача воссоздания старого, по возможности близкого к первоначальному, облика парка. Решение этой задачи осложняется отсутствием документальных данных по историческому виду и планировке парка.

Рисунки общего вида усадьбы, выполненные в XIX веке, и фотоснимки начала XX века дают основание считать, что планировка парка была свободной, пейзажной. Видимо, таким и надо воссоздать мемориальный парк Ф.И. Тютчева. Надо попытаться воспроизвести такие картины природы в парке и по соседству с ним, которые помогли бы посетителю в его восприятии парка приблизиться к образам поэзии Тютчева, воочию ощутить его лирику природы, красоту, вдохновлявшую поэта.

*Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..
Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струёй,
Но струя бежит и плещет,
И на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...*

Почему бы ни использовать голый, недостаточно благоустроенный берег пруда для посадки на нем ивы? Или где-то в уголке парка — рощицы берез, которая напоминала бы нежные строки:

*...стоят обвеяны березы
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачною, как дым...*

Необходимо подумать о создании таких внешних видов из парка, какие были раньше и навевали картины подобные образам поэта:

*...Тихой ночью поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...*

Это написано здесь, в Овстуге, в июле 1849 года. Надо согласиться с Тютчевым, что

*...природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

И постараться проникнуть и в язык природы, и в поэзию Тютчева, чтобы воссоздать лик парка времен поэта. Думается, это главное, что надо иметь в виду при воссоздании парка.

Думается, что включение Овстуга и мемориального парка поэта в проектируемый республиканский историко-культурный туристский маршрут «Литературное созвездие» обязывает, не откладывая на будущее, со всей ответственностью отнестись к восстановлению и реконструкции бывшей усадьбы Ф.И. Тютчева и его парка.

Дом - музей Ф.И. Тютчева вступил в строй очагов культуры общероссийского масштаба еще в 1986 году. К сожалению, реставрация парка не осуществлена до сих пор. Эту задачу следует решить как можно быстрее. Для этого есть все необходимое...

Заслуженный архитектор России
Василий Николаевич Городков
(1914-1997)

ВЕХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Ф.И. БЕЛОЗОР

Интересен и привлекателен Брянский край своей историей, своеобразной русской природой и его главным богатством – народом, внесшим трудом, знаниями и творчеством достойный вклад в становление и развитие Государства Российского, его могущества, его культуры.

О прошлых цивилизациях вам поведаает «археологическая книга» Хотылевской и Юдиновской стоянок древнего народа. О средневековой жизни вы узнаете, посетив Вщиж. История Брянска, Трубчевска, Стародуба, Карачева, Севска, Почепа, Мглина, Погара и сотен других поселений расскажет о зарождении и подъеме Древней Руси, о буднях современной жизни.

Многие имена и многие населенные места Брянщины удостоились заслуженного внимания исследователей, историков, писателей. С особым чувством гордости и уважения относятся брянцы к своему знаменитому земляку Федору Ивановичу Тютчеву.

Федор Тютчев родился в селе Овстуг, которое находится в тридцати восьми километрах от Брянска по дороге на Смоленск. Врожденный талант, впечатления от окружающей природы, воспитание родителей и самобытного учителя Семена Егоровича Раича все это вместе взрастило известного теперь всему миру поэта, философа, дипломата.

В 2003 году исполняется 200 лет со дня рождения Ф.И. Тютчева.

В последние десятилетия, благодаря многим почитателям поэта, возрождается и его родовое имение. Начало было положено, когда в 1957 году силами энтузиастов, главным из которых был местный учитель Владимир Данилович Гамолин, и сотрудников областного краеведческого музея в доме управляющего, перестроенного в середине XIX века дочерью поэта Марией Федоровной Бирилевой (1840-72гг) специально

под школу для обучения грамоте сельских детей, была открыта комната-музей Тютчева. В 1961 году в Овстуге установлен первый памятник поэту (автор Г. Коваленко). Это торжество вылилось в большой поэтический митинг, ставший первым крупным праздником поэзии Ф.И. Тютчева. И с тех пор, ежегодно, во второе воскресенье июня, здесь собираются тысячи поклонников таланта великого русского поэта.

Музей ежегодно пополнялся новыми экспонатами, семейными реликвиями, ранее неизвестными литературными памятниками. Ему стало тесно в четырех стенах, и в 1970 году в его распоряжение было передано все здание.

Власти Брянской области постоянно патронировали, а точнее почти всегда инициировали все этапы воссоздания усадьбы Тютчевых. Среди многих необходимо отметить Е.И. Сизенко, бывшего первого секретаря обкома КПСС и С.С. Сысоева, заместителя председателя облисполкома, внесших, пожалуй, наибольший вклад в это благородное дело.

Шаг за шагом, сотрудники областного управления культуры и краеведческого музея, архитекторы и реставраторы после кропотливых поисков во многих архивах страны восстанавливали разрушенное временем и людьми родовое имение поэта. Медленно начал возрождаться парк. Восстановили пруд, мосток через него и беседку на островке. В 1978 году память о Федоре Ивановиче Тютчеве была увековечена сооружением ему памятника в усадебном парке (скульптор А. Кобилинец). В это же время по ходатайству партийной и исполнительной властей области Правительство Российской Федерации принимает решение о восстановлении дома Тютчевых в Овстуге и создании здесь музея поэта.

Архивные изыскания и проектирование дома были поручены известному брянскому архитектору и краеведу В.Н. Городкову. Проект экспозиции, и ее исполнение доверили авторской группе под руководством талантливого художника Леонида Яновского из Ленинградского комбината живописно-оформительского искусства. Победы и разочарования, успехи и

нарекания пришлось пережить участникам воссоздания усадьбы, теперь известной всей России, да и не только ей. 14 июня 1986 года музей принял своих первых посетителей, и с тех пор ежегодно десятки тысяч людей стремятся в Овстуг, стремятся соприкоснуться с великим талантом России. В старом здании, в этом же году, областной художественный музей открыл свой филиал – картинную галерею, где собраны произведения современников, посвященные Тютчеву, Овстугу и его окрестностям. А в здании бывшей волостной управы Овстуга в 1989 году появился новый музей – музей истории села. В 1994 году Брянской областной научной библиотеке присвоено имя Ф.И. Тютчева. А два года спустя здесь состоялись первые тютчевские чтения.

Возрождение дома и парка было только первым этапом на пути возвращения ко второй жизни семейного гнезда Тютчевых. Областное управление культуры, дирекция по охране памятников, краеведческий музей кропотливо готовились к продолжению работ. Поиски достоверных сведений о застройке усадьбы, истинной планировки парка затянулись почти на десять лет. Этому способствовало и отсутствие финансовых средств.

1996 год стал отправной точкой нового периода возрождения усадьбы Федора Ивановича Тютчева. В Администрации области, Управлении культуры стали регулярно проводиться совещания и советы, на которых обсуждаются проекты, графики и технология проведения реставрационных и восстановительных работ. Координацию осуществляет Б.М. Копырнов, первый заместитель главы Администрации области, родившийся в Овстуге и сделавший многое для восстановления усадьбы. Назревшая проблема создания музея-заповедника Ф.И. Тютчева начинает разрешаться. Постепенно проявляется облик будущего заповедника, его статус, возможные границы. Появляются новые объекты. На древнем кургане, в пяти километрах от Овстуга, у исторического поселения Вщиж, где родилось, наверное, стихотворение поэта:

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят, - и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

....

в 1998 году появляется символическая часовня, а рядом у дороги устанавливается камень с надписью указанного стихотворения поэта. В то же время происходит и другое знаменательное событие. В Овстуге, на месте захоронения Ивана Николаевича Тютчева – отца поэта, возводится памятный знак.

1999 год. Во Вщиже реставрируется здание церковно-приходской школы и в нем размещается церковь и музей истории Вщижа, разрушенного предположительно монголо-татарами в 1238 году. Архиепископ Брянский и Севский Мелхиседек благословляет овстужан на восстановление в селе утраченной церкви Успения Богородицы. Заключен договор с московским институтом Спецпроектреставрация на разработку проекта «Реставрация и развитие усадьбы Ф.И. Тютчева». Авторскую группу возглавляет федеральный архитектор Шарапов В.Н., исторические исследования проводит Острова Е.И.. Администрацией области принимается распоряжение о подготовке документов для создания музея-заповедника Ф.И. Тютчева. Предполагается, что в заповедник войдут усадьба поэта, церковь, пойма Овстужанки, в пределах усадьбы, и археологический памятник Вщиж.

2000 год. Произведена закладка фундаментов церкви в Овстуге. Проведены археологические исследования на месте утраченного флигеля в усадьбе. Обнаружены фундаменты, фрагменты столовой посуды, монеты и другие уникальные

вещи. Начата реставрация школы Марии Бирилёвой и здания волостной управы.

В мае Администрацией области принято Постановление «О подготовке к 200-летию со дня рождения Федора Ивановича Тютчева». Им утвержден оргкомитет по подготовке юбилея и План мероприятий.

Судя только по одной цитате из Постановления «Учитывая исключительный вклад литературного наследия Федора Ивановича Тютчева в российскую и мировую художественную культуру ...», понимаешь важность духовного наследия, оставленного великим поэтом, и то желание властей Брянской области подчеркнуть значимость имени Тютчева для Отечества. Объемным документом, исполнение которого рассчитано на три года, предусмотрен комплекс мер, куда входят организационные мероприятия, строительство, ремонт, реставрация и воссоздание многих объектов, благоустройство Овстуга, Вщижа и Неготино, музеефикация памятников, выставочная и издательская деятельность, создание музея-заповедника поэта. К юбилею планируется выпустить памятные монеты, медали и видеофильмы. На сцене областного драматического театра намечена постановка пьесы о Тютчеве. В реализации планов будет принимать участие Министерство культуры России и многие другие федеральные ведомства. Наиболее важные мероприятия пройдут в Овстуге, Брянске, Москве, Санкт-Петербурге и других городах и селах. Высказана заинтересованность ЮНЕСКО по участию в юбилее. В Министерстве культуры разрабатывается проект Постановления Правительства Российской Федерации о подготовке к этому событию.

Наследие Тютчева никогда не было обделено вниманием. Известно, что только в период с 1820 года по 1973 год в России осуществлено 3149 изданий стихов, исследований его творчества и жизни. Возрастает интерес к поэту и у наших современных ученых, писателей, критиков. В библиографическом указателе новых изданий по социальной и

гуманитарной литературе отмечено за 1997 год 28, 1998 год – 31, 1999 год – 31, за семь месяцев 2000 года 17 изданий.

В последнее время наиболее весомый вклад в изучение творческой биографии Федора Ивановича Тютчева и его наследия внесли В. Кожин, Г. Чагин, Т. Динесман, А. Полонский, Р. Лэйн, А. Осповат и многие другие исследователи и писатели.

Время расставляет все по своим местам. Восстанавливается несправедливо утраченное и забытое в памяти. Приходит осознанность значения и величия Федора Ивановича Тютчева для российской культуры. Но вновь и вновь задумываешься над строками поэта в поисках философской истины, в поисках понимания неразгаданной судьбы России, ее места и роли на нашей планете.

И НАЗВАЛИ ОВСТУГ, ВЩИЖ И НЕГОТИНО

Я.Д.СОКОЛОВ

Овстуг – ты любовь моя
Воздухом дышу твоим
Счастлив несказанно я,
Тютчев мной, как жизнь любим
У тебя взлет и расцвет,
Горд, что ты и мной воспет.

Это строки из стихотворения Владимира Гамолина, уроженца села Овстуг. Опубликованы они в его поэтическом сборнике «Струны Бояна».

Овстуг – родина Ф.И. Тютчева, классика русской поэзии XIX века.

В этой же книге Владимира Даниловича под рубрикой «Овстуг – любовь моя» опубликовано немало и других стихов, воспевающих это прекрасное село.

Овстуг в наши души песней
С детства раннего вошел.
Знали: краше и чудесней
Нет во всей округе сел.

Откуда взялось, пошло это звонкое лирическое название? «В простонародии на местном языке «овстужками» или «стужками» назывались связки верхних концов саней, вероятно, в древности, на том же месте, где теперь стоит Овстуг, росло много лозы, из которой приготавливались эти связки, что и могло, как предполагают, дать месту, а потом и селу, название «овстужник или Овстуг», - сообщается в «Историческом описании церквей и монастырей Орловской епархии», вышедшем в 1905 году в Орле. Скорее всего, это народная этимология. Научного же определения нет.

Овстуг – древнее село. Оно упоминается в XV веке. А корни его уходят еще глубже. На западной окраине села находится городище, которое археологи относят к третьему-

первому столетиям до нашей эры. К V-VII векам относятся два селища в урочище Хутор Моряка к северо-востоку от села.

Овстуг расположен на речке Овстужанке. Питают ее родниковые ключи, бьющие из-под меловых холмов.

В «Словаре древнерусского языка» И.И. Срезневского дается пояснение, что слово «стѡденник, стодень» – «холод», «стѡжнѡ» – «охлаждать». Студеный – древнее название декабря месяца. Стжденьць - родник, ключ.

Полистаем теперь «Старославянский словарь» (по рукописям X-XI веков), вышедший в Московском издательстве «Русский язык» в 1994 году. Здесь «стоуденьць» – «водоём, колодец, источник».

Не связано ли название речушки, села с этим? Конечно, прошли года. И какое-то из этих слов изменилось, превратившись в ѡстжденец, ѡстужник, ѡвстужник.... Прибавилось «О». Почему? В далеком прошлом по старославянски произносили в некоторых местных говорах не вторник, а овторник. Это лишь мои рассуждения.

Топонимы Студенец, Студенка, Студенки, Студеное, Студенцы, Студеный, Студянка имеются в ряде мест России, Украины, Белоруссии. Населенный пункт Стужень есть в Курской области, а Стужица – в Украинском Закарпатье. Река Стугна – правый приток Днепра. Овстуг – подобного названия я пока нигде больше не встречал. Существует еще фамилия Стужнев.

О происхождении названия реки Овстужанки и села Овстуг бытует и другое мнение. Возможно они балтийского происхождения. И появились они в седой древности, когда в этих местах обитали балтийские племена.

Неподалеку от Овстуга расположен Вщиж. Название этого древнерусского города отмечено под 1142 годом в Ипатьевской летописи. Был он одно время и центром Вщижского княжества. «По дороге во Вщиж» – так озаглавил одно из своих стихотворений Ф.И. Тютчев.

Что представляет собой это древнее название? Вщиж – это и Взсчиж, Щиж, Устиж...

В 30-х годах в Брянске было Общество изучения Брянского края. Оно издавало альманах «Брянский край». В его третьем выпуске, вышедшем в 1929 году, опубликован материал В. Восинского о его экскурсиях во Вщиж. Он пишет, в частности: «...название Вщижа, приводимое Тихоновым в книге «Брянский говор» – Овщиж (и Авщиж), Ущиж (1779 г.) Ущижы (запись в синоднике Клетнянской обители, основанной в 1751 г.) Щиж (у Погодина).

Научного объяснения Вщижа нет. Его происхождение неясно.

«Возможно, англогинация въ щижъ, счижъ, - предполагает В.П. Нерознак в книге «Названия древнерусских городов».

Некоторые все же склонны считать: его имя связано с возникновением крепости – защиты. Есть древнее слово «ущищать», что, значит, защищать, оградить, охранять, заслонить. «Да не ущитятся щиты своими, да посечены будут мехи своими», - говорится в древней летописи.

Вщиж расположен на высоком плато, ограниченном с трех сторон обрывами, так что к нему можно подойти только по узкому крутому подъему. По оценке специалистов, это редко удачное место для крепости и сторожевого поста. «Это был оплот и сторожевой пункт против Родимичей и Кривичей, сначала для Вятичей, потом для русских», - пишет П.И. Якоби в исследовании «Вятичи Орловской губернии.

«Что имя Вщижъ не есть слово русское – в этом, конечно, не может быть сомнения, - продолжает он далее. – Мы имеем в Вятической же земле Щижъ, «кладезь впадающий в Опухту». Приток (ныне Чижь): если принимать это слово как входящее в состав имени Вщиж, то для определительного слова остается лишь одна буква В. Но мы имеем в той же Вятической земле ряд географических имен с окончанием ит или иж...». И автор заключает: Таким образом, на пермятско-вотьяцком языке Вщиж

означает застроенную гору, служащую дозорным пунктом, чем Вщиж и был в действительности».

Бытует и такое среди краеведов. Будто город в древности назывался «Устиж» от слова Усть-Чижа, то есть в устье Чижа.

По переписи 1927 года в селе Вщиж проживало более пятисот человек, а хозяйств числилось – девяносто. Входило село в Бежицкий уезд Овстугскую волость.

Богато прошлое древнего города, где ныне расположено село Вщиж. Кое-что разгадано. Многое же неизвестно.

Заместитель начальника областного управления культуры Ф.И. Белозор рассказал, что на базе музея в селе Овстуг создается музей заповедник Ф.И. Тютчева. Войдут в него также Вщиж и Неготино. Проляжет сюда и туристический маршрут.

Неготино. О древнем поселении здесь людей свидетельствует шесть археологических памятников эпохи палеолита и эпохи бронзы.

В середине тридцатых годов в деревне Неготино числилось 35 хозяйств, в которых проживало 200 человек.

Топоним Неготка имеется ныне в Тюменской области. В сороковом томе «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона вычитал, что город Неготин в начале XIX века находился в Сербии, между реками Дунаем и Тимоком. По-сербски – Нёготин. Откуда возникло имя брянского селения Неготино, не нашел. В XIII веке упоминается имя новгородца Негутин. Возможно, в далеком прошлом было имя Негота. В древнерусском языке встречается слово негода – непогода, ненастье. Бытовало и выражение «неготова дорога» – не проторенная.

ОВСТУЖАНЕ В 1846 г.

АЛЕКСЕЕВ В.П.

Метрическая книга Успенской церкви села Овстуг Брянского уезда была начата в 1818 г., а закончена в 1855 г. На примере записей за 1846 г. постараемся дать срез деревенской жизни того времени. Священником в то время был Павел Преображенский, а дьяконом Павел Петров, дьячком Ефим Яковлев Покровский, а пономарем Вахх Рождественский.

Записи велись с апреля 1840 г. священником Павлом Преображенским, до него священником несколько месяцев был Василий Ненароков, а до сентября 1839 г. священствовал Никита Алексеев Митропольский, а еще раньше Иван Андреев Крылов.

По сравнению с предшественниками, у Павла Преображенского был плохой почерк, и крестьян он записывал по старинке - только по отчеству, без фамилий, хотя многие соседние священники, согласно инструкциям, писали их по фамилиям.

Первая запись от 6 января посвящена рождению и крещению у овстугского крестьянина помещика Тютчева Ефрема Дмитриева и его законной жены Настасьи Андреевой Дочери Домникии. Восприемниками малютки были крестьянин Тютчева Абрам Петров и крестьянина помещика Петра Петрова Суходольского Домна Сергеева.

10 января родился, а 13 был крещен сын тютчевского крестьянина Ефрема Евдокимова Афанасий. Его крестным отцом и матерью были овстугские тютчевские крестьяне Петр Иванов и Александра Алексеева.

Кроме Овстуга в приход входили деревни Дуброславичи, Хоробровичи, Шишковичи.

2 февраля была окрещена дочь дуброславичского крестьянина помещика Тютчева Ивана Герасимова Анна. Ее восприемниками были дуброславичские крестьяне Григорий Никитин и Акулина Григорьева.

Имена крестьянам обычно давали в честь того святого, который был в эти дни в святцах. 2 февраля родились, а на следующий день были крещены и оба получили имя Антония, новорожденные сыновья тютчевских крестьян Трофима Павлова и Тимофея Алексеева. 10 марта именем Евдокия были названы дочери хоробровичского крестьянина Прохора Степанова, принадлежавшего уже новому помещику Николаю Ивановичу Тютчеву и крепостного помещика Николая Алексеева Мамаева из Овстуга Петра Трофимова.

18 апреля у хоробровичского крестьянина Алексея Игнатов и его законной жены Ксении Сидоровой родилась двойня. Мальчика назвали Николаем, а девочку Маврой. Восприемником мальчика, видимо, в честь такого особенного события был сам священник.

Большинство детей рождалось от законного брака, но были и незаконнорожденные. Так, 6 мая родилась, а 9 восприняла святое крещение дочь крестьянской девицы из деревни Шишковичи помещика Алексея Васильева Шереметьева. Восприемниками был шишковичский крестьянин Антон Самсонов и крепостная помещика Шугурина Авдотья Филиппова.

25 мая крестили сына экономического крестьянина Супоневской волости, приписанного к деревне Староселье цыгана Семена Алексеева и его законной жены Анны Васильевой. Восприемниками были овстугский дворовый человек Николая Тютчева Дмитрий Гаврилов и жена дворового человека Марфа Михайлова.

Большие семьи были и у церковнослужителей. 9 июля была окрещена Мария - дочь овстугского дьячка Ефима Покровского и его жены Марии Дмитриевой. Крестным отцом был вольноотпущенный дворовый человек господ Тютчевых Василий Козьмин Стрельков, управлявший господским имением. Крестной матерью была жена священника Варвара Николаевна.

3 августа крестили Анну, дочь дьякона Павла Петрова и его жены Александры Васильевой. Восприемниками были священник села Новоселок Василий Яковлев и овстугская матушка. 11 июля крестили незаконнорожденную дочь девки Марины Андреевой, проживавшей в Овстуге у своего родственника. Лаврентия Андриянова, крепостного помещика Николая Алексеевича Мамаева. Крестным отцом был священник, а крестной матерью - жена дворового человека помещика Мамаева Мария Трофимова.

В доме Тютчевых была многочисленная дворня, поэтому в метрических книгах часто встречаются записи о дворовых людях. 14 июня у дворового человека Ивана Козьмина Стрелкова и его жены Агриппины Киреевой родилась дочь Параскева. Восприемниками были дворовые Филипп Андреев и девка Любовь Никонова. 21 августа у дворового человека помещика Тютчева Матвея Герасимова Цуцкова и его законной жены Марии Алексеевой родилась дочь Наталья. Ее восприемником был вольноотпущенный Василий Козьмин Стрелков и дворовая женщина Федосия Герасимова. Дворовые люди были и у других овстугских помещиков. 2 ноября у Анны Сергеевой, вдовы умершего Гордея Михайлова - дворового человека помещика Мамаева, родилась дочь Анна. За весь 1846 год в Овстугском приходе родилось 67 детей, из них 31 мальчик и 36 девочек.

Из второй части метрической книги мы узнаем обо всех бракосочетавшихся овстужанах. По закону брак мужчинам разрешался с 18 лет, а женщинам с 16, но на самом деле батюшка хотя и записывал возраст, необходимый по закону, но нередко жених и невеста были моложе. Браки крестьянами заключались в основном осенью или зимой, когда было поменьше хозяйственных дел.

18 января бракосочетались крестьянин помещика Суходольского Евтихий Сергеев 18 лет и дочь умершего крестьянина того же помещика Алексея Сергеева Федосья 20 лет.

У помещика Мамаева крестьян было мало, поэтому им приходилось брать невест у других соседских помещиков. Если женились вдовцы, то им еще труднее было найти пару. 8 февраля обвенчались крестьянин помещика Мамаева Григорий Трофимов 25 лет вторым браком и крепостная помещика Мачехина из деревни Дятьковичи Агриппина Родионова 26 лет первым браком. 31 мая мамаевский крестьянин Захар Титов 20 лет женился на вдове Пелагее Авдеевой 26 лет, крепостной того же Мамаева.

В неурочное для крестьян время 5 июля женился крепостной Тютчевых из Дуброславич Астафий Петров 21 года. Дело в том, что 11 мая умерла от горячки его первая жена Наталья Тимофеева, а крестьянское хозяйство вести без хозяйки невыносимо, поэтому Астафий берет себе в жены дочь овстугского крестьянина Акима Григорьева Ефросинью 18 лет.

У тютчевского крестьянина из деревни Хоробровичи Алексея Игнатова 30 лет жена Ксения Сидорова умерла от простуды 25 мая, 8 июля он уже женится на 17-летней дочери хоробровичского крестьянина Марье Гавриловой. 14 октября дуброславичский крестьянин Леон Данилов 42 лет женится третьим браком на вдове Фекле Михайловой 37 лет из деревни Летошники.

Больше всего свадеб было в ноябре. 6 ноября первым браком венчались сразу 6 молодых пар тютчевских крестьян. Еще 5 пар венчались 8 ноября. Женихам было по 19-18 лет, а невестам - по 17-16. Всего же в 1846 г. было обвенчано 18 пар брачующихся.

Третью часть метрической книги читать тяжело, потому что она посвящена умершим. Умирали от разных причин. Первой 3 января умерла от лихорадки крепостная Мамаева Анисья Яковлева 36 лет. Погребали умерших обычно через день на приходском кладбище. 6 января умер от удушья овстугский крестьянин Тютчевых Петр Гаврилов Протичев 63 лет от роду.

Среди умерших овстужан были нередки умершие по старости в преклонных летах. Однако зачастую крестьяне к

старости сбивались в счете своих лет, и возраст значительно завышался, поэтому, когда в записях идет речь о возрасте в 80 или 90 лет, в котором умерли крестьяне, то его всегда нужно занижать на 10-15 лет.

Крестьянская вдова Васса Савостьянова из мамаевских крепостных умерла по старости в 73 года. Тютчевский крестьянин Тит Афанасьев умер 25 февраля в возрасте 93 года. Крестьянская вдова помещика Суходольского Матрена Евстратова умерла 25 марта в 73 года. Тютчевский крестьянин из деревни Хоробрович Роман Федотов скончался 18 апреля в 79 лет.

Следующим покойником за Романом Федотовым был главный человек в Овстуге, старый и добрый барин. 23 апреля скончался в возрасте 69 лет по старости «села Овстуга помещик Иван Николаев Тютчев». 26 апреля его погребли недалеко от церкви.

Краткая запись в метрической книге содержит во-первых, точную дату смерти Ивана Николаевича, а во-вторых, дает более точные указания на его возраст. В «Летописи жизни и творчества Тютчева», составленной Г.И. Чулковым, датой рождения называется 13 ноября 1776 г. Тютчевовед Г. Чагин в «Исповедальной ведомости церкви Николая Чудотворца в Столпах» в записях за 1820 г. нашел запись, что И.Н. Тютчеву в том году было 52 года, т.е. родился он в 1768 г. По записи в метрической книге церкви, отняв от 1845 г. 69 лет, получаем 1776г. Овстугский батюшка записывал возраст своего помещика наверняка со слов самой супруги. Чулков назвал дату рождения тоже со слов внука поэта, директора музея Муранова Николая Ивановича Тютчева. Значит, в семье существовала какая-то стойкая традиция, по которой за дату рождения считался 1776 г. Почему же этой традиции противоречит запись в исповедальной книге? Этот вопрос еще ждет своего разрешения.

1 мая вслед за барином скончался в соответствии с записью в возрасте 82 лет тютчевский крестьянин Астафий Алексеев сын Лексеенков. Однако во всех ревизских сказках отмечено, что он

родился в 1776 г. Значит, в год смерти ему было не 82, а всего 70 лет.

В 82 года умер 1 июля дуброславичский крестьянин Захарий Григорьев. А крестьянин Петр Иванов Формин умер 11 сентября. По записи в метрической книге ему было 98 лет, но в ревизских сказках записано, что он родился в 1767 г., т.е. в год смерти ему было «всего» 79 лет.

Всех в долгожительстве опередила тютчевская крестьянка из Хоробрович Евдокия Наумова, умершая 12 ноября в возрасте 99 лет.

Частой болезнью была чахотка. 29 января от нее умерла крестьянка Суходольского Екатерина Михайлова 43 лет, а 22 марта крестьянин помещика Мамаева Иван Стефанов 32 лет. 6 августа умер от чахотки прихожий крестьянин Смоленской губернии Аркадий Михайлов 17 лет, а 11 ноября дворовый человек Тютчевых Василий Афанасьев 29 лет. В Овстуге были работники, а то и просто прохожие из других мест. 1 июня от слеглой болезни умерла солдатка 52 лет Федосья Мартынова из Белорусской Могилевской губернии.

Федор Иванович Тютчев в одном из своих писем отмечал, пьянство овстужан и даже священников. Метрическая книга подтверждает эти наблюдения. Хотя и редко, но некоторые овстужане упивались до смерти. 28 декабря «от излишнего употребления горячительных напитков» скончался крестьянин помещика Суходольского Денис Николаев 54 лет от роду. Это был последний покойник в 1846 г.

Больше всего косила смерть младенцев. Только за одну неделю с 11 по 18 марта от младенческого припадка скончалось 5 младенцев в возрасте от трех недель до полугода. Постоянными детскими болезнями были корь и оспа. 7 февраля от кори умерла четырехлетняя Ольга, дочь тютчевского крестьянина Никиты Алексева. 28 июня умер Василий 6 месяцев, сын крестьянина Ивана Васильева. 3 апреля от кори умерла трехмесячная дочь Хоробравичского крестьянина Александра Афанасьева Пелагея. Но, слава богу! В том году ни

корь, ни оспа не превратились, как это часто бывало в массовую эпидемию, уносящую жизни сразу десятков младенцев. Всего же в 1846 г. в Овстуге умерло 58 человек, из них 27 мужского пола и 58 женского. Из них 12 мальчиков и 16 девочек умерли в возрасте до 5 лет, в возрасте от 15 до 55 лет умерло 6 мужчин и 10 женщин, а в возрасте от 60 до 100 лет умерло 9 мужчин и 5 женщин. Заколотых, повесившихся и неизвестно пропавших не было.

Сам Федор Иванович Тютчев слишком редко бывал в Овстуге, чтобы его имя попало на страницы метрической книги, но чаще всех бывала его младшая дочь Мария Федоровна. Так, 20 декабря у приходского дьячка Ефимия Яковлева и его законной жены Марии Дмитриевой родилась дочь Анастасия. Её крестным отцом был управляющий имением, ставший уже к тому времени и московским мещанином Василий Козьмин (Стрелков) и дочь статского советника Федора Иванова Тютчева девица Мария.

Таким образом, хотя «Метрическая книга с. Овстуг» содержит мало непосредственных данных о самих Тютчевых, но открывает перед нами обширный пласт сведений о повседневной жизни овстужан - современников Федора Ивановича, что позволяет понять ту историческую эпоху, в которой жил поэт.

ИСТОЧНИКИ:

1. ГАБО. ф.1, оп.2. ед. хр. 91.
2. ГАБО. ф. 543, оп.1. ед. хр. 277.

Ф.И. ТЮТЧЕВ И ВЩИЖ: СОСЕДСТВО ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

С.А. НИКУЛИНА

Предлагаемая в данном исследовании версия-размышление основана как уже на известных и введенных в научный оборот, так и на вполне вероятных фактах из жизни и творчества нашего великого земляка, поэта и философа. Для подтверждения их привлечены архивные документы (в том числе впервые публикуемые здесь), письма, воспоминания, стихотворения; источники и публикации от 1818 до 2000 года включительно.

*«...из тумана
давно забытой старины...»*
Ф. Тютчев

Родившийся в 1803 году в селе Овстуг в семье, соединившей кашинскую линию дворян Тютчевых и московскую рода Толстых, Ф.И. Тютчев с юных дней своих хорошо знал достопримечательности как ближних окрестностей родного села, так и устные предания (самыми волнующими из них были, наверное, не одни только клады разбойника Кудеяра) (1).

Совсем рядом с Овстугом - на расстоянии часовой пешей прогулки – находился Вщиж, некогда удельный княжеский город, а с XVII века полученное от московских государей владение помещиков Зиновьевых.

Надо полагать, за первые четырнадцать лет жизни во время многомесячного проживания в Овстуге многочисленными были Феденькины прогулки по берегу реки Десны (отличающемся в здешних местах исключительной живописностью), к озеру Бечину (с произрастающим на нем удивительным редким водяным орехом – чилимом), к вщижским курганам (из самого

высокого из них – «заветного», находившегося в центре села – местные крестьяне выкапывали медные нательные крестики, иконки и другие древние вещи). А разве можно было ни посетить неповторимый по красоте, высоко вознесшийся над деснянскими просторами мыс, где от древнего русского города остались не только россыпи глиняных черепков от разбитой посуды, но и высокие валы, и широченные глубокие рвы от земляных укреплений. Вероятно, уже тогда были прочитаны Ф. Тютчевым исторические сочинения В.Н. Татищева и М.М. Щербатова, упоминающие Вщиж и его князей.

И первый учитель С.Е. Раич, и другие современники отмечали рано проявившиеся способности Федора Тютчева, его страсть к чтению, острый аналитический ум. И.С. Аксаков писал впоследствии о Ф.И. Тютчеве, который, утоляя «всегда томивший его умственный голод», на всю жизнь сохранил способность «читать с поразительной быстротою, удерживая прочитанное в памяти до малейших подробностей». А круг его чтения составляли «все вновь выходящие, сколько-нибудь замечательные книги русской и иностранной литератур, большей частью исторического и политического содержания» (2, с. 42).

14-летним юношей, алчущим знаний, он стал вольнослушателем Московского университета, а осенью 1819 года (в 16 лет!) был зачислен студентом на словесное отделение.

Сохранились воспоминания однокашника Ф. Тютчева Михаила Петровича Погодина (впоследствии - известного историка и публициста) о круге интересов молодого Тютчева: «Мне представился он в воображении, как в первый раз пришел я к нему, университетскому товарищу, на свидание во время вакации, пешком из села Знаменского, под Москвой, на Серпуховской дороге, в Троицкое, на Калужской, где жил он в своем семействе ... молоденький мальчик с румянцем во всю щеку, в зелёньком сюртучке, лежит он, облокотясь на диван, и читает книгу» (3, с. 24).

Впоследствии М.П. Погодин (бывший на три года старше Тютчева) на протяжении почти полувекового знакомства помечает в своем дневнике темы их разговоров, благодаря чему мы имеем свидетельства напряженной умственной деятельности интересующего нас человека.

С начала знакомства, 1820 года, одна из часто упоминаемых фамилий-тем – Н.М. Карамзин. «... 1820 г. 25 августа ... разговаривал с Тютчевым и его родителями о литературе, о Карамзине, о Гёте, о Жуковском...» (3, с. 24).

И имя и тема не случайны в разговоре и с родителями и с 17-летним Федором Тютчевым, студентом словесного отделения. В 1818 году вышли в свет 8 первых томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. О всеобщей моде на это издание А.С. Пушкин выразился так: «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего Отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили». О ее фантастической популярности говорят и факты. Со 2 по 27 февраля был раскуплен весь тираж в три тысячи экземпляров. В столице восьмитомник в переплете стоил 50 рублей, в Москве (где жили Тютчевы) его продавали уже по 58 рублей, а в начале апреля Николай Тургенев сообщал, что книги продаются по двойной цене. Вскоре была объявлена подписка на второе издание – на 400 экземпляров в провинции (при этом Москва и Иркутск заказали одинаковое количество – по 50 экземпляров) и в этом же 1818 году был отпечатан его первый том (последний – XII – в 1829 г.).

Так что речь в той беседе, вероятнее всего, шла о Карамзине-историке.

Хотя влияние на молодого Тютчева и Карамзина – стихотворца легко обнаруживается в отроческих стихотворениях: «На новый 1816 год» и напечатанную в 1820 г. «Уранию».

Возможно, в разговоре упомянута была и монаршая милость: именно Н.М. Карамзин выхлопотал своему молодому сотруднику – Погодину – денежную субсидию.

Очевидно, Карамзиным и его «Историей» жадный интерес Федора Тютчева к древней истории далеко не был утолен. В том же 1820 году в ответ на сообщение М. Погодина о желании «перевести Нестора на латинский язык для немцев» Тютчев посоветовал ему перевести «Слово о полку Игореве». (3, с. 12).

«1821 год. 17 июля. Ходил пешком к Тютчеву (верст 7), говорил с ним и Вас. Ив. Оболенским ... о Карамзине, о характере Иоанна IV, ...» (3, с. 18).

Итак, вновь Погодин обсуждает свежие новости - «Историю государства Российского». Новый, IX том стоимостью 15 рублей (472 страницы текста и 287 страниц примечаний) поступил в продажу в мае 1821 года. Содержание его – злодеяния Ивана Грозного, Ермак и Сибирь. Современники Карамзина (будущий декабрист Лорер) шутили: «В Петербурге оттого такая пустота на улицах, что все углублены в царствие Ивана Грозного». Поэт Рылеев 20 июля 1821 г.: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю чему больше дивиться, тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита». (4, с. 125).

Несомненно, этот труд литератора и, по выражению Пушкина «подвиг честного человека», должен был произвести глубокое мировоззренческое впечатление на молодого русского, откликнувшегося много лет спустя прославянскими настроениями стихов и высказываний Ф.И. Тютчева.

Между тем, вышедшее вскоре в свет второе, исправленное и дополненное издание «Истории» Карамзина содержало отклик одного из читателей – соседа Тютчевых по Овстугу, вщижского помещика, Михаила Николаевича Зиновьева. Его письмо, опубликованное в Примечаниях ко второму тому, ныне хорошо известно всем, интересующимся историей Вщижа. Но тогда, в 1819 году, именно с его помощью Н.М. Карамзин смог отождествить летописный и географический Вщиж. М.Н. Зиновьеву (как и Ф. Тютчеву) благодаря исследованию

Карамзина, познакомившемся с летописными данными о Вщиже, были давно хорошо знакомы «... следы земляного укрепления, ... большие гранитные кресты... Никто не знает, когда и кем сии кресты поставлены... На полях много курганов: один из них в самом селе, и наполнен старыми кирпичами: сказывают, что тут была церковь...» (5, прим. 397).

В последующие годы Н. Карамзин продолжает работу над очередными томами, а его молодой сотрудник в дневнике помечает: «1822 год. 23 января. Заходил к Тютчеву... говорил о словесности Мерзлякова, Карамзина». (2, с. 13). Это последняя запись Погодина о встрече с Ф. Тютчевым перед длительной разлукой. 5 февраля Ф.И. Тютчев уедет в Санкт-Петербург – на службу в государственную коллегии иностранных дел, а с 11 июня – на долгих 22 года будет направлен служить государству Российскому за границу...

«Через ливонские я проезжал поля...»
(1830 г.)

1822-1846 годы («целая жизнь», по словам Ф.И. Тютчева), вместили очень многое, как детально известное ныне, так и полностью канувшее в Лету. Перечислим лишь важнейшие из этих событий: Ф.И. Тютчев в 19 лет (сдав досрочно выпускные экзамены в университете) обретает престижную (хотя и не во всем удовлетворявшую его) службу на дипломатическом поприще, посещает страны Европы и общается с выдающимися умами своего времени, красивыми женщинами, женится, становится отцом семейства, печатается в пушкинском журнале «Современник», время от времени наезжает в Россию с дипломатической почтой, слушает концерты Паганини в Германии и лекции в Париже, посещает нашумевшие спектакли в лучших европейских театрах, овдовев, женится вторично, «уходит» со службы в частную жизнь. Возвращается в Россию.

*О бедный призрак, немощный и смутный,
Забытого, загадочного счастья*

23 апреля 1846 года в Овстуге скончался Иван Николаевич Тютчев. При первой же возможности братья Николай и Федор Иванович Тютчевы отправились на могилу отца. Путь их лежал через Москву и Калугу на Брянск и Овстуг. (На сегодняшний день - это единственный достоверно известный визит Ф.И. Тютчева в «исторический, но далеко не великолепный Брянск» (6, с. 98)).

Это была первая поездка в родовое гнездо после долгого отсутствия. «Не знаю еще, какое впечатление произведут на меня родные места, которые я покинул 27 лет тому назад», - пишет он жене в Санкт-Петербург. В последующих письмах жене и матери – информация о небогатых событиях днях: панихида (по приезду) по отцу и получение от него последнего письма (написанное к старшему сыну за границу, оно кружным путем вслед за адресатом вернулось в Овстуг), визиты старых знакомых соседей помещиков: Небольсиных 30 августа, Правиковых 31-го, С.Ф. Яковлева – 1 сентября, ежедневной гостии, оживляющей «невыносимо скучные вечера» В.А. Жабиной. Темы бесед не сообщаются, зато из каждого письма видно как рвется в столицу к свету, к жене и миру новостей Ф.И. Тютчев, рвется из «старой реликвии-дома, в котором мы некогда жили, и от которого остался лишь остов, благоговейно сохраненный отцом, для того, чтобы со временем, по возвращении моем на родину, я мог бы найти хотя бы малый след, малый обломок нашей былой жизни...!» (7, с.88). Но «зачарованный мир детства, так давно растаявший и сгинувший», существовал уже лишь в воображении, а все окружающее представлялось 43-летнему поэту лишь «царством теней».

А между тем «царство теней» дало о себе знать в те годы весьма неожиданным образом. Не появившаяся в этот приезд в поле зрения Ф.И. Тютчева соседка Вера Михайловна Зиновьева

(по мужу генеральша Фомина) получила своеобразное послание из далекого прошлого. Об этом Поликарп, епископ Орловский и Севский, 14 ноября 1866 г. сообщал ОберПрокурору Святейшего Синода графу Д.А. Толстому: «...До 1840 г. никто не обращал внимания на курган, находящийся внутри села. Поступивший в том году в село Вщиж священник Никита Митропольский (ныне умерший), по своей любознательности расположил помещицу этого села Веру Зиновьеву, ныне Фомину, разобрать этот курган. Следствием этой разработки кургана было то, что в глубине его было отыскано основание церкви, найдены были разные церковные вещи: подсвечники, полукруги (вероятно находящиеся над царскими воротами), несколько крестов... Судя по уцелевшим стенам, которые и доселе возвышаются на 2,5 аршина, можно заключить, что устройство этой церкви древнегреческого стиля. Кругом церкви была галерея...» (8).

Работы сочли завершенными, когда углубились до уровня балок для помоста храма. Внимание исследователей привлекли необычной формы и размеров кирпичи (плинфа), использованные для строительства. Необычной была и кладка стен, где толщина слоя раствора равнялась толщине кирпича.

Кроме того, в 1842, 1844 годах, в окрестностях церкви были обнаружены «до 50 человеческих скелетов... лицами на восток, а у наружной стены у правой стороны жертвенника, каменный склеп... [со скелетом] Великого князя Святослава Владимировича...» (8).

Развалины обнаруженной церкви были для сохранности обнесены деревянным срубом, затем оба вщижских священника отслужили соответствующие молебны.

Все найденные древние вещи (в основном церковного обихода) в 60-е годы хранились В.М. Фоминой дома, в Москве. Первое печатное сообщение о них (неточное в отдельных деталях) принадлежало И.М. Снегиреву («Памятники древних художеств России», Москва, 1850. №4.). В «Санктпетербургских ведомостях» в двух номерах (№93 и №94) в 1844 году публиковалась статья Поляновского «Село Вщиж».

Учитывая интересы и способности Ф.И. Тютчева (в том числе к быстрому чтению), возможно, что обе эти публикации были ему знакомы. «Он любит все знать», - отмечала в автобиографических записках А.О. Смирнова (та самая, ради которой он в 1846 году по дороге в Овстуг на отцовскую могилу) сделал крюк, заехав в Калугу. Ей вторит брат второй жены Ф.И. Тютчева, Эрнестины, - Карл Пфедфель: «Тютчев, который должен все видеть и все знать...» (3, с. 480, с. 187).

...В Россию можно только верить.

Глубиной мыслей Ф.И. Тютчева об исторических судьбах России восхищался, встретившись с бывшим однокашником после долгой разлуки, М.П. Погодин. «...В Германии прожил он лет двадцать сряду. Воротясь в отечество, поселился в Петербурге. Услышав его в первый раз, ... заговорившего о славянском вопросе, я заслушался его.... Как мог он, проведя... половину жизни за границей, не имев почти сообщения со своими, среди враждебных элементов, живущий в чуждой атмосфере, где русского духа редко бывало слышно, как мог он ... ощутить в такой степени, сохранить, развить в себе чистейшие русские и славянские начала и стремления?... Впоследствии... я удостоверился, что никто в России не понимает так ясно, не убежден так твердо, не верит так искренно в ее всемирное, общечеловеческое призвание, как он...» (3, с. 24).

Сам же Ф.И. Тютчев примерно в то же время (ноябрь-декабрь 1844 г.) сокрушался в письме к П.А. Вяземскому по поводу статьи Сиприена Робера «Греко-славянский мир»: «...Но не прискорбно ли видеть, что иностранец, почти враг, имеет о нас, - о том, что мы есть и чем можем быть, - такое точное понятие и такой ясный исторический на нас взгляд, чего мы совершенно лишены; доказательством этому служит то, что у нас весьма многие, даже из числа наиболее передовых людей, прочтут эту статью и ничего в ней не поймут.... Скажу больше:

в ненависти этого иностранца заключается не только больше понимания, но и больше симпатии...» (7, с. 74).

Известно выражение Федора Ивановича – отца в письме к дочери – Анне: «... когда потом ты сама будешь в состоянии постичь все величие этой страны и все доброе в ее народе, ты будешь горда и счастлива, что родилась русской». (Москва, июнь 1845 г.) (7, с. 77). Для него это были отнюдь не красивые слова, а истинное состояние его души, буквально пронизываемой «струями чистейшего народного духа». Совсем не случайны в этом ряду и поездки и ощущения Ф.И. Тютчева, отразившиеся в его письмах и стихах.

В 1862 году он – в Новгороде, принимает участие в празднествах в честь тысячелетия России.

В 1868 году – пребывание в Старой Руссе. Из письма дочери Анне: «... Весь этот край, омываемый Волховом, это начало России, к которому она возвратилась ненадолго, - место весьма любопытное. Среди этих беспредельных, бескрайних величавых просторов, среди обилия широко разлившихся вод, охватывающих и соединяющих весь этот необъятный край, ощущаешь, что именно здесь – колыбель Исполина». (9, с. 338).

А вот как увиделась ему неразрывная всемирно-историческая связь событий во время летней поездки 1869 года в Киев. 26 июля он адресовал жене эти строки: «... я ничуть не сожалею о своей долгой остановке в Курске.

Итак, вот еще одно из тех мест, которое – не будь оно в России – давно бы уже служило предметом паломничества для туристов. Во-первых, расположение его великолепно и смутно напоминает окрестности Флоренции, как бы смешно не показалось подобное утверждение. А затем совершенно особенное впечатление произвела на меня моя вчерашняя прогулка по возвышенностям. У подножия этих возвышенностей, на которых расположен город, представь себе реку, искрящуюся на солнце и усеянную сотнями купающихся. Можно было вообразить себя перенесенным ко временам мифологическим! Действительно, вся местная молодежь ...

наподобие нескольких стай уток и гусей, резвились тут столь же непринужденно.... Это мне напомнило одну французскую пьесу, которую я когда-то видел в Париже, ... поэтически воспроизводившую разные сцены, олицетворяющие возврат целого населения благодаря жаре к чисто первобытному состоянию...

... я унесу из Курска самое благоприятное впечатление, и оно останется таковым, если только не повторится, ибо в сущности лишь в самые первые минуты ощущается поэтическая сторона всякой местности. То, что древние именовали гением места, показывается вам лишь при вашем прибытии, чтобы приветствовать вас и тотчас же исчезнуть...» (7, с. 236-237).

А Аполлону Майкову адресованы строки, которые нельзя читать без волнения: «...Милое письмо ваше я получил еще в Киеве, и оно было вполне созвучно с тем хорошим впечатлением, которые я вывез из этой местности. Да, я Киевом остался совершенно доволен. Он оказался принадлежащим к той редкой категории впечатлений, оправдывающих чаемое. Да, замечательная местность, закрепленная великим прошедшим и очевидно предназначенная для еще более великого будущего. – Тут бьет ключом один из богатых родников истории.

Мне удалось видеть Киев в очень счастливую живописную минуту при встрече им государя вечером 30-го июля, при освещении всех этих достославных Киевских – с их золотоголовой святыней, и отражении в Днепре. – Картина была поистине волшебная.... Какой-то новый мир, какая-то новая, своеобразная Европа вдруг раскрылась и расходилась по этим широким русским пространствам – на всех трёх линиях движение неимоверное, а это только слабое начало...» (7, с. 239).

Что провиделось в это жаркое лето поэту и философу, вернувшемуся полным таких впечатлений в тихий Овстуг? Можно только гадать. Но, возможно, когда-нибудь станет известным о чем беседовал он перед этой поездкой с соседкой Верой Михайловной Фоминой (Зиновьевой). В уже

процитированном выше письме жене из Курска он сообщает о еще одной встрече с ней: «...На станции Городец я провел два томительных часа, т.к. третьего дня изменили расписание поездов. В пути я вновь встретился с Фоминой, которая занимала отдельное купе. Она была со мной приветлива, но сдержанна, очевидно опасаясь, как бы я не попытался водвориться в ее уголке.

Теперь полдень, - в 4 часа я уезжаю в Киев». (7, с. 237).

То обстоятельство, что генеральша названа только по фамилии, свидетельствует о близком знакомстве и общении, а отсутствие интересующих нас деталей (о Вщиже) в этом письме, говорит об отсутствии новостей. Действительно, период известных нам активных действий для Веры Михайловны Фоминой пришелся на три года ранее.

В августе 1866 года она подала на высочайшее имя прошение о пособии или объявлении добровольной подписки на строительство новой (или возобновление старой) церкви в селе Вщиж Орловской губернии Брянского уезда на месте погребения удельного князя Святослава Владимировича (зятя Андрея Боголюбского). К прошению была приложена особая докладная записка на имя князя Сергея Александровича Долгорукого с необходимыми подробностями дела. Приводим полный ее текст (ранее не публиковавшийся).

«В сороковых годах по распоряжению моему разрыт курган в родовом моем имении селе Вщиж, Орловской губернии Брянского уезда на берегу реки Десны и открыты значительные остатки стен каменной церкви времен удельного княжества Вщижского, существовавшего по летописям в 1144-м году и где защищался против князей Черниговских и половцев князь Святослав Владимирович, женатый на дочери Андрея Боголюбского и который скончался и погребен во Вщиже в 1166-м году («История» Карамзина, том II, Издание второе), и место погребения его при разрытии церкви отыскано у наружной стены с левой стороны жертвенника. При разрытии также найдены в церкви разные древние церковные вещи: два

медных подсвечника, два медных орнамента со славянской надписью, по месту их нахождения, вероятно от Северных и Южных алтарных дверей. Малое паникадило, медные образки – складной серебряный крестик с изображением распятия и много разных железных и свинцовых вещей. Все это мужем предъявлено на рассмотрение Московского Археологического Общества, которого он состоит членом.

При самом открытии развалин этой церкви во мне проявилось желание, если нельзя возобновить, то в таком же древнем стиле воздвигнуть церковь во имя Преображения Господня с приделом святого Великомученика Георгия, которыми именуется ныне находящаяся в селе Вщиж ветхая деревянная церковь. Своими средствами я не в состоянии этого сделать, муж мой, прослужа 38 лет в Артиллерии, удостоившись производства в Генералы, уволен пансионом от службы, и при искреннем желании не имеет также средств на возобновление этого храма, Вщижский приход очень бедный, и так мы должны остаться при одном желании; по смерти же нашей, как мы бездетные, то и желание наше вместе с древней церковью зарастет травой забвения.

Нам пришла вдохновенная мысль просить Вас найти счастливый случай предоставить посылаемые при этом некоторые найденные церковные вещи на благосклонное Всемиловитвейшее воззрение Их Императорских Величеств и не будет ли оказано милостивого внимания древней Русской святыне, какою-либо жертвою и соучастием. Благоговейное внимание Русских людей к Главе и Покровителям Православия дополнит остальное и с священного Верховного начала, при покровительстве Божиим, возрастут средства воздвигнуть над развалинами древней Княжеской церкви новый храм, для приношения бескровной жертвы и самой усердной молитвы за долголетие и благоденствие Императорских Величеств и всего царствующего Дома» (8).

В.М. Фомина выбрала, как ей казалось, удачный момент для своего ходатайства. Но в апреле 1867 г. пришло

официальное известие: «... Святейший Синод, по рассмотрении ... бумаг ... г-жи Фоминой, признает желание ее воздвигнуть на развалинах древнего церковного памятника храм, по возможности в прежнем стиле, весьма уважительным, но оказать ей пособие на этот предмет из церковно-строительного капитала не находит возможным как по ограниченности этого капитала, так и по многочисленности строительных нужд, подлежащих удовлетворения за счет оногo...» (8).

Обо всем этом – раскопках «заветного кургана», попытке сбора средств для строительства церкви и отказе высочайших властей в материальной помощи Ф.И. Тютчев мог узнать как из первых уст, так и от соседей-помощников, как в Москве, так и в один из приездов в Овстуг (где он бывал в 1846, 1849, 1852, 1853, 1855, 1865, 1868, 1869, 1870 и 1871 год) (см. 6, с. 182). Жена его проживала здесь с детьми по многу месяцев и была в курсе небогатой событиями местной жизни. А среди соседей-помещиков по Брянскому уезду было несколько таких, чьи интересы простирались дальше границ собственного хозяйства.

Уже упоминавшийся выше Семен Федорович Яковлев был автором напечатанной в 1853 году в Москве на французском языке книги по проблемам политической экономии. Книгу эту Ф.И. Тютчев прочел и высказал свое мнение о ней в письме к жене.

Владелец села Хотылево, Василий Михайлович Тютчев, с 1816 г. служил в лейб-гвардии гусарском полку, расквартированном в Царском селе. Здесь молодой гусар встречался с лицеистом А.С. Пушкиным. По имеющимся данным их знакомство продолжалось и позже. Выйдя в 1836 г. в отставку в чине полковника, В.М. Тютчев был избран орловским губернским представителем дворянства. Оставался он на этом посту с 1838 по 1847 г., т.к. дважды переизбирался. В 1852-1858 гг. им, действительным статским советником, были подписаны вольные только в с. Хотылево 17 крестьян и 12 дворовых – это значительно больше, чем кем-либо еще из брянских помещиков. (10, с. 120).

Показательны и «коллекционеры», входившие в Тютчевский круг общения.

В августе-октябре 1865 года в Овстуге впервые побывал с молодой женой – Марией Федоровной – зять Ф.И. Тютчева, Николай Алексеевич Бирилёв. Герой Крымской войны, капитан первого ранга, флигель-адъютант императорской свиты в 1858-1864 годах, командуя вначале корветом, а затем фрегатом «Олег», он совершил дальние плавания к берегам Амура и Японии. Собранные за это время огромные коллекции морских предметов и этнографии он передал в дар Академии наук, позднее они экспонировались в Кунсткамере. Ну, а Ф.И. Тютчев получил в подарок от зятя снаряды (ядро и картечь) из Севастополя (3, с. 609).

Удалось ли Федору Ивановичу увидеть и поддержать в руках реликвии Вщижской обороны более чем полутысячелетней давности? Возможно, да, и мы еще прочитаем об этом в каком-либо из, еще не введенных в научный оборот, писем поэта. Возможно, нет. И тогда, станут понятней строки:

От жизни той, что бушевала здесь,...

Что уцелело, что дошло до нас?

Два-три кургана...

О несомненном интересе Федора Ивановича к древностям свидетельствуют выдержки из переписки с С.С. Уваровым, президентом Академии наук, чьи взгляды Ф.И. Тютчев не разделял, но ... В имении Уварова – Поречье, в Можайском уезде Московской губернии, было сосредоточено его собрание древностей. 20 августа 1851 Тютчев выражает в письме «искренние и ... чистосердечные сожаления ... об испытанном мной разочаровании, когда... в ту самую минуту, когда я намеревался отправиться на поклон к гостеприимным богам Поречья, я был внезапно вызван в Петербург ... и я вынужден отложить на неопределенный срок исполнение намерения, так давно меня пленявшего и занимавшего...» (7, с. 134).

(Любопытная причуда истории: именно сын С.С. Уварова – граф Александр Сергеевич Уваров, Председатель Московского Археологического общества под покровительством Его Императорского Величества Государя Наследника, в 1866 году давал письменное «экспертное заключение» о древности найденных Верой Михайловной Фоминой церковных предметов из Вщижа, «... а равно о степени исторической достоверности сведений», изложенных в исторической части ее докладной записки. Перу А.С. Уварова принадлежит и сообщение «Древний храм во Вщижском городище», опубликованное в 1910 г. (11, с. 386)).

О предыдущей встрече с тогдашним министром народного просвещения Тютчев пишет жене 1 июля 1877 года: «... Сегодня в 5 часов я обедаю у министра Уварова, которому не хотелось отпустить меня, не исполнив одного своего давнишнего обещания». (7, с. 95)

В письмах к жене Ф.И. Тютчев предельно откровенен, не жалеет подробностей, особенно когда это касается дорогим им обоим предметов или сторон жизни. Вот, например, письмо, написанное в июле 1847 г.: «... Вчера утром я любовался местностью сквозь пролет огромного старинного полуразрушенного окна древнего баденского замка. Этот замок представляет собой очень живописные руины, которые как бы парят на высоте 1. 400 футов над очень живописной местностью.... Все это очень красиво, но когда я обернулся, чтобы заговорить с тобою – тебя рядом не оказалось.... Оказывается, ты за пятьсот верст отсюда... Странное дело!... ничто человеческое не напоминает мне о тебе. Но вижу ли я селение или, как вчера, руины, или еще лучше, готический храм, - тотчас же ты являешься мне...». (7, с. 99)

Кому еще могли быть адресованы следующие строки в августе 1848 г.: «... На этот раз я уехал в Москву в чудесный вечер. Я смотрел на ее купола и пестрые крыши твоими глазами и имея тебя в виду... Кремлевский дворец стал еще выше, - теперь его громада стала виднее. Как-нибудь утром я пойду

осматривать его изнутри... Поклон Вяземским и Карамзиным, а Софье – особенный...» (7, с. 82-83). Как видно, не мог уехать Федор Иванович из Москвы, не осмотрев строившийся в те годы по проекту К.А. Тона Большой Кремлевский дворец.

Как видно, совсем не случайной была совместная поездка супругов 17 августа 1871 г. «во Вщиж к Фоминой» и стихотворение, посвященное и историческому прошлому народа и подруге жизни, понесшей к тому времени, совместно с Ф.И. Тютчевым многочисленные и невозполнимые утраты родных и близких (12).

Эти размышления о мировом порядке и гармонии, возможно, были призваны утешить и утишить глубокую скорбь утрат...

Этот приезд в родные пенаты и поездка во Вщиж оказались в жизни Федора Ивановича последними. Но, возможно, известное стихотворение, вовсе не было единственным отражением этого путешествия в многогранном зеркале его души. Возможно, здесь, на высоком обрыве над древней рекой явилось ему видение похожее на то, давнее, так пронзительно пережитое и описанное им после посещения Кремля в письме жене 9 сентября 1855 года.

«...Вчера ... я поднялся на первую площадку Ивана Великого, покрытую народом, ожидавшим ... появления государя. И тут меня вдруг вновь охватило чувство сна. Мне пригрезилось, что настоящая минута давно миновала, что протекло полвека и более, что начинающаяся теперь великая борьба, пройдя сквозь целый цикл безмерных превратностей, захватив и раздробив в своем движении целые государства и поколения, наконец закончена, что новый мир возник из нее, что будущность народов определилась на многие столетия, что всякая неуверенность исчезла, что суд Божий совершился. Великая империя основана... Она начинала свое бесконечное существование там, в краях иных, под солнцем более ярким, ближе к дуновениям юга и Средиземного моря. Новые поколения, с совсем иными воззрениями и убеждениями

господствовали над миром и, уверенные в достигнутых успехах, едва помнили о тех печалях, о той тоске и темной ограниченности, в которой мы живем теперь. И тогда вся эта сцена в Кремле, при которой я присутствовал, эта толпа, столь мало сознававшая, что должно свершиться в будущем, и теснившаяся, чтобы видеть государя, который так недолго просуществует и жизнь которого так скоро будет подорвана и поглощена при первых же испытаниях великой борьбы, - вся эта картина показалась мне видением прошлого и весьма далекого прошлого, а люди, двигавшиеся вокруг меня, давно исчезнувшими из этого мира... Я вдруг почувствовал себя современником их правнуков...» (7, с. 173).

***

В 1999 году на бывшем Кальницком поле, рядом с последним уцелевшим курганом, появился гранитный валун, привезенный по реке из соседнего района. На серой поверхности камня высечены строфы из тютчевского «По дороге во Вщиж». Этот кенотаф как бы поставил логическую точку в земном бытии Ф.И. Тютчева, похороненного с семьей далеко от родных пенатов...

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

1. **В окрестностях** села Вщиж – в нескольких верстах по дороге на Овстуг и сельцо Рудное – находилась в начале XIX века местность, носившая название «Кальница», где по обеим сторонам дороги насчитывалось среди дубовой рощи до двух десятков курганов. Восемь из них были увенчаны гранитными крестами. Место это было обязательным для посещения всех местных свадебных поездов даже в первой половине XIX века. Старый дуб при этом получал в жертвоприношение водку, а кресты (после введения христианства ими стали трансформированные изваяния каменных идолов) на курганах

увешивались нательными оловянными или медными крестиками, в другое время – венками, ожерельями.

Легенды утверждали, что каменные кресты – это остатки заколдованного каменного поезда околдованного знахарем, а дуб некогда стоял на берегу святого озера, которое впоследствии ушло с горы, на самом же кальницком поле происходила когда-то битва.

У местных крестьян сохранялись еще языческие обряды: крещение кукушек на Николин день, печение блинов и прыганье ночью в одних рубахах через костры – в четверг перед родительской субботой, пристегивание халата на манер вожжей к лошади, везущей гроб с телом (на похоронах женщины), обычай присылать «лежаку» из дома жениха к невесте на две-три недели до сватанья, и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сведения собраны брянским краеведом П.Н. Тихановым. См. Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей: фонд 777, Тиханов П.Н., оп. 1, д. 211.
2. Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева, 1886.
3. Литературное наследство. Том 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 2 - М., 1989.
3. Эйдельман Н.Я. Последний летописец. - М., 1983.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского. 5-е изд. - СПб., 1842-1843.
5. Алексеев В.П. Тютчевский Овстуг. - Брянск, 2000.
6. Тютчев Ф.И. Сочинения в двух томах. Том 2. - М., 1980.
7. ЦГИА РФ. Фонд 797, оп. 36, III отд., №98.
8. Литературное наследство. Том 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. - М., 1988.
9. Крашенинников В.В. Из истории селений Брянского района. – Брянск: Придесенье, 1999.

10. Уваров А.С. Древний храм во Вщижском городище//Сборник мелких трудов. Т. 1. – Москва, 1910. Табл. СХХ.
11. Ф.И. Тютчев писал жене из С. – Петербурга: «...Посылаю тебе стихи... Они напомнят тебе поездку нашу во Вщиж к Фоминой, потому что были тогда написаны:
12. По дороге во Вщиж, августа 17, 1871 г. «От жизни той, что бушевала здесь».
13. См.: Парыгин В.П., Алексеев В.П. Из противоречий сотканный талант. – Брянск, 1993. – С. 93.

РОДСТВЕННИК Ф.И. ТЮТЧЕВА ПОЭТ ДМИТРИЙ ЛИЗАНДЕР

В.П. АЛЕКСЕЕВ

Неисповедимы судьбы людские. Иногда в одном человеке пересекаются самые неожиданные национальные, профессиональные, религиозные линии. Такое удивительное сплетение представляет родословное древо незаурядного русского поэта XIX века Карла фон Лизандера. Его дедушка по отцу остзейский дворянин на русской службе, а дедушка по матери полковник Дмитрий Николаевич Тютчев. Среди предков Лизандера был не один поэт. Основатель рода Лизандеров за его поэтические заслуги был даже увенчан лавровым венком, а дедушка Дмитрий, хотя и был известен больше как самый буйный помещик, наводивший ужас на всех своих соседей сразу в трех губерниях, тоже писал неплохие стихи. Двоюродный дядя Карла Лизандера - Федор Иванович Тютчев, был старше его всего на одиннадцать лет. Наверное, неслучайно, что и сам Карл Лизандер с юных лет пристрастился к поэзии,

Род Лизандеров происходил из области Альтмарк в восточной Германии из окрестностей Остербурга, Стендаля или Тангермюнде. В 17 и 18 веках представители фамилии Лизандеров частенько встречаются в документах курляндских городов: Риги, Гольдингена, Митавы, Ванска, Фридрихштадта. Среди них были и люди благородного сословия, но чаще бюргеры или священники. Основателем дворянского рода был магистр Петр Лизандер из Остербурга в Альтмарке. Он был пастором и в 1579 г. после возобновленного краткого обучения был имматрикулирован в Кёнигсбергском университете. Некоторые исследователи предполагают, что фамилия Лизандеров происходит от Листманов и является его латинизированной формой. Тогда возможно отцом Петра Лизандера мог быть упоминаемый между 1546 и 1558 годами пастор Иоанн Листман, а сам Петр тоже начал свою

деятельность, в 1571 г. под фамилией Листмана, пастором в приходе Вильснак, вблизи Пригница. После избрания польским королем Стефана Батория, Петр Лизандер отправляется к королевскому двору и служит в канцелярии в течение трех лет, участвует в походах Стефана Батория. Наверняка ему пришлось принять участие и в осаде Пскова. Он выступал как придворный поэт, прославлявший в латинских стихах подвиги своего царственного покровителя. На этом редком поприще он добился признания. 31 марта 1581 г. в Риге Стефан Баторий публично увенчал его лавровым венком поэта и даже удостоил дворянского звания. В королевском дипломе были отмечены поэтические заслуги Лизандера: «*in contento carmine facilitas pari suavitate conjuncta veteres paetas qui potissimum Augusti tempore floruerunt, si non superat, serte mira felicitate aemulatur*» («в усердном сочинении песен, как по легкости так и по наслаждению подобных, древним поэтам, процветавшим во времена могущественного Августа и даже с удивительным счастьем соперничающих с ними»). Не много в истории было случаев, чтобы за стихи жаловали во дворянство. Позже Петр Лизандер был пастором церкви в Буртнекше в Лифляндии. Последнее упоминание о нем относится к 1594 г. Во время пожара церкви сгорела королевская грамота на дворянство. Еще в Стендале у Лизандера родился сын Андреас, умерший около 1648 г. пастором в Гакенхазене в Курляндии.

У Андреаса было семь сыновей, но потомство Лизандеров продолжил четвертый из них Петр II, занимавший должность пастора в Угалене. Братья Лизандеры 26 февраля 1651 г. обращаются с прошением к курляндскому герцогу о подтверждении дворянских привилегий. Просьба была направлена из герцогской канцелярии в курляндско-земгальский сейм, однако на заседании сейма 1652 г. на нее не было дано ответа. Только 12 ноября 1684 г. в Жолкве король Ян Собесский подтвердил дворянство сыновьям Петра II Иову и Петру III. Курляндский герцог тоже пообещал утвердить их в благородном достоинстве, однако курляндский ландтаг и на этот раз не довел

дела до конца. Только в 1841 г. Лизандеры были внесены в курляндские матрикуляционные списки. За ними был утвержден герб: на щите, окруженная венком, выступала полуобнаженная женщина с поднятыми вверх руками. Щит увенчан дворянской короной, на которой помещено поясное изображение обнаженной женщины с длинными распущенными по спине волосами, поднятыми вверх руками, на которых вместо пальцев пятилепестковый цветок. Петр III был женат на Эмерентии Бенигне Элердт. Сам он, и возможно его сын Петр IV, были пасторами в Абельхофе. Своих поместий и крестьян у Лизандеров не было, а должность сельского пастора была не слишком выгодной. Так и прозябать бы Лизандерам в своих приходах, но после присоединения в 1721 г. шведских владений в Прибалтике к России Лизандеры стали поступать на службу в русскую армию. Некоторые служили и польскому королю. Иногда они арендовали имения курляндских герцогов.

Представитель шестого поколения Лизандеров, сын Петра IV Иоанн Фридрих, родился 27 февраля 1708 г. и умер в 1766 г., служил полковником русской армии, был арендатором имения Нойзельбург, женился на Анне Доротее фон Меерфельд. У супругов было три сына. Второй, Иоанн Готхард, родился 13 июня 1748 г., дослужился до чина премьер-майора русской армии. В 1815 г. он жил в Воронежской губернии. Третий сын Иоанна Фридриха Ернст родился 1 мая 1751 г., дослужился всего лишь до звания подпоручика и тоже жил в Воронежской губернии. Был женат на Луизе Шарлотте Радебандт. Это дедушка и бабушка вашего героя. У них было два сына Карл Мартин и Александр. Карл родился 21 ноября 1791 г., был капитаном артиллерии русской армии, после был произведен в полковники. В 1817 г. женился на дочери помещика Орловской и Курской губернии Дмитрия Николаевича Тютчева Пелагее. После смерти тестя Лизандерам досталось в наследство от него часть д. Журиничи в Брянском уезде, д. Шемитки в Карачевском уезде и часть с. Ажово в Дмитровском (Курской губернии) уезде. В ревизской сказке Брянского уезда за 1858 г. отмечено,

что наследникам умершего полковника Карла Еремеевича Лизандера принадлежало в д. Журиничи 117 крестьян м.п. 120 ж. П. и дворовые люди, из которых было 14 мужчин и 8 женщин. Около 80 душ м.п. принадлежало Лизандерам и в д. Шемитки. Таким образом, как сам Карл Лизандер, так и его дети, были брянскими и карачевскими помещиками.

Дмитрий Николаевич Лизандер родился в 1824 г., возможно, что в усадьбе деда в сельце Панютине. Назвали его в честь дедушки Дмитрия Тютчева. В 1843 г. он закончил курс юридического факультета Московского университета со званием действительного студента. Помимо семейной традиции, на его поэтические занятия повлияла поэтическая школа, существовавшая при Московском университете, через которую в свое время прошли Тютчев и Лермонтов. Еще, будучи студентом второго курса, Дмитрий Карлович издал в 1840 г. поэму в двух частях «Запорожцы». В 1842 г. он публикует несколько стихотворений в журнале «Библиотека для чтения»: «Воспоминания», «Две ночи», «Повесть сердца» и др. В 1845 г. эти стихи были изданы отдельным сборником под заглавием «Стихотворения Д. фон Лизандера». Стихотворения «Покойник», «Зимнее утро в деревне», «Сонет» из Данте были опубликованы в 1852, 1854 гг. в журнале «Раут», в котором неоднократно публиковался и Ф.И. Тютчев. Журнал издавался мужем сестры Ф.И. Тютчева Николаем Васильевичем Сушковым. В 1859 г. вышел сборник 45 сонетов под названием «Лучи и тени». После этого Дмитрий Карлович печатался редко, но стихи писал.

Он был принят в члены общества любителей российской словесности, в котором состоял и Ф.И. Тютчев. В 1892 г., незадолго до смерти, вышел его последний сборник с названием «Перед закатом». 13 апреля 1894 г. Лизандер умер. После отпевания в церкви св. Николая, что в Хлынове, близ Большой Никитской, он был погребен на Ваганьковском кладбище. В православие перешел еще его отец, которого по имени крестного отца писали с отчеством Еремеевич. Дмитрий Лизандер имел

земельные владения на Брянщине в д. Журиничи и Шемитки. В 1872 г. он вместе с Ф.И. Тютчевым и другими родственниками, вызывался Трубчевским судом для раздела наследства сестры своего деда Варвары Николаевны Безобразовой в селах Кокино и Палужье.

Творчество Лизандера носило подражательный характер. Его можно назвать эпигоном Лермонтова. Лермонтовские мотивы, поэтические образы и приемы стихосложения подавили ростки самобытности. Приведем для примера стихотворение «Покойник». Сюжет его, – встающий из гроба в Италии суворовский солдат, тщетно ждущий своих однополчан и Суворова, – явственно заимствован из лермонтовского «Воздушного корабля», где император Наполеон по ночам встает из могилы в надежде встретить своих соратников:

В царстве лавров и мирт, на чужбине,
Старый воин – солдат, погребен.
От врагов с полководцем великим
Отбивал пол-Италии он...
И любил он великого битвы
Там, где в недрах заоблачных скал,
Он стерег супостата как буря,
И внезапно, как гром, поражал...

Лермонтовские интонационные мотивы и лексические клише перегружают, как это, так и многие другие стихотворения Лизандера. Отсутствие отчетливой поэтической индивидуальности вызывало неодобрительные, а иногда и насмешливые отклики критиков. Некрасов, хотя и опубликовал два стихотворения Лизандера в своей знаменитой статье «Русские второстепенные поэты», вместе со стихами Тютчева, но отметил их «тяжелую напряженность» и неорганическое сочетание «книжности» и простонародных выражений. Несмотря на то, что как поэт Дмитрий Лизандер представляет интерес в основном для историков литературы, мы не должны

забывать его, как родственника Тютчева, как нашего земляка, который сделал что мог, в пределах отпущенного ему судьбой литературного дарования.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАБО ф.1, оп. 2, ед. хр. 61.
2. Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschlechten. Teil Kurland. Band I. Görlitz 1930. S. 405-412.
3. Исторический вестник. - 1894. - Кн. 6.- С. 873.
4. Российский архив. - М., 1991. - С. 298-299.
5. Русские писатели. 1800-1917. Т. 3. - М., 1994. - С. 358-359.
6. Языков Д.Д. Некролог//Моск. ведомости. - 1894. - №105.

ТЮТЧЕВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

С.А. НИКУЛИНА

Существует устойчивое, но неверное мнение о том, что предки нашего земляка поэта Ф.И. Тютчева по мужской линии похоронены в Свенском монастыре. Оно высказано, например, в таком популярном исследовании, как «Свенский монастырь», опубликованном М. Знаменским в 1915 году в ежемесячнике для любителей искусства и старины «Старые годы». Автор пишет: «...нельзя не упомянуть хотя бы о некоторых лицах родовитых фамилий, похороненных в монастыре, к числу которых относятся: предки поэта Тютчева, И.А. и Д.И. Тютчевы, ... князь Г.А. Мещерский и много других». (1, с. 93)

Помещена и фотография «Надмогильные памятники семьи Тютчевых» (1 с. 92) с изображением двух стоящих в ряд памятников типа «обелиск на пьедестале» (распространен в конце XVIII века). Фамилию «Тютчев» можно найти и в списке погребенных в монастыре, составленном по монастырским вкладным книгам настоятелем Иерофеем (2. с. 165), и в самой «Вкладной книге Брянского Свинского Успенского Печерского монастыря». Первые вкладные записи в ней рода Тютчевых относятся к 1567 году. (3, л. 90).

Однако, исследование родословной великого поэта приводит к однозначному отрицанию ближайшей родственной связи его и вышепоименованных Тютчевых. Прямые предки Ф.И. Тютчева, начиная с восьмого колена в конце XVI века, были дворянами не брянскими, а кашинскими. «В пятнадцатом колене потомков Захария Тютчева, к которому относился дед поэта, было 18 мужчин, обитавших в Кашинском, Угличском и Рязанском уездах». (4, с.17) Именно село Знаменское Мышкинского уезда Ярославской губернии и было родовым кладбищем непосредственных предков поэта. Именно здесь, у церкви Знамения, а не в Овстуге возле выстроенной в 1776 г. каменной Успенской церкви с приделом во имя Св. Варвары,

нашли свое упокоение в 1797 году останки деда Ф.И. Тютчева – Николая Андреевича, а в 1812 г. – бабушки Пелагеи Денисовны (урожд. Панютиной).

Первым из рода дворян Тютчевых, похороненным в Овстуге на почетном месте в ограде церкви Успения пресвятой Богородицы, был Иван Николаевич Тютчев, отец поэта, скончавшийся 5 мая 1846 года в Овстуге. Сыновья были за границей. Федор Иванович писал кузине по свежим следам утраты: «Конечно, у меня было много причин предвидеть в недалеком будущем ту утрату, которую мы только что понесли, и уже несколько лет при каждой нашей разлуке я не мог освободиться от грустного предчувствия... и, однако, даже посейчас, я не могу привыкнуть к мысли, что его нет более среди нас, что наше прощание в Москве было прощанием навеки... Я знаю, лишь немногие сохраняют своих родителей до того возраста, коего достигли мы, и все же в первую минуту этой утраты, независимо от возраста, в котором она настигнет нас, испытываешь совсем особое чувство покинутости и беспомощности. Ощущаешь себя постаревшим на 20 лет, ибо сознаешь, что на целое поколение приблизился к роковому пределу.... Все мы будем вечно сожалеть, что никто из детей его не присутствовал при его последних минутах». (5, с. 486)

Лишь 30 августа сыновья наконец приехали на могилу отца. «После обеда мы слушали панихиду на его могиле. Народу было довольно, и все были тронуты, глядя на Ни́колушку, который горько плакал. Он в самый тот день получил письмо руки покойного, которое отправлено было к нему в Вену и не нашло его там...». (Письмо к матери Е.Л. Тютчевой, 31 августа 1846 г., 6, с. 86).

На могиле покойного гвардии поручика Ивана Николаевича Тютчева было установлено черное мраморное надгробие (по моде середины XIX века) и металлический навес. (См. рис. 1852 г. - 7, с. 418) В каждый свой приезд в Овстуг Федор Иванович Тютчев навещал могилу отца (причем, не единожды, т.к. она находилась в непосредственной близости от

усадебного дома). Дочь Дарья сообщала сестре Екатерине 20 августа 1855 г. о распорядке жизни в Овстуге и занятиях отца: «С утра он встает благоразумно в 7 часов и после завтрака совершает с мамá большую прогулку (или, когда мама не может его сопровождать, его Антигоной становлюсь я). Сегодня утром мы отправились вместе, папá и я, сперва на могилу дедушки, затем в лесочки (рядом с кладбищем), с которыми связано у папа столько детских воспоминаний...». (8, л. 84).

Выросший в семье, чей уклад казался современникам идеальным, Федор Иванович Тютчев, наверное, и не подозревал, что характеристика идеальных супругов «они жили долго и счастливо и умерли в один день» (т.е. были похоронены в общей могиле) окажется применимой к его родителям лишь в первой части. Екатерина Львовна, урожденная Толстая, переживет супруга на целых 20 лет, успев незадолго до кончины порадоваться замужеству старшей внучки Анны. Федор Иванович описывал жене 12 января 1866 г. подробности: «... я проводил Анну к моей бедной старой матери, которая удивила и тронула меня остатком жизненной силы, проявившейся в ней в ту минуту, когда она благословляла ее своим знаменитым образом Казанской Божией матери. Это была одна из последних вспышек лампы, которая скоро угаснет». (6, с. 202)

Действительно, 18 мая 1866 г. Анна Федоровна Аксакова напишет в письме сестре Дарье: «Я только что вернулась из Москвы, где присутствовала на похоронах бабушки... Папá приехал к концу отпевания, он много плакал...». (7, с. 382) Похороны состоялись на Новодевичьем кладбище.

Здесь же будет в 1871 г. похоронен зять Ф.И. Тютчева, муж единственной сестры Дарьи – Николай Васильевич Сушков (1796-1871). Ему посвящены следующие слова поэта (письмо от 27 октября 1851 г.): «... в Вас поистине избыток христианской любви – неутолимая, неистощимая, всеобъемлющая попечительность... - от братниных поручений до моих стихов-подкидышей – благоговею - и молчу...». (6, с. 144). И хотя издание стихотворного сборника тогда не состоялось, именно

благодаря т.н. «сушковской тетради» Тургенев и Некрасов смогли его осуществить в 1854 году.

Откровеннее всего Ф.И. Тютчев высказался в письме к жене: «Он был одним из тех, кого мне больше всего недоставало бы во всякий другой период моей жизни» (9).

Москва стала местом упокоения и любимого брата – Николая Ивановича Тютчева, полковника Генштаба, скоропостижно скончавшегося в помещении московского Английского клуба 8 декабря 1870 года (еще трое братьев - Сергей, Дмитрий и Василий умерли в детском возрасте; Василий похоронен в г. Ярославле). 9 декабря Федор Иванович в сопровождении жены выехал из Санкт-Петербурга на похороны брата, вернулся 14 декабря. Эрнестина Федоровна в письме от 15 декабря констатировала: «... бедного полковника... мы искренне оплакиваем. Это был человек почтенный, в полном смысле этого слова, притом исполненный деликатности... Брат был его величайшей привязанностью до последних дней жизни, и можно сказать, что восхищение, которое он ему внушал, было светом и радостью старости полковника... Муж очень удручен смертью брата...» (10, л. 109, 111). Вскоре дочь Екатерина прочла в письме отца следующие стихи, написанные по дороге из Москвы в Санкт-Петербург 11 декабря 1870 г.

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем, -
И я теперь, на голой вышине,
Стою один, - и пусто все кругом.

И долго ли стоять тут одному?
День, год-другой, – и пусто будет там,
Где я теперь, - смотря в ночную тьму
И – что со мной, не сознавая сам...

Бесследно все – и так легко не быть!
При мне иль без меня – что нужды в том?

Все будет то ж – и вьюга так же вить,
И тот же мрак, и та же степь кругом.

Дни сочтены – утрат не перечеть,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я как есть,
На роковой стою очереди.

(11, с 214-215)

В Москве, но не на престижном и дорогом Новодевичьем, а на «демократичном» Калитническом кладбище покоится прах еще одного человека из ближайшего окружения Федора Ивановича Тютчева. Речь идет о Николае Афанасьевиче Хлопове, преданном слуге еще с Овстуга. Бывший крепостной поступил на службу в качестве дядьки-пестуна к четырехлетнему Феденьке и находился при нем неотлучно почти 20 лет (в том числе и в Германии). «Николай Афанасьевич, - писал И.С. Аксаков, - вполне напоминает знаменитую няню Пушкина... Этим няням и дядькам должно быть отведено почетное место в истории русской словесности», ибо благодаря им к их воспитанникам пробивались «струи чистейшего народного духа». (12, с. 108)

Перед кончиной в 1826 г. Николай Хлопов заказал для своего уже выросшего любимца памятную икону Божией Матери «Взыскание погибших», сохранившую (в надписях на оборотной стороне) – сам Тютчев об этом не заботился – даты важных в жизни Федора Ивановича событий. В центре помещено и завещание: «В память моей искренней любви и усердия к моему другу Федору Ивановичу Тютчеву. Сей образ по смерти моей принадлежит ему».(12, с. 108)

Весть о кончине в Москве верного спутника жизни пришла к Федору Ивановичу вскоре после свадьбы с Элеонорой Петерсон: «В доме г. надворного советника Ивана Николаевича Тютчева умре вольноотпущенный дворовый человек Николай

Афанасьев, 56 лет... Исповедан и приобщён приходским священником при дьячке. Тело похоронено в Калитническом кладбище 18 мая». (13, с. 58)

Элеонора Петерсон (урожд. гр. Ботмер), ставшая первой женой Ф.И. Тютчева и матерью троих его дочерей, умерла в 39 лет и была похоронена в г. Турине в 1838 г. Эта смерть долгие годы была незаживавшей душевной раной для овдовевшего супруга. Вот как передавала позже услышанное ею от отца его старшая 16-летняя дочь Анна (разговор их произошел по получении известия о смерти в Овстуге И.Н. Тютчева в мае 1846 г.): «Ах, как ужасна смерть! Как ужасна! Существо, которое ты любил в течение 12 лет, знал лучше себя самого, которое было твоей жизнью и твоим счастьем, - женщина, которую видел молодой, прекрасной и смеющейся, нежной и любящей, - и вдруг мертва...». (7, с. 216)

Как странно подходят эти слова Федора Ивановича Тютчева к следующей его потере, почти через 20 лет!... «Все кончено, - писал 8 августа 1864 г. поэт другу – Александру Георгиевскому, женатому на сестре Елены Александровны Денисьевой, - Вчера мы ее хоронили... Что это такое? Что случилось? О чем это я вам пишу – не знаю... Во мне все убито: мысль, чувство, память, все... Я чувствую себя совершенным идиотом.

Пустота, страшная пустота. И даже в смерти не предвижу облегчения. Ах, она мне на земле нужна, а не там где-то...

Сердце пусто, мозг изнеможен. Даже вспомнить о ней - вызвать ее, живую, в памяти, как она была, глядела, двигалась, говорила, и этого не могу.

Страшно, невыносимо... писать более не в силах, да и что писать?». (6, с. 196)

Ему же, в декабре того же года: «...Боже мой, боже мой, да что общего между стихами, прозой, литературой, целым внешним миром и тем ... страшным, невыразимо невыносимым, что у меня в эту самую минуту в душе происходит, - этою жизнью, которую вот уже пятый месяц я живу и о которой я

столько же мало имел понятия, как о нашем загробном существовании...». (6, с. 200) Еще через 2 года в письме дочери Анне Федоровне 25 февраля 1866 г. Федор Иванович роняет о самом себе лишь одну фразу: «Что же касается меня, то моя жизнь положительно кончена, мертва и погребена. Но надо испытать это состояние, чтобы понять, что это такое, и как в этом случае, перед лицом живой жизни, совершенно естественно становишься скованным и молчаливым, как мертвец». (5, с. 312).

Однако, у Денисьевой и Тютчева остались дети, жизнь продолжалась.

Старший сын, Федор Федорович Тютчев, родившийся 11 октября 1860 года в Женеве, прожил достойную жизнь...

В одном из некрологов в феврале 1916 года вместе с военными заслугами полковника Ф.Ф. Тютчева были отмечены и его литературные успехи: «Предметом покойного писателя была изящная словесность на темы из военного быта. И надобно сказать правду, он не имел себе соперников на этом поприще в последние годы... по силе высказанного таланта... Безупречный русский язык, бестенденциозность, красоту, пластичность изображения и редкую красоту замысла [он наследовал, бесспорно от отца]». Друзья и родственники перевезли тело Федора Федоровича из полевого военного госпиталя в Бердичеве в Петроград, где похоронили на Волковом кладбище (14, с. 4, 10). Рядом – могилы матери, Е.А. Денисьевой, тетки - А.Д. Денисьевой, а также сестры Елены и брата Николая, умерших в один день год спустя после смерти их матери.

В следующем 1866 г., умерла младенец Мария Бирилева – внучка Ф.И. Тютчева. Местом ее упокоения было выбрано престижное Новодевичье кладбище (открыто в 1849 г.) в Санкт-Петербурге. Судьбе было угодно, чтобы шестеро членов семьи Ф.И. Тютчева (включая его самого) были похоронены именно здесь.

Первым за годовалой племянницей Машенькой последовал ее дядя – старший сын поэта – Дмитрий Федорович Тютчев. Ф.И. Тютчев, его жена и младшая дочь находились в отъезде для

лечения. Понятны поэтому слова безутешного отца, сказанные в письме из Теплица 1/13 августа 1870 г.: «... никогда я не прощу себе, что позволил спровадить и увезти себя из Петербурга всего за девять дней до его кончины...

Ах, бедный мой мальчик! Он умер, вовсе не подозревая, до какой степени был мне дорог, и сам я, быть может, никогда вполне не отдавал себе в этом отчета». (6, с. 247-248)

Через год после безвременной кончины наследника тютчевских владений в Овстуге на церковной звоннице появился 30-пудовый (по числу прожитых лет) колокол с надписью «Вылит усердием Эрнестины Федоровны Тютчевой в память возлюбленного ее сына Дмитрия. Род. 14 июля 1841 г. – скончался 11 июля 1870 г. Упокой Христе душу раба твоего». (15, с. 101).

Федор Иванович Тютчев слышал звон этого колокола в последний свой приезд в Овстуг, тогда же в августе 1871 г., им было написано стихотворение «По дороге во Вщиж» с пронзительными строками, посвященными, в том числе, памяти сына и брата, скончавшихся в один год:

...Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих – лишь грезю природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей
И миротворной бездной.
(11, с. 218).

Вскоре судьба приготовила отцу, похоронившему уже троих своих детей новый удар: 2/14 июня 1872 г. младшая дочь от Эрнестины Федоровны – Мария скончалась от чахотки в

Рейхенхалле. 11/23 июня тело ее было привезено в Петербург и погребено на кладбище Новодевичьего монастыря.

Все эти события наносили тяжелые удары по здоровью Федора Ивановича. 11/23 декабря 1872 года жена делилась с братом в письме: «...С осени он все время испытывал недомогания... Головная боль отпустила его дня два тому назад.... Но читать ему по-прежнему трудно... бедный Тютчев... теперь очень напуган последними тревожными симптомами, тем более, что они появились приблизительно в годовщину смерти полковника [брата]; к тому же вот уже две недели, как бедняга вступил в страшный 70-й год, который оказался роковым для его отца и брата». (16, л. 204-205).

Действительно, до ноября 1873 года Федор Иванович Тютчев не дожил, скончавшись 15 июля. Похороны состоялись в среду на кладбище Новодевичьего монастыря.

Рядом с мужем пожелала быть упокоена и его последняя жена. Согласно ее завещанию, над их могильными плитами черного гранита посередине возвышается большой белый мраморный крест. На правой плите текст в девять строк: «Раб Божий Федор Иванович Тютчев род. 23 ноября 1803 скон. 15 июля 1873 Блажени милостивии: яко тии помиловани будут. Матфея гл. V, ст. 7».

На левой плите текст в десять строк: «Раба Божия Эрнестина Федоровна Тютчева рожд. баронесса Пфедфель род. 8/20 апреля 1810 г. сконч. 17/29 апреля 1894 г. Блажен чист и сердцем: яко тии бога узрят. Матфея гл. 5, 8.»

По последней воле Эрнестины Федоровны здесь, в Новодевичьем монастыре, каждый год 15 июля служились заупокойные обедни «по Божьим слугам: Федору, Марии, Дмитрию, Николаю, Марии (ребенок) и Марии» (сама Эрнестина Федоровна). (17, с. 314-315)

Могилы других детей, а также внуков Ф.И. Тютчева расширяют географию тютчевского некрополя...

Муж старшей дочери поэта Анны, Иван Сергеевич Аксаков, узнав в январе 1873 г. о тяжелой болезни тестя, едет в

Санкт – Петербург и некоторое время неотлучно находится у его постели. Узнав же о смерти Федора Ивановича, удаляется в имение Анны – Турово на Оке под Серпуховом, - где в течении полугода создает книгу-реквием поэту. Отдельное издание книги «Биография Федора Ивановича Тютчева» вышло в год смерти Ивана Сергеевича. Скончался он 27 января 1886 г. в Москве и был похоронен в Сергиевом Посаде на территории Лавры. Рядом с ним через три года будет похоронена и его вдова, Анна, посвятившая свои последние годы изданию сочинений покойного супруга (13, с. 129).

Младший сын Ф.И. Тютчева – Иван Федорович Тютчев, заботившийся о матери в последние годы ее жизни (для чего специально для нее выстроил дом в Мурановской усадьбе), издатель «Стихотворений Ф. Тютчева» в 1868 году и «Сочинений Ф.И. Тютчева» в 1900 году, скончался в 1909 г. и похоронен в подмосковном Мураново. Рядом с ним, у восточной стены домово́й церкви Спаса Нерукотворного, похоронены внук и правнук Ф.И. Тютчева: Николай Иванович Тютчев ((1876-1949), создатель, пожизненный хранитель и директор музея-усадьбы «Мураново» им. Ф.И. Тютчева (открыт в 1920 г.)) и Кирилл Васильевич Пигарев ((1911-1984), крупнейший биограф, исследователь и публикатор Тютчева, с 1949 по 1980 год – директор Мурановского музея). (12, с. 297).

Внучка Ф.И. Тютчева – Ольга Дмитриевна, в замужестве Дефабр, та самая четырехлетняя девочка, услышавшая о себе в апреле 1873 г. из уст больного деда: «Это цветок, выросший на могилах», прожила долгую достойную жизнь (1869-1942). Она сумела сохранить драгоценные семейные реликвии – фотографии, рукописи, книги и письма – вывезя их из Ленинграда в Астраханскую ссылку. Именно в Астрахани она и похоронена, а заветный короб с реликвиями в 1990 году попал, наконец, в Брянский областной краеведческий музей. (15, с. 97-101).

Таковы некоторые факты. Каковы же судьбы могил и надгробий? Увы, уже при жизни Ф.И. Тютчева беспощадное Забвение начало свою разрушительную работу.

«Вчера я поехала в Турин, - сообщила 10 октября 1871 года Дарья Федоровна в письме сестре Екатерине, - ... чтобы разыскать могилу мамá. Убогая, разоренная могила, где не осталось ничего – ни креста, ни памятника, только немного травы и мраморная доска со словами: «Здесь покоится Элеонора Тютчева, рожд. Ботмер, скончавшаяся в сентябре 1838 года». И ниже слова: «Она не придет более ко мне, но я иду к ней» (18, л. 103).

Утеряна могила матери Ф.И. Тютчева, так как древние захоронения на кладбище Новодевичьего монастыря «исчезли» в результате предпринимательской деятельности монастыря, активно продававшего могильные места. Нет и могилы дядьки Федора Ивановича - Николая Афанасьевича Хлопова.

Бесследно и безвозвратно утрачен колокол-памятник Дмитрию Тютчеву с церкви в Овстуге. Да и сама церковь с могилой и памятником отцу поэта уже много лет не существует.

Но, похоже, что время «разбрасывать камни» закончилось. В 1980-е годы в Ленинграде на Волковом кладбище восстановлены памятники на могиле Ф.Ф. Тютчева и его матери Е.А. Денисьевой. В 1997 году в Овстуге установлен памятник на месте могилы отца великого поэта – И.Н. Тютчева.

Что дальше?...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Знаменский М.С. Свенский монастырь//Старые годы. - 1915. - июль-август.
2. Иерофей (Добрицкий). Брянский Свенский Успенский монастырь Орловской епархии. - Орел, 1895.
Упомянуты: 1602 г. – Иван Андреевич, 1629 г. – Дмитрий Игнатьевич (от него ведут свой род брянские Тютчевы), а также Фаддей Петрович.

3. Вкладная книга Свенского Успенского Печерского монастыря. РГАДА, ф. 1200, оп. 1, д. 2, л. 90.
4. Алексеев В.П. Тютчевский Овстуг: Очерк-путеводитель. - Брянск, 2000.
5. Литературное наследство. - М.: Наука, 1988 – Т. 97. Кн. 1. Федор Иванович Тютчев.
6. Тютчев Ф.И. Сочинения в двух томах. - М., 1980. – Т. 2.
7. Литературное наследство. - М.: Наука, 1989 – Т. 97. Кн. 2. Федор Иванович Тютчев.
8. Мураново, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 603, л. 84-87 об.
9. На Новодевичьем кладбище сохранилась и могила двоюродной сестры Ф.И. Тютчева – умершей в возрасте 40 лет Анастасии Васильевны Якушкиной, не дождавшейся возвращения из сибирской ссылки мужа - декабриста Ивана Дмитриевича Якушкина.
10. Мураново, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 739, л. 109, 111.
11. Тютчев Ф.И. Сочинения в двух томах. Том 1. - М., 1980.
12. Тютчевский альбом. – М., 1994.
13. Чагин Г.В. Тютчев в Москве. – М.: Дет. литература, 1984.
14. Тютчев Ф.Ф. Кто прав?. - М., 1985. Автор предисловия – Чагин Г.В.
15. Алексеев В.П. Реликвии внуки поэта//Парыгин В., Алексеев В. Из противоречий сотканный талант. - Брянск, 1993.
16. Мураново, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 739.
17. Чагин Г.В. Завещание жены поэта//Прометей. - М., 1990. – Т. 16.
18. Мураново, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 618.

Иллюстрации

1. Рисунок неизвестного художника 1870-х гг. Памятник на могиле Элеоноры Тютчевой близ Турина». См.: Тютчевский альбом. - М., 1994. - С. 149.
2. Рисунок могилы И.Н. Тютчева, отца поэта (автор О.А. Петерсон, 1852). См.: Литературное наследство. - М.: Наука, 1989 – Т. 97. Кн. 2. Федор Иванович Тютчев.
3. Фото могилы Ф.И. Тютчева и др. в СП б на Новодевичьем кладбище. См.: Прометей. - М., 1990. – Т. 16. - С. 314.

ОБРАЗЫ Ф.И. ТЮТЧЕВА И ЕГО СЕМЬИ В ТВОРЧЕСТВЕ СКУЛЬПТОРА А.И. КОБИЛИНЦА

М.В. КОЧЕРГИНА

Творчество Алексея Ивановича Кобилинца уже четверть века связано с именем великого русского поэта Федора Ивановича Тютчева. Если первые работы раскрывали только образ самого поэта, то ныне, накануне его 200-летнего юбилея, им создана целая галерея образов Тютчевых – Бирилёвых - Аксаковых. До настоящего времени он автор единственного в стране памятника Ф.И. Тютчеву в селе Овстуг, на родине поэта.

Судьба щедро одарила этого талантливого художника, хотя путь в искусство был очень долгим и непростым. Он родился 13 сентября 1938 года в селе Белеёве Станиславской области на Украине, в простой крестьянской семье. С детства увлеченно рисовал и после окончания сельскохозяйственной школы поступил в Кишиневское республиканское художественное училище, которое закончил с отличием по специальности скульптор-исполнитель в 1965 году. Огромное желание стать профессиональным скульптором привело его в Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, где он учился в мастерской Михаила Константиновича Аникушина, народного художника СССР, действительного члена АХ СССР, Лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического труда, профессора этого старейшего в стране высшего художественного учебного заведения, где тщательно сохранялись традиции русского классического искусства. С огромной благодарностью А.И. Кобилинец вспоминает своего учителя, автора прекрасного памятника А.С. Пушкину. Именно от своего учителя А.И. Кобилинец унаследовал огромную увлеченность в работе, неистощимую энергию, любовь к тому, что творит.

После окончания Института им. И.Е. Репина он приезжает в г. Брянск в 1973 г. и сразу становится ведущим скульптором в

областной организации СХ РСФСР. Брянская земля увлекла его своей интересной, древней историей, своими поэтическими традициями, своей неповторимой красотой. Одиннадцать лет жил и работал скульптор в г. Брянске. За эти годы им созданы: памятник к 1000-летию Трубчевска – знаменитый «Баян» (1975), памятник погибшим учителям перед зданием БГПУ им. И.Г. Петровского (1978), памятник Ф.И. Тютчеву в селе Овстуг, на родине поэта (1978).

С 1976 г. автор работал над созданием эскизных моделей к памятнику Ф.И. Тютчева. Как и его учитель, Кобилицец делал множество эскизов, но сроки исполнения были предельно сжаты. Из 10 вариантов памятников был выбран один. Для парка в музее-усадьбе с. Овстуг была создана фигура сидящего поэта. Отлитый из бронзы памятник был поставлен на оси паркового фасада. Бетонный постамент, облицованный гранитными плитами, не отдалял, а приближал фигуру поэта к зрителям.

Действительно, скульптор воссоздал в этом образе верно понятый, тонко пережитый дух поэзии Тютчева: возвышенный мир его дум, благородство чувств, светлую печаль.

Памятник был отлит на ленинградском заводе «Монументскульптура». Долгие годы с этим заводом многолетней творческой деятельностью были связаны лучшие скульптуры русской реалистической школы пластики: Матвей Манисер, Николай Томский, Вера Мухина, Михаил Аникушин, Евгений Вучетич.

С 1987 г. автор живет и работает в городе на Неве. Его мастерская находится на набережной Мойки 1/7, недалеко от дома, где жил А.С. Пушкин и церкви, в которой отпевали погибшего поэта. Здесь же рядом знаменитый храм – «Спас-на-Крови» и училище, созданное русской художницей и меценатом М.К. Тенишевой. В таком «окружении» А.И. Кобилицец работает над своими художественными образами, как в монументальной, так и в станковой скульптуре. Его привлекает и скульптура малых форм. Излюбленный материал – бронза. Но для станковой скульптуры использует тонированный гипс,

надеясь в будущем перевести наиболее удачные работы в бронзу.

Так уж получилось, что, уехав из Брянска, художник навсегда остался верен своему творчеству, тесно связанному с брянским краем. И сегодня в Санкт-Петербургской мастерской можно увидеть Буй-Тур Всеволода, князей М.К. и В.Н. Тенишевых, А.Д. Вяльцеву, Тютчевых, Аксаковых, Бирилёвых.

К образу поэта Кобилице А.И. обращается вновь и вновь, разрабатывая новые варианты композиций, тщательно осмысливая образ. Художник не допускает повторений, многогранно раскрывает вдохновивший его образ. Так, бюст Ф.И. Тютчева (выполненный в одну натуральную величину, материал – тонированный гипс) экспонировался на выставке художников Черноземья в 1978 г. в Брянске и на выставке художников, членов Ленинградского Отделения СХ РСФСР в 1987 г. Ныне он подарен автором музею-квартире поэта в г. Москве. Бюст Ф.И. Тютчева (выполненный в 1,5 натуральной величины, материал – тонированный гипс) подарен художником Музею-усадьбе поэта в с. Овстуг, три бюста Тютчева созданы им для Брянского госпедуниверситета, школ г. Брянска. В настоящее время в мастерской скульптора большой бюст-памятник (как сам называет свою работу автор) поэта. Он представляет собой итог серьезной и вдумчивой работы над его образом 1997-2000 гг. Рядом - бюст Феденьки Тютчева – юноши; фигура поэта-лирика; фигура поэта – студента университета. Скульптура малых форм представлена настольными бюстами поэта.

Глубоко проникая в образ Тютчева, А.И. Кобилице создает и портреты людей, близких поэту. Так, в 1996 г. им создан портрет его зятя, Николая Бирилёва, героя Крымской войны 1853-1856 гг. Это погрудный бюст, выполненный в тонированном гипсе. Скульптору удался образ бесстрашного морского офицера, благородного и сильного духом молодого человека. Бюст экспонировался на выставке, посвященной 300-летию русского флота в Брянском историко-краеведческом

музее. Подарен автором Музею-усадьбе поэта в с. Овстуг в 1997 г. В этом же году скульптором создан погрудный бюст Марии Федоровны Бирилёвой, любимой дочери поэта. А.И. Кобилицецу удалось передать в этом образе трагедию личной жизни и общественную значимость (М.Ф. Бирилёва открыла в с. Овстуг школу для крестьянских детей, но была сломлена смертью малолетней дочери и душевной болезнью мужа, Н. Бирилёва).

К созданию полуфигуры Анны Федоровны Аксаковой, старшей дочери поэта, А.И. Кобилицецу приступил после долгого и кропотливого изучения ее мемуаров, различных литературных источников. Он очень долго отбирал фотоматериал, используя редкие снимки. Ему удалось передать образ фрейлины императрицы Марии Александровны, жены императора Александра II, воспитательницы царских детей, грамотной, образованной женщины, возлюбленной Ивана Андреевича Аксакова. Полуфигура выполнена в одну натуральную величину из тонированного гипса. Работа завершена в 1998 г.

В 1999 г. автор приступил к работе над образом «последней любви поэта» Елены Александровны Денисьевой. Раскрывая его, скульптор старался подчеркнуть безграничную преданность, огромную всепоглощающую любовь этой удивительной женщины, боготворившей своего возлюбленного.

А.И. Кобилицецу глубоко проникает в творчество Тютчева, много читает, досконально изучает биографию поэта, дорожит каждой новой книгой, посвященной жизни и творчеству поэта. Долгие годы творчества связывают его с Геннадием Васильевичем Чагиным, писателем и исследователем.

Автор бескорыстен, он дарит портреты семьи Тютчевых Музею-усадьбе в с. Овстуг: так в 2000 г. им создан погрудный бюст второй жены поэта Эрнестины Тютчевой, мужественной, сильной женщины, на плечи которой легли все тяжести и беды семейной драмы Тютчевых. (Погрудный бюст выполнен в одну натуральную величину в тонированном гипсе и подарен

Овстугскому музею). Ныне автор работает над бюстом зятя поэта и автора прекрасной книги о нем – И.С. Аксакова. Кроме этого, А.И. Кобилицец считает своим долгом ухаживать за могилой поэта, членов его семьи, могилой Е.А. Денисьевой и ее детей.

В 2000 г. скульптор стал лауреатом Тютчевской премии, что является фактом признания его заслуг по созданию галереи образов Ф.И. Тютчева и его современников, родных и близких.

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ РОДА ТЮТЧЕВЫХ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

А.М. ИВАНЮШИНА

Среди выявленных в Госархиве Брянской области документов по истории рода Тютчевых можно выделить несколько групп: дела по размежеванию земельных владений Тютчевых, юридические документы о вступлении в наследство, документы с описанием земельных владений, судебные дела о розыске беглых крестьян.

Большая часть документов сосредоточена в фонде Брянского уездного земского суда (ОДФ 5). Уездный суд был первой инстанцией для мелких уголовных и гражданских дел всех сословий уезда (кроме городского). В ведении уездного суда разрешались и некоторые несудебные дела: хранились межевые книги и планы, крепостное отделение уездного суда оформляло акты и документы в масштабе уезда, вместе с полицией суд «вводил в имение» его законного владельца.

Материалы о земельных владениях Тютчевых были выявлены в фонде Брянской уездной земской управы (ОДФ 4), где хранятся сведения о земельных владениях и землевладельцах Брянского уезда.

Проведением переписи податного населения (ревизии) Брянского уезда занималась Брянское уездное казначейство Орловской казенной палаты. В документах этого фонда (ОДФ 1) имеются сведения о крепостных и дворовых крестьянах Тютчевых.

Кроме этого, в фонде Межевой канцелярии Брянского уезда (ОДФ 545), занимавшейся установлением в уезде границ отдельных земельных участков и ее юридическим оформлением, выявлена межевая книга с. Овстуг с описанием самого села.

По мнению В.П. Алексева род Тютчевых вышел из московских служилых людей, владения которых первоначально

находились в Московском княжестве. В 16 веке одна из ветвей рода Тютчевых поселяется в Брянском уезде. На Брянщине, как раз в окрестностях с. Овстуг, обитали и предки поэта Тютчева по бабке – Пелагеи Денисовны Панютиной.

П.Д. Панютина вышла замуж за представителя московской ветви рода Тютчевых Николая Андреевича Тютчева. Центром владения Тютчевых на Брянщине была Речица, а по мере роста земельных владений – с. Овстуг.

В фондах архива хранятся дела о приобретении земель Тютчевыми, о межевых спорах с соседями. В июле 1777 года Пелагея Денисовна купила у полковника Ярославского пехотного полка Евграфа Иванова сына Алымова его недвижимое имение в д. Домашевой. Но из-за многочисленного семейства Алымовых эта сделка вылилась в судебное разбирательство, которое и завершилось лишь в 1784 году в пользу Тютчевой.

Еще более спорное и запутанное дело было между Николаем Андреевичем Тютчевым, помещиком Федором Жабиным и майоршей Екатериной Безобразовой, а возникло оно из-за владений в д. Крыжино, Умысличи и Годуновке. Она, а также земля оказалась проданной двум разным лицам. В Брянском суде начинается детальное расследование истории этого земельного участка, начиная с 1626 года, составляются родословные росписи всех многочисленных владельцев, фиксируются все купли-продажи. И только через 5 лет решением суда земли были закреплены за Тютчевым.

В 1794 году в Брянском земском суде рассматривалось дело о выкупе помещиками Николаем и Иваном Тютчевыми недвижимого родового имения: в феврале 1794 года имение в д. Лавшино было продано Дмитрием Тютчевым (братом Николая и Ивана) майору Степану Мясоедову.

В 1798-1799 гг. в Брянском уездном суде слушалось спорное дело о размежевании земельных владений между Федором Афанасьевичем Бахтиным и помещицей Пелагеей Тютчевой. Спор касался вырубленного людьми Бахтина леса в

районе Умысличской лесной дачи. Материалы дела включают многочисленные рапорты Брянского нижнего земского суда, прошения поручителей, документы, подтверждающие права владения землей.

Долго тянулось судебное дело о продаже генерал - майоршей Титовой подполковнику Тютчеву имения при с. Речица. Благодаря этому разбирательству, в архивном деле отложился документ с генеалогическим древом рода Панютиных.

В деле о наследственном разделе недвижимого имения помещицы П.Д. Тютчевой хранится «Приданая рядная запись писана» 15 февраля 1798 года (само завещание, составленное 17 декабря 1797 года, находится в Мурановском архиве). В ней Пелагея Тютчева оговаривает изменения в приданном, выданном ею дочери Надежде, в замужестве Шереметьевой. В другом деле хранится прошение в Брянский уездный суд о завещании П.Д. Тютчевой «сыну моему подполковнику Николаю Николаевичу сыну Тютчеву в дополнение в учиненному мною духовному завещанию, ... касательно людей и крестьян...» Составлен документ 31 января 1810 года.

Некоторые отчаянные крестьяне Тютчевых в поисках лучшей доли пускались в бега. О судьбе одного такого беглого крестьянина – Козьмы Тихонова сына по прозвищу Данилин – рассказывается в документах фонда Брянского уездного суда.

В фондах архива хранится дело по обвинению экономических крестьян д. Копыловки Брянской округи в незаконном покосе сена близ с. Овстуг. Документы этого дела рассказывают о споре в 1799 году деда поэта Николая Андреевича с крестьянами бывшей церковной деревни.

Ревизские сказки, хранящиеся в фонде Брянского уездного казначейства, содержат информацию о крестьянах, принадлежавших помещикам Тютчевым. В этом же фонде хранится Окладная книга о числе поселян Брянского уезда, вышедших из крепостной зависимости. Так, по состоянию на 1 января 1869 года из крепостной зависимости вышли 62

крестьянина д. Дорогинь, собственником которой был Тютчев Федор Иванович, действительный статский советник.

Сведения ревизских сказок дополняются межевыми книгами, в которых подробно описывались границы земельных владений, их размеры. Сохранились межевые книги с. Овстуг за 1779, 1797 годы, каталог описания владельческих дач с описанием села Овстуг за 1782 год. В 1844 году было проведено еще одно межевание. Овстуг был поделен на 4 части соответственно количеству владельцев, и на каждую имелась межевая книга. Тютчевым принадлежала самая большая часть Овстуга: «Внутри того владения пашенной земли 1451 десятина 708 десятин, сеного покосу и кустарника 48 десятин 1000 саж., листовного дровянного леса 40 десятин 1100 саж.. Мимо того дровянного леса: 40 дес. 1900 саж. ... В селе Овстуг господский дом каменный, при нем по данным ... восьмой ревизии состоит дворовых людей мужского – 27, женского пола – 31 душа...».

Кроме самого Овстуга владениями Ивана Николаевича Тютчева (отца поэта) называются в этих же межевых книгах – пятая часть дачи Ситковичи, дача пустоши Березовичи. Умер Иван Николаевич Тютчев в январе 1846 года – о чем есть запись в метрической книге церкви Успения Пресвятой Богородицы с.Овстуг.

После его смерти хозяином Овстуга становится полковник Николай Иванович Тютчев. Наследство отца было разделено между братьями: Николаю Ивановичу достался Овстуг, 48 дворов, крестьян 233 души м.п. и 227 душ ж.п., а также дворы в с.Давыдовичи, Летошники, др. Статскому советнику и камергеру Федорову Ивановичу Тютчеву досталось 47 дворов в с. Речице. 16 дворов в д. Дорогино, 17 – в Молотине, др.

Помещицей Брянского уезда становится и вторая жена Тютчева – Эрнестина Федоровна. В фонде Брянской уездной земской управы хранятся «Сведения о количестве земли, принадлежащей жене Тайного Советника Эрнестине Федоровне Тютчевой»: «Земли Брянского уезда по своему качеству разделены на три полосы, из коих 1-я полоса ограничивается от

Брянска к северу до реки Угости и селений Белоголовья, Быковичи, Высокого и включительно к западу – до границы Трубчевского уезда; к востоку – до реки Десны; 2-я полоса от реки Белизны к северу и западу до границы Рославльского уезда, к востоку до реки Десны и 3-я полоса от реки Десны к востоку и северу до границы сопредельных уездов, включая Акуличскую волость и местности между реками Угостью и Белизною по обе стороны то ж до реки Десны».

По духовному завещанию недвижимое имущество Тютчевой перешло в собственность ее сыну – действительному тайному советнику Ивану Федоровичу Тютчеву. В этом же фонде сохранились сведения о земельных владениях Ивана Федоровича: "У помещика Ивана Федоровича Тютчева состоит земли в Брянском уезде при с.Речица Овстугской волости – 602 дес., при селе Овстуг той же волости - 627 дес., при дер. Храбровичах – 156 дес., при дер. Демьяничи Гасомской волости – 276 дес.". В деле хранится переписка Брянской уездной управы по вопросам землевладения Тютчевых.

СПИСОК ФОНДОВ И ДЕЛ

- ОДФ 5, оп.1, д. 514
- ОДФ 5, оп.1, д. 62
- ОДФ 5, оп. 2, д.700
- ОДФ 5, оп.2. д. 536
- ОДФ 5, оп.2, д. 699
- ОДФ 5, оп.1, д. 350
- ОДФ 5, оп.2, д. 738
- ОДФ 5, оп.2, д. 512
- ОДФ 1, оп.1, д. 61
- ОДФ 1, оп.2, д. 91
- ОДФ 543, оп.1, д. 202
- ОДФ 545, оп. 3, д. 295
- ОДФ 545, оп. 2, д. 219
- ОДФ 4, оп.1, д. 2, т.1